НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ

И ХАРАКТЕРЫ

ДРЕВНИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ историко-филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ 30 августа 1897 года.

Г. В. Малеванскаго.

КІЕВЪ.

Кіевъ. Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Михайловская у. д. № 4.

1897.

1в

ПРОВ. 1957

Пр.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи". за 1897 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1233
30

Нравственные принципы и характеры древнихъ греческихъ философовъ [1]).

Καί ὁ κύκνος πρὸς τὸ τέρμα
τοῦ βίου φωνῇ κελαδεῖ...

Задачею своей рѣчи, къ которой прошу вашего благосклоннаго и снисходительнаго вниманія, я поставилъ по возможности ослабить силу того укора, который тяготѣетъ на философіи и философахъ съ древнихъ временъ, но который на самомъ дѣлѣ неоснователенъ, несправедливъ прежде и больше всего въ приложеніи къ древнимъ греческимъ философамъ.

Платонъ передаетъ, что уже надъ однимъ изъ древнѣйшихъ философовъ—Ѳалесомъ очень зло и какъ будто остроумно посмѣялась простая служанка — ѳракіянка, когда онъ, устремивъ взоры въ высоту небесную, споткнулся и упалъ въ колодезь, сказавши ему: „не' странно ли, что ты такъ усиливаешься познать выспреннее—небесное, а того, что такъ близко и что подъ ногами у тебя, ты не видишь, не знаешь и знать не хочешь“! Эта острота ѳракіянки можетъ быть принята за живую иллюстрацію того издревле слагавшагося поверхностнаго вульгарнаго мнѣнія, что философія есть такое пареніе мысли въ заоблачныхъ высотахъ, такое отрѣшеніе ума отъ всего ближайшаго—земного, человѣческаго, житейскаго, которое въ такой же степени безцѣльно, непригодно, безплодно, и что философы суть люди, быть можетъ, и сильные въ области

---

[1]) Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Историко филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ 30 августа 1897 года.

всякихъ теоретическихъ отвлеченныхъ мудрованій, но въ сферѣ обыденной человѣческой жизни и обычныхъ человѣческихъ взаимоотношеній ни на что дѣльное непригодные, совсѣмъ безполезные и ненужные,—словно, трутни въ пчелиномъ ульѣ.

I. Въ этомъ вульгарномъ представленіи философа, какъ и во всякой каррикатурѣ, есть, конечно, и черты, взятыя изъ живой дѣйствительности, но онѣ искажены, изуродованы до неузнаваемости. Вѣдь и Пиндаръ, говоритъ Платонъ, знаетъ и изображаетъ такихъ людей, которые только тѣломъ живутъ въ томъ или другомъ городѣ, въ такой или иной жизненной обстановкѣ, между тѣмъ какъ мыслію своею то воспаряютъ выше небесъ, то измѣряютъ поверхность и глубины земли, то усиливаются проникнуть во внутреннюю невидимую сущность вещей, все остальное болѣе близкое оставляя въ сторонѣ, какъ не стоющее серьезнаго вниманія, но во всемъ этомъ онъ не находитъ ничего ни смѣшного, ни страннаго. То правда, продолжаетъ Платонъ, что философъ считаетъ ничтожнымъ многое изъ того, что прочіе очень высоко цѣнятъ, не знаетъ и не вѣдаетъ многаго изъ того, что въ большинствѣ люди отлично знаютъ и на достиженіе чего употребляютъ немало всяческихъ усилій, искательствъ, ухищреній, происковъ. Такъ, философъ совсѣмъ не знаетъ ни того, кто и какъ—быстро или медленно—подвигается по служебной лѣстницѣ, ни того, кто и какое—большое или малое—имѣетъ имѣніе, состояніе, а потому никогда ни предъ кѣмъ—даже предъ величественнымъ тиранномъ не расточаетъ льстивыхъ ласкательныхъ рѣчей, мало того, — даже очень смущается, слыша такія рѣчи другихъ, и непритворно смѣется, когда предъ нимъ прославляютъ чей-либо родъ, насчитывающій столько-то богатыхъ и знатныхъ предковъ,—смѣется, ибо знаетъ, что у каждаго изъ людей были цѣлыя тысячи предковъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и хорошихъ и дурныхъ (— и это говоритъ Платонъ, отлично зная, что большинство древнихъ философовъ проис-

ходили изъ самыхъ знатныхъ аристократическихъ, а иногда даже изъ царскихъ родовъ). Философъ затыкаетъ уши и бѣжитъ отъ всякихъ сплетней и пересудъ, ничего не хочетъ знать ни о ссорахъ и дрязгахъ между родичами, ни объ обидахъ и оскорбленіяхъ, которымъ подвергаются жены отъ мужей и мужья отъ женъ, и вотъ почему, когда его самого оскорбляютъ и бранятъ, онъ не умѣетъ отвѣтить соотвѣтственною бранью, не имѣя для нея, такъ сказать, никакого матеріала. Онъ любомудръ, но чуждъ празднаго любопытства, и потому вовсе не ищетъ тѣхъ, услаждающихъ зрѣніе, или слухъ развлеченій (οὔτε θεάμων οὔτε φιλήκοος, Respub. 475—6), на которыя всѣ такъ падки. Онъ совсѣмъ не знаетъ пути, ведущаго на городскую площадь, гдѣ люди толпятся съ утра до вечера—одни ради покупокъ и разныхъ сдѣлокъ, другіе ради встрѣчъ, свиданій, толковъ, пересудъ, интригъ, третьи просто изъ-за того, чтобъ позѣвать, людей посмотрѣть и себя показать. Даже туда, гдѣ засѣдаетъ судъ, совѣтъ или другое собраніе, онъ не ходитъ сколько потому, что всячески избѣгаетъ имѣть тамъ какое-нибудь дѣло, которое неизбѣжно тамъ проиграетъ вслѣдствіе своей неопытности и наивнаго упованія на одну свою правоту (Gorg. 484, C. D. E), столько-же и потому, что фигурирующіе тамъ люди, судящіе и судимые, обвиняющіе и обвиняемые, ведущіе тяжбы и иски, обидчики и обиженные въ большинствѣ своемъ такіе, которые способны вызвать въ немъ лишь горечь и жалость. Лишь на одно эти люди большіе мастера—ласкать уши власть имѣющихъ льстивыми рѣчами и угождать имъ всячески дѣлами, т. е. или разными услугами, или дарами. Это, по выраженію Платона,—души не выросшія, маленькія и вдобавокъ искривленныя отъ того, что рабская приниженность уже въ юности лишила ихъ роста, прямизны и свободы, заставляя ихъ изгибаться и кривиться отъ всякихъ страховъ и опасеній; не имѣя воли побѣдить, или хоть умѣрить эти страхи силою истины и справедливости, они на каждомъ шагу прибѣгаютъ къ лжи,

обманамъ и всяческимъ обидамъ, какъ къ единственному якорю спасенія и, понятно, отъ этого все болѣе и болѣе портятся, извращаются, и такимъ образомъ, не имѣя ничего здороваго и цѣлаго въ душѣ, изъ дѣтей и юношей становятся мужами, да еще съ полнымъ наивнымъ убѣжденіемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ они стали и сильнѣе и мудрѣе прочихъ. Все то, изъ-за чего люди этого рода въ потѣ лица хлопочутъ, чего усиленно домогаются и добиваются разными кривыми путями и всяческими неправдами, неизвѣстно философу: ему чужды всякія домогательства и происки, употребляемые обыкновенно для полученія почетныхъ и выгодныхъ государственныхъ должностей; заискиваніе расположенія у той или иной политической партіи, которая выдвинула бы его на вѣрную дорогу власти и могущества, сходки и совѣщанія съ разными политическими кружками, обѣды, ужины и пирушки съ флейтистками и т. п.,—все это ему даже во снѣ не грезится. Вотъ чего и многаго подобнаго дѣйствительно не знаетъ, по изображенію Платона, философъ; во всемъ этомъ онъ круглый невѣжда, и понятно, что когда вслѣдствіе этого своего невѣжества попадаетъ въ колодези, вообще во всякаго рода житейскія затрудненія и непріятности, то становится предметомъ злорадная посмѣянія не отъ одной только какой-нибудь ѳракіянки, но и отъ всего сонма вышеописанныхъ людей тѣмъ болѣе, что у него съ ними такъ мало общаго и такъ много противоположнаго.

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что философа совсѣмъ не занимаетъ и нисколько не заботитъ человѣкъ и все то, что для человѣка имѣетъ существенную важность. Онъ, правда, не входитъ въ разсмотрѣніе того, кто кого и чѣмъ обидѣлъ, но за то онъ старается изслѣдовать и опредѣлить, что такое вообще есть обида и несправедливость, что такое есть, или въ чемъ должна состоять справедливость и всякая другая добродѣтель. Для него не важно, счастливъ ли и насколько такой-то властелинъ, обладающій богатою казною; но за то

онъ изслѣдуетъ, что такое есть властвованіе или царствованіе, что такое богатство и бѣдность, счастіе и несчастіе, а равно и то, какимъ образомъ человѣкъ можетъ достигать перваго, избѣгать послѣдняго. Другими словами, хотя философъ не занимается мелочами и дрязгами, вообще тѣмъ, что составляетъ область частныхъ и случайныхъ явленій человѣческой жизни, но за то онъ изслѣдуетъ тѣ общія нравственныя понятія и тѣ основные неизмѣнные нравственные принципы, въ подчиненіи которымъ и состоитъ истинно-человѣческая жизнь въ отличіе отъ нижечеловѣческой—животенной. Этого рода практическія или этическія изслѣдованія, наравнѣ съ метафизическими, если даже не болѣе, составляютъ для философа, такъ сказать, стихію, въ которой онъ постоянно живетъ, дышетъ, движется, трудится. И вотъ когда ему случается вовлечь въ эту свою родную стихію—въ подобнаго рода изслѣдованія кого нибудь изъ людей вышеописаннаго типа, даже мнящаго себя особенно мудрымъ и велерѣчивымъ, тогда уже не онъ самъ, а этотъ краснорѣчивый умникъ попадаетъ въ положеніе, которое возбуждаетъ и смѣхъ и жалость вмѣстѣ: такъ какъ у него или еще не выработаны, или уже извращены нравственныя понятія и чувства, то онъ, поднятый на высоту этическаго изслѣдованія и созерцанія, чувствуетъ себя какъ бы повисшимъ въ воздухѣ надъ бездной безъ опоры подъ ногами, и тогда у него кружится голова, мутится смыслъ, и онъ въ этомъ мучительномъ состояніи способенъ лишь бормотать что-то непонятное, словно на чуждомъ ему какомъ нибудь варварскомъ языкѣ. Отношеніе философа ко всему человѣческому, насколько это человѣческое уклоняется отъ своей истинной нормы и является съ чертами низменности, извращенности, грязности, дѣйствительно, можетъ быть названо удаленіемъ, бѣгствомъ своего рода; но это бѣгство есть углубленіе вовнутрь собственнаго богоподобнаго духа, есть неослабное стараніе очистить его отъ всякихъ скверны и нечистотъ, достигнуть посильнаго уподобленія Богу, сдѣлаться

во всемъ и всегда справедливымъ, правымъ и мудро-благочестивымъ [1]). Или, — такъ какъ Богъ, по своей неисчерпаемой благости, есть и первопричина и послѣдняя цѣль всякаго бытія и духовнаго въ особенности, то это божественное, или абсолютное благо составляетъ для философа не только самый важный и существенный предметъ теоретическаго умозрѣнія [2]), но также — самый главный предметъ этическаго стремленія: онъ не довольствуется и не можетъ довольствоваться однимъ чисто-разсудочнымъ созерцаніемъ этого блага уже потому, что оно въ каждый моментъ такого созерцанія, подобно свѣту солнца, не только освѣщаетъ, просвѣтляетъ его умъ, но также согрѣваетъ своею теплотою всю его душу, будитъ къ развитію всѣ лучшія, содержащіяся въ ней, силы и задатки, и чѣмъ чаще и полнѣе предается онъ такому созерцанію, тѣмъ сильнѣе и вмѣстѣ удобоосуществимѣе становится въ немъ потребность избрать и имѣть это благо постояннною путеводною звѣздою, постоянною нормою всей своей жизни [3]). Осуществленіе этого не вульгарнаго, а божественнаго образца или идеала философъ ставитъ задачею жизни, конечно, прежде всего для себя самого [4]). Но онъ убѣжденъ, что этотъ идеалъ обязателенъ не для него одного, а и вообще для человѣка, мыслимаго въ своемъ подлинномъ духовно-разумномъ, богоподобномъ существѣ, и такъ какъ кромѣ того онъ всецѣло проникнутъ и воодушевленъ своимъ идеаломъ, то даже не можетъ не дѣлиться имъ со всѣми желающими и способными войти въ кругъ и смыслъ его убѣжденій и стремленій. Поэтому, онъ

---

[1]) Theaet 172—176.

[2]) Respub. 505. A. ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα μέγιστόν ἐστι μάθημα, ἄνευ δὲ ταύτης εἰ ὅ τι μάλιστα τἆλλα ἐπιστάμεθα... οὐδὲν ἡμῖν ὄφελος.

[3]) Πᾶν τὸ γιγνώσκον τὸ ἀγαθὸν θηρεύει καὶ ἐφίεται βουλόμενον ἑλεῖν... Phileb. 20. D. 22 B; Leg. 728 C. D. Resp. p. 507—510.

[4]) Resp. p. 500 D.—θείῳ καὶ κοσμίῳ ὁ φιλόσοφος ὁμιλῶν κόσμιός τε καὶ θεῖος εἰς τὸ δυνατὸν ἀνθρώπῳ γίγνεται.

молится богамъ прежде и больше всего о дарованіи ему духовныхъ истинныхъ благъ въ такомъ изобиліи, чтобы всякій, желающій позаимствоваться ими у него, могъ брать во всякое время столько, сколько захочетъ [1]). Другими словами, философъ не только есть возможно-совершенный, добродѣтельный человѣкъ самъ по себѣ, но вмѣстѣ лучшій живой образецъ и учитель добродѣтели для своихъ учениковъ и послѣдователей [2]).

Такими чертами изображаетъ философа геніальнѣйшій изъ древнихъ философовъ Платонъ и прибавляетъ, что такой приблизительно философскій характеръ въ самомъ дѣлѣ имѣли по крайней мѣрѣ всѣ корифеи предшествовавшей ему философіи. Въ самомъ дѣлѣ, если величайшій философъ новаго времени Кантъ признаетъ имѣющими вѣчную, неизмѣнную, абсолютную цѣнность лишь двѣ вещи — звѣзды на небѣ и нравственный законъ въ душѣ человѣка, то обѣ эти вещи имѣли такую же цѣнность уже и для самыхъ древнихъ греческихъ философовъ, и обѣ постоянно и равномѣрно составляли главный и существенный предметъ ихъ философскаго умозрѣнія,— вторая нисколько не меньше, если даже не больше первой. Греческіе философы, начиная съ древнѣйшихъ, прежде всего съ благоговѣйнымъ восхищеніемъ созерцали и съ пытливымъ недоумѣніемъ наблюдали звѣзды небесныя не столько потому, что онѣ своимъ блескомъ хоть отчасти освѣщаютъ темноту ночей, даже не столько потому, что онѣ въ міріадахъ разнообразнѣйшихъ конфигурацій представляютъ самое дивное и величественное явленіе неземной, небесной красоты, сколько потому, что въ ихъ размѣщеніи, въ ихъ движеніяхъ и соотношеніяхъ надѣялись усмотрѣть и какъ бы вычитать тѣ неизмѣнные міровые законы, указывающіе собою на единый

---

[1]) Phaedr. 237—265. δοίητε μοι ᾧ θεοὶ καλῷ γενέσθαι τάνδοθεν,... πλουσίον νομιζοιμι τον σοφόν...

[2]) Resp. 474. D.

міроправящій разумъ, подъ условіемъ которыхъ только и можетъ существовать міръ, какъ единый стройный космосъ, и въ этомъ видѣ быть предметомъ разумнаго познанія, и безъ которыхъ возможенъ лишь неспособный ни къ какому существованію и недоступный никакому познанію неразличаемый, безсмысленный хаосъ. Это были, по выраженію Аристотеля, прежде всего естествоиспытатели (φυσιολόγοι), точнѣе, астрономы и космологи. Но, если звѣздный міръ привлекалъ къ себѣ ихъ вниманіе своимъ блескомъ и отдаленною высотою, то міръ человѣческаго духа привлекалъ ихъ къ себѣ въ такой же мѣрѣ своею сверхчувственною таинственностію, непосредственною близостію и неизмѣримою глубиною. Направленный сюда мысленный взоръ ихъ не могъ сразу же не замѣтить огромной разницы между этимъ невидимымъ и тѣмъ видимымъ міромъ: если тамъ хаосъ допустимъ лишь какъ фантастическая гипотеза, то здѣсь хаотическое состояніе есть повидимому исходный пунктъ развитія; если тамъ уравновѣшенная закономѣрность есть нѣчто сразу готовое, данное, то здѣсь она есть лишь нѣчто желаемое и искомое; если тамъ законъ есть фактъ, то здѣсь онъ пока только постулятъ; если тамъ законъ есть сразу математически-точная опредѣленность, то здѣсь онъ первоначально имѣется лишь въ видѣ инстинкта настолько темнаго и неопредѣленнаго, что онъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ точными инстинктами животныхъ; если тамъ законъ дѣйствуетъ съ неодолимою необходимостію, не справляясь съ тѣмъ, угодно или не угодно это тѣмъ элементамъ, въ средѣ которыхъ онъ дѣйствуетъ, то здѣсь законъ и появляется не иначе, какъ путемъ сознательной выработки изъ элементовъ, и становится дѣйствительнымъ властнымъ закономъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если онъ не только сознается и признается умомъ, но и желается волею; наконецъ, если правда, что и тамъ подчиненіе элементовъ закону не обходится безъ нѣкотораго ихъ противодѣйствія взаимной борьбы, то здѣсь эта борьба не-

сравненно интенсивнѣе и сложнѣе и въ личной жизни каждаго индивидуума, и особенно въ той чрезвычайно-сложной путаницѣ взаимоотношеній, которая сама собою возникаетъ, когда изъ индивидуумовъ образуются болѣе или менѣе значительныя связныя группы—семьи, роды, общины, государства. Все это, однако, вмѣсто того, чтобъ привести философствующій умъ въ смущеніе и уныніе, напротивъ, еще болѣе подстрекало и оживляло его пытливое любомудріе: философы греческіе, начиная съ самыхъ древнихъ, то путемъ эмпирическаго наблюденія проявленій духовной жизни человѣческой въ обрядахъ, обычаяхъ, нравахъ и во всякаго рода взаимоотношеніяхъ, то путемъ чтенія, или припоминанія свѣжихъ и давнихъ преданій, а болѣе всего путемъ проникновенія въ глубины и тайники собственнаго духа стараются всячески уяснить себѣ и другимъ специфическую сущность человѣческой природы, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ земли, уразумѣть ея составъ или складъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ привести въ ясность тѣ спеціально-человѣческіе, т. е. духовно-нравственные принципы, законы, или правила и нормы, выполняя которыя человѣкъ легче, лучше и полнѣе всего можетъ развить всѣ лучшіе, лежащіе въ его природѣ, задатки или способности, осуществить въ возможной мѣрѣ положенную ему задачу или цѣль жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть возможнаго благополучія, или счастья. Словомъ, греческіе философы съ самаго начала были также гуманисты и моралисты, и ихъ моральныя доктрины, наставленія, совѣты, правила, особенно же ихъ личная жизнь, представлявшая живое, наглядное воплощеніе этихъ правилъ, ихъ безупречные, благородные, строго выдержанные нравственные характеры имѣли для своего и послѣдующаго времени вліяніе еще болѣе значительное и благотворное, чѣмъ ихъ астрономическія гаданія и космологическія построенія. Всякая философія, заслуживающая этого имени, говоритъ Гегель, имѣетъ своимъ существеннымъ содержаніемъ одно и то же—идею, или абсолютное,

но только въ различныхъ формахъ и моментахъ, или стадіяхъ; поэтому, слѣдуетъ считать ложнымъ мнѣніе, будто исторія философіи представляетъ собою не что иное, какъ темный лабиринтъ противорѣчивыхъ мнѣній и заблужденій человѣческаго ума; напротивъ, скорѣе она есть настоящій пантеонъ многоразличныхъ божественныхъ образовъ—разныхъ видовъ одного и того же абсолютнаго [1]). Можетъ быть, это сказано ужъ слишкомъ много. Если и мы, прибѣгая къ сравненію и образу, скажемъ, что философы своими свѣтлыми нравственными доктринами и своими чистыми нравственными характерами издревле свѣтили всѣмъ прочимъ людямъ словно звѣзды на небѣ во мракѣ ночей, то и это можетъ показаться гиперболой. Но, если мы скажемъ, что философы были какъ бы береговыми маяками, которые людямъ, двигающимся по волнамъ моря житейскаго, помогали оріентироваться и достигать съ возможно меньшими опасностями житейской пристани,—то этого никто не долженъ счесть преувеличеніемъ, особенно въ виду того обстоятельства, что и тѣ святые отцы и учители Церкви, которые были хорошо ознакомлены съ философіей (св. Іустинъ, Климентъ алекс. [2]), Евсевій кес. [3]), бл. Августинъ [4]), Лактанцій [5]), и др.), признавали, что лучшіе представители греческой философіи, какъ избранные органы одного и того же божественнаго Логоса—Слова, или Разума, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ, были немолчными пѣстунами Его единой вѣчной божественной истины, правды и благости въ языческомъ мірѣ.

II. Если для большей живости представленія, мы позволимъ себѣ воспользоваться Гегелевскимъ образомъ, то можно сказать, что когда мы поднимемся по ступенямъ лѣстницы

---

[1]) Encyklopedie p. 167.

[2]) Strom. 1. p. 128.

[3]) Demonstr. evang. 1. 2.

[4]) Retr. 1, 13; de civ. Dei VIII, 9; quaest oct. 46, 1.

[5]) Lact. inst. VII, r. 22.

и вступимъ прежде всего въ пропилеи пантеона греческой философіи, то тутъ увидимъ величавыя фигуры тѣхъ мужей, которые издревле извѣстны подъ именемъ семи мудрецовъ, хотя ихъ насчитываютъ иногда двумя, или тремя больше. Кратко будетъ наше сказаніе объ этихъ мудрецахъ уже потому, что дошедшія до насъ свѣдѣнія объ нихъ, очень скудныя и неточныя, даютъ достаточный матеріалъ лишь для характеристики ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Платонъ этихъ самыхъ древнихъ и самыхъ мудрыхъ мужей (παμπαλαίους καί πανσόφους)[1]) отличаетъ отъ философовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова тѣмъ, что они были болѣе мощны и ближе къ богамъ стояли и обитали [2]), Аристотель—тѣмъ, что они были главнымъ образомъ теологи [3]), наконецъ, Плотинъ—тѣмъ, что они главною заботою своею ставили возможно-ближайшее общеніе съ Божествомъ, возможно-постоянное присутствіе Божества въ своемъ духѣ, почему на ихъ мысли, слова и дѣянія можно смотрѣть, какъ на божественныя внушенія[4]). Это свидѣтельство трехъ величайшихъ философовъ древности важно не только тѣмъ, что правильно констатируетъ историческій фактъ, но еще болѣе тѣмъ, что правильно истолковываетъ и освѣщаетъ его, указывая въ религіи и теологіи ту первоначальную почву, на которой зародилась и постепенно выросла философія. Философія и религія, какъ справедливо учитъ одинъ изъ корифеевъ новѣйшей философіи Гегель, во-

---

[1]) Theaet. p. 179—181.

[2]) Phileb. p. 16. οἱ παλαιοὶ κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες.

[3]) Metaphys. 1. 3. εἰσί δέ τινες, οἱ καὶ παμπαλαίους καὶ πολὺ πρὸ τῆς νῦν γενέσεως καὶ πρώτους θεολογήσαντας οὕτως οἴονται περὶ τῆς φύσεως ὑπολαβεῖν..,

[4]) Ennead. IV, lib. 3, 11; lib: 4, 27.—καί μοι δοκοῦσιν οἱ πάλαι σοφοὶ, ὅσοι ἐβουλήθησαν θεοὺς αὐτοῖς παρεῖναι.. θείᾳ φήμῃ καὶ φύσει ἀπομαντεύομενοι... ἱερά καὶ ἀγάλματα ποιησάμενοι, εἰς τὴν τοῦ παντὸς φύσιν ἀπιδόντες...

все не такъ далеки другъ отъ друга, какъ это многимъ кажется, такъ какъ обѣ онѣ имѣютъ одно и тоже существенное содержаніе — божественное или абсолютное, съ тѣмъ только различіемъ, что въ религіи оно дано въ формѣ чувства и представленія, въ философіи же—въ формѣ мысли и понятія. Божественное или абсолютное, безъ предположенія котораго не могло-бы имѣть смысла и цѣны никакое относительное бытіе, особенно же человѣческое, въ самомъ дѣлѣ, дано бываетъ человѣческому духу первоначально только въ формѣ неяснаго чувства и темнаго стремленія, которыя тутъ-же какъ бы воплощаются въ конкретные образы живымъ, олицетворяющимъ представленіемъ. Но чѣмъ живѣе чувство божественнаго—чувство вѣры и благоговѣнія, чѣмъ интенсивнѣе стремленіе къ абсолютному, тѣмъ скорѣе пробуждается пытливость мышленія, направленная на уразумѣніе того, что составляетъ предметъ чувства и стремленія, и такимъ образомъ естественно возникаетъ сперва теологія, а теологія потомъ прогрессивно возрастающею силою рефлексіи постепенно или совсѣмъ преобразуется въ философію, или рядомъ съ собою порождаетъ философію, въ значеніи какъ бы своей герменевтики. Итакъ, извѣстные подъ именемъ семи мудрецовъ мужи были болѣе философовъ крѣпки (κρείττονες ἡμῶν) своею живою вѣрою въ божественное и благоговѣйнымъ почитаніемъ его, словомъ, живою религіозностію, которую они и фактически выражали живѣе и осязательнѣе, ибо строили храмы, ставили въ нихъ статуи, приносили богатыя жертвы и всякіе дары; они также были болѣе знакомы съ культами, мистеріями, религіозными традиціями не только своими національными, но и иноземными (какъ напр. Солонъ, Клеобулъ, Θалесъ)[1]), а нѣкоторые, кромѣ того, и въ буквальномъ смыслѣ ближе къ богамъ обитали, неся при нихъ жреческое служеніе (какъ напр. Епименидъ, бывшій жрецомъ Διὸς χθονίου Вполнѣ есте-

[1]) Diog. Laert. III. εἰς Αἴγυπτον ἐλθὼν τοῖς ἱερεῦσι συνδιέτριψεν.

ственно, что при этомъ они были также и теологами въ томъ смыслѣ, что и себѣ самимъ старались уяснить содержаніе своей религіозной вѣры и другихъ наставляли въ вѣрѣ и благочестіи—притомъ наставляли съ полнѣйшею и живѣйшею сердечною убѣжденностію, какъ бы божествомъ вдохновляемые и научаемые (θείᾳ φήμῃ ἀπομαντεύομενοι). Вотъ важнѣйшія изъ ихъ наставленій въ этомъ родѣ: должно вѣровать въ бытіе Божества (περὶ θεῶν λέγε ὡς εἰσί θεοί)—существа вѣчнаго, не происшедшаго (πρεσβύτατον ὁ θεὸς, ἀγέννητον γάρ ἐστι,—τὸ θεῖον μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευτήν), и эту вѣру выражать почитаніемъ его (θεοὺς σέβου), молитвою (εὐχῆς οὐδέν ἐστι τιμιώτερον), обращеніемъ къ нему во всѣхъ нуждахъ (χρῶ τοῖς θεοῖς), благочестіемъ (εὐσεβείας ἔχου, εὐσέβειαν ἄσκει), т. е. участіемъ въ религіозномъ культѣ (θυσίας πρόσφερε κατὰ δύναμιν, χρησμοὺς θαύμαζε, μαντικὴν μὴ ἔχθαιρε), а больше всего—дѣятельнымъ слѣдованіемъ или уподобленіемъ Божеству (ἕπου θεῷ), т. е. жизнію Его достойною и Ему угодною, зная, что предъ нимъ не сокрыты не только всѣ дѣла, но и всѣ помышленія человѣческія (οὔτε ποιῶν τι φαῦλον οὔτε διανοούμενός τι τοὺς θεοὺς λανθάνει).

Не трудно понять, куда прямѣе и интенсивнѣе всего должна была направить всѣ мысли мудрецовъ эта живая религіозная вѣра, требующая выраженія въ дѣятельномъ благочестіи. Интересно, что отъ θεογоній или космогоній, которыя нѣкоторые изъ нихъ писали [2]), не дошло до насъ ни одной фразы, между тѣмъ какъ дошло очень много и въ разныхъ редакціяхъ, т. е. записанныхъ разными лицами, нравственныхъ правилъ, совѣтовъ, которыхъ сами они не начертывали на хартіяхъ, но которыя распространялись между

---

[1]) Ферекидъ написалъ сродную съ орфическими космогонію—πρῶτος περὶ φύσεως καὶ θεῶν Ἕλλησιν ἔγραψε. Епименидъ воспѣлъ рожденіе куретовъ и корибантовъ, т. е. планетъ, а нѣлую космогонію изложилъ въ 650 стихахъ, а въ прозѣ написалъ изслѣдованіе о жертвоприношеніяхъ и государств. устройствѣ критянъ; —Ѳалесъ—πρῶτος περὶ φύσεως διελέχθη.

современниками частію путемъ непосредственнаго наставленія, а гораздо болѣе—путемъ стоустой молвы, хранились затѣмъ путемъ живого преданія и лишь отдаленными потомками были, наконецъ, записаны. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. неточностію устнаго преданія, очень просто объясняется тотъ фактъ, что при сличеніи редакцій почти каждое правило, совѣтъ оказывается не исключительною принадлежностію одного котораго либо мудреца, но общимъ достояніемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, хотя, съ другой стороны, и то можетъ статься, что между ними, не смотря на отсутствіе знакомства и общенія, не было никакого разногласія по нравственнымъ вопросамъ, что мышленіе каждаго изъ нихъ въ силу одной лишь естественной послѣдовательности своей вело всѣхъ неуклонно по одному и тому же пути, къ одной и той же цѣли. Эти ихъ нравственныя правила, не связанныя единствомъ идеи и плана, конечно, очень далеки отъ того, чтобъ представлять изъ себя нѣчто похожее на систему этики, но ими ясно и твердо намѣчены почти всѣ главнѣйшія основы или принципы такъ называемой естественной морали, поставлены, такъ сказать, первыя вѣхи, по указаніямъ которыхъ могла быть позднѣе построена цѣлая систематическая этика. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ удостоились даже получить священную санкцію дельфійскаго оракула, и затѣмъ служили надписями на портикахъ и дверяхъ святилищъ,—фактъ, что уже современники сознавали и признавали глубокій смыслъ ихъ и фундаментальное этическое значеніе. Таково, напр., прежде всего пресловутое γνῶθι σαυτόν (приписываемое то Хилону, то Питтаку), которое можетъ быть принято вмѣстѣ и за формальное и за матеріальное основаніе или начало нравственности, такъ какъ оно, понимаемое во всей своей полнотѣ и широтѣ, содержитъ въ себѣ не только требованіе простого самонаблюденія съ цѣлію достигнуть умѣлаго пользованія своими силами и способностями среди такихъ или иныхъ житейскихъ обстоятельствъ и отношеній, но и требованіе возможно болѣе глубокаго проникновенія во внутрь

собственнаго духа, сознанія и признанія своего лучшаго духовнаго богоподобнаго я, изъ котораго само собою затѣмъ вытекаетъ для всякаго человѣка, какъ человѣка, требованіе не только уважать себя въ этомъ своемъ истинно-человѣческомъ достоинствѣ (σαυτόν αἰδοῦ), но и стараться фактически во всемъ поведеніи проявлять и осуществлять это высокое достоинство (γένοι' οἷος ἐσσι, или — ὅμοιος σαυτῷ γίνου), — не бороться противъ этого своего лучшаго я, а всячески заботиться о его благобытіи (σαυτῷ μὴ μάχου, σαυτοῦ μὴ ἀμέλει,—σαυτῷ εὖ ποίει), постоянно смотрѣть въ него, какъ бы въ зеркало и все находимое тутъ хорошее развивать и пріумножать, а все дурное исправлять и искоренять (εἰς τὸ ἔσοπτρον ἐμβλέψαντα δεῖ,— εἰ μὲν καλός φαίνῃ, καλὰ ποιεῖν, εἰ δὲ αἰσχρός, τό της φύσεως ἐλλιπὲς διορθοῦσθαι τῇ καλοκαγαθίᾳ), развивать и усовершать свою благородную природу, (εὐγενένειαν ἄσχει), поступать во всемъ согласно съ разумомъ и справедливостію (νοῦν ἡγεμόνα ποιοῦ, δίκαια πρᾶττε), избѣгать всего такого, что соединяется съ раскаяніемъ, т. е. всего дурного, преступнаго (πρᾶττε ἀμεταμέλητα, или πρᾶττε ἀμετανοητως, αἰσχρά φεύγε, κακίας ἀπέχου, ὄνειδος ἔχθαιρε), а если уже случилось что либо подобное совершить, то по крайней мѣрѣ тотчасъ раскаяться въ содѣянномъ грѣхѣ (ἁμαρτάνων μετανόει), вообще же постоянно и неослабно наблюдать за своими поступками, чтобъ всѣ они были хороши и не вкрадывалось между ними ничто дурное (θεώρει ὥσπερ ἐν κατόπτρῳ τάς σαυτοῦ πραξεις, ἵνα τάς μὲν καλὰς ἐπικοσμῇς, τάς δὲ αἰσχράς καλόπτῃ.), ибо только съ добрымъ поведеніемъ соединяется чистая совѣсть, и въ свою очередь только при чистой или правой совѣсти возможна жизнь безбоязненная и счастливая (μόνον κατὰ βίον ἄφοβον ἡ ὀρθὴ συνείδησις). Но этому самоуваженію лишь тогда принадлежитъ полная истинность и внутренняя нелицемѣрная правдивость, когда оно не сосредоточивается всецѣло въ одномъ лишь пунктѣ собственнаго эгоистическаго я, а распространяется отсюда и на всякое другое такое же человѣческое я. Поэтому, изъ него съ необходимостію выте-

каетъ правило: что самъ любишь, то и ближнему своему люби дѣлать и блюди его интересы, какъ свои собственные (ἀγάπα τὰ τοῦ πλησίου σου καὶ τήρει ὡς τὰ σαυτοῦ), и, напротивъ, что возбуждаетъ твою досаду, неудовольствіе и порицаніе въ поступкахъ ближняго, того ты и самъ ближнему не дѣлай (ὅσα νεμεσᾷς τῷ πλησίῳ, αὐτὸς μὴ ποίει. или—ἃ σὺ μισεῖς, ἑτέρῳ μὴ ποιήσεις, или общѣе—ἄριστα καί δικαιότατα ἂν βιώσομεν, ἐάν ἃ τοῖς ἄλλοις ἐπιτιμῶμεν αὐτοί μὴ δρῶμεν). Это общее правило естественно распадается на такія частныя: старайся жить со всѣми въ мирѣ и согласіи (εἰρήνην ἀγάπα, ὁμόνοιαν δίωκε, πᾶσιν ἅρμοζε), избѣгай ссоръ (ἔριν μίσει, μὴ φιλαίτιος ἴσθι), будь благорасположенъ ко всѣмъ (φιλοφρόνει πᾶσι), доступенъ и сговорчивъ (εὐπροσήγορος γίνου), не превращай любви во вражду, даже когда терпишь нѣкоторый ущербъ отъ ближняго (ἀγάπα τόν πλησίον μικρά ἐλαττούμενος), не будь судьею чужихъ зол ъ, (ἀλλοτρίων κακῶν ἀμνημόνευτος ἴσθι, или μηδένα ψέγου μὴ κακολόγει τοὺς πλησιον), не будь подозрителенъ (ὑπόνοιαν ἄπεχε), ненавидь клевету (διαβολήν μίσει), обуздывай гнѣвъ (θυμοῦ κράτει), никому не завидуй (μηδενί φθόνει), никогда не лги, всегда говори правду (μή ψεῦδου ἀλλ' ἀλήθευε), не будь хитръ и коваренъ (δόλον φοβοῦ), не будь пренебрежителенъ къ низшимъ и слабѣйшимъ (τὸν ἐλάττω μὴ ἀποσκιβαλίσῃς), никогда первый не наноси обиды (μὴ ἄρχου ἀδικῶν), полученную же обиду прощай и возникшую вражду погашай (ἔχθραν διάλυε), чужаго не трогай, даже не желай (ἀλλοτρίων ἀπέχου, μή ἐπιθύμει), напротивъ, самъ помогай нуждающимся, сколько и какъ можешь (ἔχων χαρίζου, εὐεργεσίας τίμα) и т. п. Немало получается нравственныхъ правилъ и изъ другого изреченія, тоже красовавшагося на фронтонахъ святилищъ *ничего слишкомъ* или *все въ мѣру* (μηδὲν ἄγαν, μέτρον ἄριστον, μέτρῳ χρῶ), которое не только предписываетъ умѣренность въ обыденномъ смыслѣ слова, но рекомендуетъ познаніе какъ объективной закономѣрности, господствующей во внѣшнемъ мірѣ, такъ и субъективной внутренней и разумное согласованіе въ жизни той и другой между собою. Такое познаніе, правда, не легко дается, по словамъ Солона (γνωμοσύνης δ' ἀφανές χαλεπώτατον

ἐστι μέτρον Bergk. Anthol. lyr. Sol. fr. 16), но чрезъ него только, по словамъ Клеобула, и достигается, въ немъ главнымъ образомъ и выражается мудрость мудрецовъ (τοῖς σοφοῖς τό μέτρον νόμος δέδωκε). Отсюда вытекаетъ естественная для человѣка потребность и надобность развивать свои умственныя способности, расширять и углублять свои познанія для достиженія мудрости (φρόνησιν ἄσκει, σοφίαν ζήλου. φιλόσοφος γίνου),—всячески и путемъ самостоятельнаго изученія и изслѣдованія (γνῶθι μαθών, μανθάνων μή κάμνε, γηράσκω δ' ἀεὶ πολλὰ διδασκόμενος), и путемъ чтенія (τὰς βίβλους διέρχου), и путемъ наученія отъ другихъ (φιλήκοος ἔσο), но только отъ мудрыхъ (σοφοῖς χρῶ), а не отъ тѣхъ умниковъ, которые мудрствуютъ или лукаво, или только о мелочахъ и пустякахъ и сами, блуждая во тьмѣ, не способны и другихъ просвѣщать (ἐοίκασι τοῖς ὄμμασι τῆς γλαυκός οἱ περὶ τὴν ματαιαν σοφίαν ἠσχοληκοτες, καὶ γαρ ἐκείνης αἱ ὄψεις νυκτός μέν ἔρρωνται, ἡλίου δέ λαμψαντος ἀμαυροῦνται, καὶ τούτων ἡ διάνοια ὀξυτάτη μέν ἐστι προς τὴν ματαιότητος θεωρίαν, πρός δέ τὴν ἀληθηνοῦ φωτὸς κατακίνησυν ἐξαμαυροῦνται). Но теоретическое познаніе и признаніе той и другой закономѣрности можетъ перейти въ фактическое ей подчиненіе и ея соблюденіе не иначе, какъ путемъ постепеннаго и непрерывнаго пріученія, т. е. посредствомъ хорошаго воспитанія. Отсюда правила: учи всему доброму младшихъ (νεωτέρους δίδασκε τό ἄμεινον, ὁ κατὰ θεὸν φίλος ῥέει μέλι καὶ γάλα τοῖς ἀληθέσι λόγοις), въ особенности же любя дѣтей своихъ и питомцевъ (οὓς τρέφεις ἀγάπα), воспитывай ихъ какъ можно лучше и тщательнѣе (τά τεκνα, τά φίλτατα παίδευε)—не только сыновей (υἱοὺς παίδευε), но также и дочерей (Κλεόβουλο. ἔλεγε ὅτι δεῖ παιδεύειν καὶ τὰς θυγατέρας, Diog. L 1.1), —воспитывай съ любовью, но вмѣстѣ и строго, безъ всякаго баловства (υἱῷ καὶ θυγατρί ηὴ προσμειδιάσεις ἵνα μὴ ὕστερον δακρύσης). Хорошее же воспитаніе въ соединеніи съ основательнымъ образованіемъ дастъ и хорошіе плоды въ видѣ такихъ хорошихъ качествъ характера, или добродѣтелей, какъ умѣренность, скромность, благоразуміе, прямота, вѣрность, правдивость, об-

щительность, обходительность, почтительность, умѣлость, аккуратность, и во всемъ поведеніи благовоспитанность и благопристойность (κτῆσαι σωφροσύνην, φρόνησιν, ἀλήθειαν, πίστιν, ἐμπειρίαν, ἑταιρίαν, ἐπιδεξιότητα, εὐσέβειαν, ἐπιμέλειαν, τέχνην, παιδείαν, καλοκαγαθίαν),—качества, которыми сколько выражается хорошая нравственность благовоспитаннаго субъекта, столько же обусловливается и созидается его благополучіе въ жизни среди себѣ подобныхъ. Въ такой же степени для благополучія или счастія необходимо правильное, мудрое разумѣніе и объективной міровой закономѣрности. Такое разумѣніе научаетъ человѣка многому, именно,—что силы его въ области внѣшняго бытія имѣютъ границы, которыхъ перешагнуть или обойти нѣтъ никакой возможности (ἀνάγκῃ δ' οὐδὲ θεοὶ μάχονται) и что поэтому ему слѣдуетъ желать и искать лишь того, что лежитъ въ предѣлахъ возможнаго, достижимаго (εὔχου δυνατά, μὴ ἐπιθύμει ἀδύνατα, νόσος ψυχῆς τὸ τῶν ἀδυνάτων ἐρᾶν), далѣе,—что при кратковременности земной жизни, о которой всегда должно помнить (τέλος ὁρᾶν μακροῦ βίου), все внѣшнее имѣетъ для него лишь преходящее значеніе (θνητά φρονει), что поэтому благоразумнѣе всего ему такъ относиться ко всему земному, какъ относится къ чужой странѣ путешествующій въ ней странникъ (ξένος ὢν ἴσθι), что не слѣдуетъ всего сердца полагать ни на пріобрѣтеніе богатства, тѣмъ болѣе, что оно большею частію служитъ источникомъ всякихъ золъ (ὁ πλοῦτος κακίας μᾶλλον ἢ καλοκαγαθίας ἐστὶν ὑπηρέτης,—θησαυρὸς γάρ ἐστι κακῶν, ἐφόδιον ἀδικημάτων, χορηγία πονηρίας), ни на достиженіе почестей (μὴ ἐπαίρου ἐπὶ δοξῃ), и уже всего менѣе на исканіе удовольствій, наслажденій, которыя мимолетны и вдобавокъ во всѣхъ отношеніяхъ вредны (εὖ πάσχε ὡς θνητός, ἡδονῆς κράτει, αἱ μὲν ἡδοναὶ θνηταί, αἱ δὲ ἀρεταὶ ἀθάνατοι),—что какая бы судьба ни выпала ему здѣсь на долю, ею нужно быть довольнымъ (τύχῃ εὔχεσθαι), и какъ бы трудна жизнь ни была, ею не должно тяготиться, (τῷ βίῳ μὴ ἄχθου—ἀλύπως βίου), что несообразно съ истиннымъ человѣческимъ достоинствомъ ни кичиться и величаться въ счастіи и богатствѣ, ни унывать, падать духомъ и роптать

въ несчастіи и бѣдности (εὐτυχῶν μέν μέτριος ἴσθι, ἀτυχῶν δὲ φρόνιμος,—τὰς τῆς τύχης μεταβολὰς πειρῶ γενναίως φέρειν, καὶ μήτε εὐτυχῶν ὑπερήφανος ἴσο, μήτε ἀπορῶν ταπεινός, ἀλλ' γίνου μέτριος εἰς ἑκατέρας τῆς τύχης), особенно, если имѣть въ виду, что счастье ненадежно (πολλοῖσι καὶ δὴ ὑποδέξας ὄλβον ὁ θεὸς προρρίζους ἀνέτρεψε), а несчастье постигаетъ чуть не каждаго изъ людей (πᾶν ἐστι ἄνθρωπος συμφορή,—Χίλων λυπομένου τινὸς ἐπὶ τοῖς αὐτοῦ κακοῖς εἶπεν· εἰ τὰ πάντων κατανοήσῃς, ἧττον ἐπὶ τοῖς σαυτοῦ δυσφορήσεις) и т. п.

Но не столько за это свое мудрое нравоученіе, сколько за сообразованную съ нимъ свою мудрую жизнь греческіе мудрецы удостоились этого титула у современниковъ и получили на него священную санкцію отъ дельфійскаго оракула. О Питтакѣ, напр., Плутархъ говоритъ, что о его мужествѣ, справедливости и другихъ добродѣтеляхъ повсюду была распространена великая молва [1]); по смыслу эпитафіи на памятникѣ Ѳалеса, такою же доброю славою, до небесъ простиравшеюся, пользовался и этотъ мудрецъ [2]); Хилонъ въ глубокой старости могъ, положа руку на сердце, сказать о себѣ, что не знаетъ за собою никакого такого поступка, дѣйствія, за которые бы его укоряла совѣсть [3]). Да и всѣ эти мудрецы были люди, выдѣлявшіеся въ окружавшей ихъ средѣ изъ ряда прочихъ не только своимъ великимъ незауряднымъ умомъ, своею ученостію, опытностію, но также впечатлительнымъ, отзывчивымъ на все доброе великимъ сердцемъ, благородствомъ, честностію, чистотою чувствъ, мыслей, намѣреній, и вдобавокъ сильною не слабою энергіей въ фактическомъ осуществленіи этихъ мыслей и намѣреній на свою и общую пользу.

---

[1]) De an. tranq. ὁ Πιττακὸς ἐκεῖνος, οὗ μέγα μὲν ἀ δρείας, μέγα δὲ σοφίας καὶ δικαιοσύνης κλέος...

[2]) ἦ ὀλίγον τόδε σῶμα, τὸ δὲ κλέος οὐρανόμηκες, τῷ πολυφροντίστῳ τοῦτο Θάλητος ὁρᾷς...

[3]) Diog. Laert. 1. 1. φασὶ δ' αὐτὸν ποτε γηραιὸν ἤδη ὄν τα εἰπεῖν ὡς οὐδὲν συνειδείη ἄνομον ἑαυτῷ εν τῷ βίῳ.

Этимъ только и объясняется тотъ фактъ, что сограждане питали къ нимъ, вмѣстѣ съ величайшимъ уваженіемъ, также полнѣйшее неограниченное довѣріе, которое выражали тѣмъ, что спокойно и благонадежно ввѣряли ихъ умѣлости и добросовѣстности столь важное и близкое для себя дѣло, какъ составленіе законодательныхъ уложеній. Нѣкоторые изъ нихъ были номоѳетами въ прямомъ и точномъ смыслѣ слова, какъ Солонъ—въ Аѳинахъ, Анахарсисъ у скиѳовъ, другіе—какъ Ѳалесъ и Біасъ были ближайшими совѣтниками верховныхъ властей, иные, какъ Хилонъ—лакедемонскій эфоръ, несли важныя государственныя должности. а всѣ остальные тоже имѣли хотя лишь косвенное и только нравственное, но все же очень значительное вліяніе даже на гражданскій строй и ходъ жизни своихъ городовъ и государствъ. И не смотря на все это они не кичились ни своимъ высокимъ положеніемъ, или силою власти, ни даже славою и титуломъ мудреца; напротивъ, съ достойною подражанія скромностію отклоняли отъ себя даже этотъ титулъ, какъ не заслуженный. какъ это выражаетъ сага о найденномъ милетскими рыбаками золотомъ треножникѣ. По совѣту дельфійскаго оракула, этотъ треножникъ слѣдовало отдать мудрѣйшему изъ людей, и онъ былъ поднесенъ Ѳалесу. Ѳалесъ, однако, не призналъ себя ни мудрѣйшимъ, ни даже мудрымъ, а потому отослалъ треножникъ Біасу, Біасъ же по той же причинѣ не принялъ и отослалъ его Питтаку, Питтакъ—четвертому, четвертый—пятому и т. д., пока треножникъ, наконецъ, не возвратился опять къ первому. Тогда, съ общаго всѣхъ согласія, треножникъ былъ поставленъ, какъ священный даръ, въ храмѣ Аполлона на томъ основаніи, что Божество одно обладаетъ по истинѣ мудростію, но никто изъ людей, даже слывущій за мудрѣйшаго [1]).

---

[1]) Эту сагу въ нѣсколькихъ варіантахъ передаетъ Діогенъ Лаэрцій I, 1

III Затѣмъ далѣе—въ самомъ Пантеонѣ стоятъ по времени прежде всего древнѣйшіе греческіе философы въ тѣсномъ смыслѣ слова, при чемъ Ѳалесъ замыкаетъ собою рядъ этихъ и начинаетъ рядъ тѣхъ и такимъ образомъ служитъ связующимъ звеномъ между тѣми и другими. Коротка будетъ рѣчь наша и объ этихъ философахъ по той причинѣ, что сохранившіеся до насъ фрагменты ихъ философемъ, вообще древніе источники, содержа въ себѣ достаточно матеріала для составленія яснаго представленія объ ихъ теоретической философіи, не даютъ почти никакихъ данныхъ даже для приблизительнаго воспроизведенія ихъ практической, или моральной философіи. Это, однакожъ, вовсе не значитъ, что у нихъ совсѣмъ и не было такой философіи, что они совсѣмъ не имѣли и не преподавали никакой морали. Никоимъ образомъ быть этого не могло. Вѣдь всѣ они усиленно старались своею философствующею мыслію найти и болѣе или менѣе ясно представить то истинно сущее, абсолютное, неизмѣнное, которое будучи первоосновою всякаго ограниченнаго и измѣнчиваго бытія, обусловливаетъ въ этомъ послѣднемъ упорядоченность, закономѣрность, а съ тѣмъ вмѣстѣ его осмысленность, его познаваемость для человѣческаго разума. Какимъ же образомъ они могли исключить изъ подчиненія безусловному наиболѣе близкую себѣ человѣческую жизнь,—когда это исключеніе равносильно было бы признанію, что эта жизнь, не управляемая никакимъ принципомъ, или закономъ, представляетъ изъ себя лишь одно чисто-хаотическое броженіе, одну безпорядочную и безсмысленную путаницу явленій и, значитъ, недоступна никакому разумному познанію и истолкованію? И такое признаніе развѣ не было ли бы равносильно отрицанію самого абсолютнаго бытія? Вѣроятнѣе всего то, что мораль этихъ философовъ настолько въ главныхъ и существенныхъ чертахъ была похожа на мораль семи мудрецовъ, что современники и ближайшіе потомки не считали необходимымъ ее замѣчать и записывать особо отъ этой, получившей общую извѣстность

морали. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что такая или подобная мораль въ иныхъ случаяхъ прямо и естественно должна была вытекать изъ всего міровоззрѣнія философа, въ другихъ же случаяхъ она по крайней мѣрѣ не могла внести съ собою никакого диссонанса въ строй и ладъ теоретической философіи.

Уже метафизика Анаксимандра, непосредственно слѣдовавшаго за Ѳалесомъ представителя іонійской натуръ-философіи, тѣмъ своимъ основоположеніемъ, что всѣ наполняющія міръ вещи и существа обладаютъ существованіемъ лишь на опредѣленное нѣкою роковою необходимостію время, по истеченіи котораго, какъ бы въ наказаніе за присущее всѣмъ имъ стремленіе быть, или жить для себя самихъ, лишаются такого существованія, уступая его новымъ вещамъ существамъ, которыхъ ждетъ такая же неминуемая участь [1]),— прямо указывала на то, каково должно быть отношеніе человѣка ко всему земному, тлѣнному, скоропреходящему, и какимъ должно быть его поведеніе въ виду кратковременности его собственнаго земнаго существованія. Конечно, отсюда вытекала мораль не столько положительная, сколько отрицательная, запрещающая пристрастіе ко всему земному и односторонне-эгоистическое самоутвержденіе чувственнаго индивидуума насчетъ всего остального. Но уже не отрицательная олько, но вмѣстѣ и положительная мораль вытекала изъ философіи Анаксагора, которая можетъ быть разсматриваема какъ ослѣднее завершеніе гилозоистической натуръ-философіи, или, по выраженію Гегеля, какъ ея полное раскрытіе и вмѣстѣ самоотреченіе, или самоопроверженіе (Auslegung und Widerlegung). Анаксагоръ не считалъ возможнымъ, подобно іонійскимъ

---

1) Ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσίς ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών, διδόναι γὰρ αὐτὰ τίσιν καὶ δίκην ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν.

натуръ-философамъ, достигнуть удовлетворительнаго міроизъясненія изъ одного какого-либо и даже изъ многихъ матеріальныхъ началъ, и вынужденъ былъ допустить, въ качествѣ высшаго и болѣе довлѣющаго, другой принципъ — совсѣмъ иной природы—невещественный, сверхчувственный, формальный, т. е. формирующій, раздѣляющій и потомъ закономѣрно распредѣляющій и уряжающій вещества и элементы,—который онъ назвалъ разумомъ—Νοῦς. Нѣкоторые высказываютъ довольно вѣроятную догадку, что этотъ разумъ имѣлъ у Анаксагора не одинъ только метафизическій и космическій, но также и политическій смыслъ и характеръ, другими словами, что Анаксагоръ признавалъ единый законодательствующій и правящій разумъ необходимымъ не только для закономѣрнаго порядка въ физическомъ мірѣ, но также и для закономѣрной организаціи, для благоустройства въ мірѣ политическомъ, т. е. во всякомъ государствѣ, имѣя при этомъ въ виду даже опредѣленное лицо, воплощавшее въ себѣ такой разумъ, именно Перикла, вѣрнымъ другомъ и мудрымъ совѣтникомъ котораго былъ. Такъ ли это, или нѣтъ, но то уже никакому сомнѣнію не подлежитъ, что у Анаксагора разумъ, кромѣ космическаго, имѣлъ психологическій и этическій смыслъ, притомъ этотъ смыслъ прежде всего, такъ какъ несомнѣнно, что онъ постулировалъ и представлялъ функціи объективнаго міроваго разума по аналогіи съ функціями разума субъективнаго, человѣческаго. Поэтому, и наоборотъ, какая роль принадлежитъ разуму верховному, всеобъемлющему въ цѣлой вселенной, такая же роль принадлежитъ и единичному разуму каждаго человѣка въ области его личной нравственной жизни: подобно тому, и этотъ разумъ прежде всего раздѣляетъ, различаетъ смѣшанные между собою элементы, потомъ распредѣляетъ и упорядочиваетъ ихъ по своимъ нормамъ и мѣрамъ, и въ какой степени онъ достигаетъ надъ всѣми психическими силами и дѣятельностями законодательствующей и правительствующей власти,

въ такой же степени духовная жизнь человѣка оказывается благоустроенною, добропорядочною, нравственно-одобрительною, словомъ добродѣтельною.

Еще прямѣе и, такъ сказать, неотразимѣе требовалась добрая, чистая нравственность въ теологической метафизикѣ Ксенофана — основателя элейской философіи, который, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ фрагментамъ и свидѣтельствамъ, первою и главною задачею своею ставилъ утвержденіе въ человѣческомъ сознаніи чистаго разумообразнаго теизма на мѣсто вульгарнаго миѳологическаго политеизма и антропоморфизма. Божество, училъ Ксенофанъ, должно быть мыслимо какъ существо высочайшее, абсолютное, а такимъ можетъ быть только одно единственное; поэтому, политеизмъ есть явная метафизическая невозможность и логическая нелѣпость [1]). Какъ абсолютное, оно eo ipso есть вѣчное, не происшедшее во времени, не имѣющее не только конца, но и временнаго начала бытія; поэтому, миѳологическія генеалогіи—явная безсмыслица, вздорная болтовня [2]). Какъ вѣчное, безсмертное, неизмѣнное, оно есть сверхчувственное, безтѣлесное: поэтому, представленіе и изображеніе его въ человѣческихъ образахъ есть чистѣйшій абсурдъ, ибо, если бы львы, кони, быки, имѣя руки и живое воображеніе, надѣлали для изображенія Божества копій съ самихъ себя, то неужели кто-либо эти образы призналъ бы сколько нибудь соотвѣтствующими дѣйствительности [3])? Какъ высочайшая и един-

---

[1]) Εἰ δ' ἔστιν ὁ θεὸς ἀπάντων κράτιστον, ἕνα φησὶν αὐτὸν προσήκειν εἶναι, εἰ γὰρ δύο ἢ πλείους εἶεν, οὐκ ἂν ἔτι κράτιστον καί βέλτιστον αυτὸν εἶναι. Εἷς θεὸς ἔν τε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι μέγιστος.

[2]) Αλλὰ βροτοί δοκέουσι θεοὺς γεννᾶσθαι, ὁμοίως δὲ ἀσεβοῦνται οἱ γενέσθαι φάσκοντες τους θεους τοῖς ἀποθανεῖν, λέγουσιν, ἀμφοτέρως γὰρ συμβαίνει μὴ εἶναι τοὺς θεούς ποτε.

[3]) Οὔτε δέμας ὁ θεὸς θνητοῖσιν ὅμοιος, οὔτε νόημα, ἀλλὰ βροτοὶ

ственная причина всего прекраснаго и добраго въ мірѣ, само оно обладаетъ всею полнотою всякаго добра и совершенства и исключаетъ изъ себя не только все злое, дурное, но и все недостаточное, несовершенное; поэтому, такое беззастѣнчивое перенесеніе на Божество человѣческихъ недостатковъ, слабостей, даже пороковъ, какое на каждомъ шагу встрѣчается даже у такихъ поэтовъ, какъ Гомеръ и Гезіодъ, есть уже не только грубый абсурдъ, но и преступное кощунство и богохульство [1]), которое, какъ и все злое, совершаемое, или даже только помышляемое и желаемое людьми, не можетъ остаться ненаказаннымъ, такъ какъ Божество, кромѣ всего прочаго, обладаетъ такимъ совершеннѣйшимъ всевѣдѣніемъ, отъ котораго ничто не можетъ укрыться и ускользнуть—даже самые сокровенные наши помыслы и расположенія; оно есть какъ бы все видящее око, все слышащее ухо, все объемлющій и все проникающій умъ, которымъ Оно всѣмъ управляетъ и все совершаетъ безъ всякаго труда и усилія [2]).—Само собою понятно, что эта убѣжденная и ревностію по Богѣ вдохно-

---

δοκέουσιν ἔχειν αὐτὸν την σφετέρην ἐσθῆτα φωνήν τε, δέμας τε. . Αλλ' εἰτοι χεῖρας γ' εἶχον βοες ἠὲ λέοντες, ἢ γράψαι χείρεσι καί ἔργα τελεῖν ἅπερ ἄνδρες, ἵπποι μὲν ἵπποισι, βύες δέ τε βουσὶν ὁμοίας καὶ κε θεῶν ἰδέας ἔγραφον καί σώματ' ἐποίουν τοιαῦθ' οἷον περ καὐτοὶ δέμας εἶχον ὅμοιον.

[1]) Πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρος θ' Ησίοδός τε
ὅσσα παρ' ἀνθ, ὡποισιν ὀνείδεα καὶ ψογος ἐστίν.
οἳ πλεῖστ' ἐφθέγξαντο θεῶν ἀθεμιστ, εργα-
κλέπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπάτευειν.

[2]) Οὖλος ὁρᾳ. οὖλος δὲ νοεῖ, οὖλος δέ τ' ἀκούει
ἀλλ' ἀπάνευθε πόνοιο νόου φρενί πάντα κραδαίνει.

Οὐσίαν θεοῦ μηδέν φησιν ὅμοιον ἔχουσαν ἀνθρώπῳ, ὅλον δ' ὁρᾶν καὶ ὅλον ἀκούειν, σύμπαντά τ' εἶναι νοῦν καὶ φρόνησιν καὶ ἀίδιον. Diog L. IX, 2

вленная проповѣдь строгаго и чистаго монотеизма обращена была не къ одному только мыслящему уму, но и ко всему духу человѣка и предъявляла ему, во имя неоспоримой и неодолимой истины, очень высокое и великое нравственное требованіе—не искажать чистѣйшаго образа Божества, копируя его съ себя самого, перенося на него вмѣстѣ съ хорошимъ все свое дурное какъ бы въ оправданіе и поощреніе себя, а, напротивъ, содержа въ умѣ и сердцѣ чистымъ этотъ все превосходящій образъ, постоянно взирать на него съ благоговѣніемъ и любовію, всматриваться во всѣ дивно-прекрасныя черты его и затѣмъ стараться, насколько возможно, самому себѣ усвоить эти черты, напечатлѣть ихъ въ собственномъ духѣ, т. е. воспроизвести ихъ собственными духовными дѣятельностями, и такимъ образомъ духъ свой чистою богоугодною жизнію сдѣлать постепенно хотя слабою копіей, хоть приблизительнымъ подобіемъ того божественнаго первообраза. Вѣроятнѣе всего, что Ксенофанъ не за иное что, а именно за эту свою вдохновленную проповѣдь монотеизма, не смотря на полную нравственную безупречность, былъ изгнанъ изъ своего родного города Колофонъ фанатическими ревнителями политеизма, и всю остальную жизнь провелъ въ крайней бѣдности, скитался изъ одного мѣста въ другое, повсюду, можно полагать, разнося свою убѣжденную вѣру и собственною личностію добровольнаго страдальца во имя ея подтверждая ея непреложную истину.—Ученикъ и другъ Ксенофана Парменидъ своимъ уже чисто-философскимъ монизмомъ нисколько не подорвалъ этой религіозной вѣры своего учителя и даже не измѣнилъ ея ничѣмъ, а только, такъ сказать, перевелъ ее на иной чисто-философскій языкъ; его единое сущее, вѣчное, неизмѣнное, тождественное съ мышленіемъ абсолютное бытіе,—самое первое и фундаментальное предположеніе и основоположеніе философствующаго ума, — содержитъ въ себѣ безъ измѣненія всѣ тѣ черты или элементы, — изъ которыхъ у его учителя сложена была идея единаго Божества. Поэтому,

его спекулятивная метафизика требовала такой же доброй, чистой нравственности, какъ и теологія его учителя. Такъ какъ онъ говорилъ и писалъ совсѣмъ инымъ языкомъ мало понятнымъ для толпы и не затрогивалъ прямо и рѣзко народныхъ вѣрованій, то онъ и не подвергся никакимъ непріятностямъ за свои убѣжденія, хотя онѣ были въ сущности тождественны съ убѣжденіями его учителя. Мало того, онъ возбуждалъ невольное уваженіе къ себѣ во всѣхъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, не только своимъ глубокимъ умомъ, но и всею своею строго-нравственною, серьезною, внушительною, благородною личностію. Платонъ называетъ его великимъ (Παρμενίδης δέ ὁ μέγας Soph. 237 A) и, вѣроятно, основываясь на показаніи кого либо изъ очевидцевъ (если не самого Сократа), говоритъ, что онъ производилъ впечатлѣніе нѣкоего особаго соединеннаго со скромностію величія, глубокомыслія, нравственной мощи, благородства и этимъ возбуждалъ къ себѣ невольное уваженіе и почтеніе, близкое къ благоговѣнію [1]). Третій элеецъ, усыновленный Парменидомъ ученикъ его Зенонъ, извѣстный какъ искусный діалектикъ, особенно въ защищеніи монистической системы своего учителя, тоже отличался стойкостію убѣжденій, твердостію и благородствомъ характера, что и доказалъ, если вѣрить разсказу, слѣдующимъ образомъ: когда его, вмѣстѣ со многими другими гражданами, привели во дворъ тиранна по дѣлу о возмущеніи и заговорѣ, въ качествѣ ли свидѣтеля, или подозрѣваемаго въ соучастіи для допроса,—онъ, опасаясь, что подъ пыткой изнеможетъ тѣломъ, ослабѣетъ духомъ и противъ своего желанія оговоритъ кого либо изъ согражданъ, самъ откусилъ по самый корень свой языкъ и выплюнулъ его въ лицо тиранну.

Объ Empедоклѣ агригентскомъ слѣдуетъ сказать почти

---

1) Theaet 183. E Παρμενίδης δέ μοι φαίνεται, τὸ τοῦ Ὁμήρου, αἰδοῖός τε μοι ἅμα δεινός τε... καὶ μοι ἐφάνη βάθος τι ἔχειν παντάπασι γενναῖον...

тоже самое, что сказано о Ксенофанѣ. И для него Богъ есть абсолютное безтѣлесное существо—святой, безконечный разумъ, который мыслію своею мгновенно объемлетъ и проникаетъ всю вселенную; онъ недоступенъ нашему чувственному воспріятію, потому что безтѣлесенъ,—не имѣетъ, подобно намъ, ни головы, ни ногъ, ни рукъ и никакихъ членовъ [1]); мысль его есть законъ для міра (νόμιμον), который въ вѣчномъ блескѣ простирается непрерывно по всей вселенной [2]); этотъ единый правый законъ (δίκαιος λόγος) стоитъ выше противоположности вещественныхъ элементовъ и ихъ вражду и борьбу приводитъ любовію къ согласію и единству (προσαρμόζεται κατὰ τὴν φιλίαν τῷ Ἑνί) [3]). Что такое монотеистическое представленіе было глубокимъ убѣжденіемъ, живою вѣрою (ὕπερ μεγίστη πειθοῦς ἀμαξιτός) Эмпедокла, это необходимо заключить изъ того, что онъ высказываетъ его въ своемъ стихотвореніи вслѣдъ за обращеніемъ къ музѣ, чтобъ она его вдохновила и внушила иную, лучшую, чѣмъ обычная (политеистическая), теологію [4]). А то обстоятельство, что Эмпедоклъ, не смотря на это новшество въ теологіи, избѣгнулъ всякихъ столкновеній съ представителями народной вѣры и блюстителями ея цѣлости, притомъ самъ чуть ли не будучи однимъ изъ таковыхъ, т. е.

---

[1]) Ὄλβιος, ὃς θειων πραπίδων ἐκτήσατο πλοῦτον... οὐκ ἔστιν πελάσασθ' οὔδ' ὀφθαλμοῖσιν ἐφικτὸν ἡμετέροις ἢ χερσὶ λαβεῖν, ὕπερ γε μεγίστη πειθοῦς ἀνθρώποισιν ἀμαξιτὸς εἰς φρένα πίπτει. Οὔτε γὰρ ἀνδρομέῃ κεφαλῇ κατὰ γυῖα κέκασται, οὔ μὲν ἀπαὶ νώτοιο δύο κλάδοι ἀΐσσονται, οὔ πόδες, οὐ θοὰ γοῦν' οὔ μήδεα λαχνήεντα, ἀλλὰ φρὴν ἱερὴ καὶ ἀθέσφατος ἔπλετο μοῦνον, φροντίσι κόσμον ἅπαντα καταΐσσουσα θοῇσιν.

2) Arist Rhetor. 1. 13 ἀλλὰ τὸ μεν πάντων νόμιμον δια τ' εὐρυμέδοντος αἰθέρος ἠνεκέως τέταται διά τ' ἀπλέτου αὖ γῆς.

[3]) Hippolit. Refut VII, 31.

[4]) Указываемое Целлеромъ замѣчаніе Аммонія, что Эмпедоклъ, критикуя антропоморфизмъ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Аполлона, нисколько не подрываетъ и не умаляетъ монотеистическаго смысла его ученія, тѣмъ болѣе, что самъ Аммоній прибавляетъ, что таково было ученіе Эмпедокла и вообще о Божествѣ—κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ περι τοῦ θείου παντὸς ἀποραινόμενος...

оффиціальнымъ жрецомъ, вовсе не то говоритъ, что онъ не былъ твердъ въ этой своей монотеистической вѣрѣ, а лишь то, что онъ не былъ ревностнымъ проповѣдникомъ ея и, если дѣлился ею съ людьми, для этого достаточно разумными и благонадежными, то дѣлалъ это гораздо осторожнѣе Ксенофана, безъ нападокъ на народную вѣру и насмѣшекъ надъ нею[1]). Кромѣ чистаго понятія о единомъ Божествѣ, какъ первопричинѣ міра и первоисточникѣ правыхъ законовъ, важными нормативными факторами для Эмпедокловой морали могли служить съ одной стороны общая ему съ пиѳагорейцами отрадная вѣра въ безсмертіе души, а съ другой его личный безотрадный взглядъ на все земное человѣческое: „плакалъ и рыдалъ я, говоритъ онъ о себѣ, когда сталъ внимательно смотрѣть на эту земельку—жалкое человѣческое жилище, гдѣ коварства, убійства и всякія другія злодѣянія покрываютъ словно цвѣты поверхность луга, гдѣ рядомъ съ согласіемъ раздоръ и война, рядомъ съ красотою безобразіе и мерзость, рядомъ съ настойчивымъ трудомъ беззаботная лѣность и праздность, рядомъ съ прямотою и искренностію хитрость и коварство, рядомъ съ высокомѣріемъ крайняя униженность; о жалкій, о несчастный родъ, рождающійся и живущій среди вражды, борьбы и страданій, а затѣмъ исчезающій съ лица земли какъ дымъ[2]). Не трудно сообразить, какая должна была получиться мораль при такихъ основныхъ положеніяхъ, долженствовавшихъ играть роль бо́льшихъ посылокъ въ умозаключеніяхъ и выводахъ. Какъ-бы то ни было, впрочемъ, но по крайней мѣрѣ то не должно подлежать сомнѣнію, что Эмпедоклъ самъ въ своей жизни былъ образцомъ самой строгой и чистой нравственности и представлялъ собою типъ еще болѣе симпатичный и привлекательный, и въ тоже время величавый, импонирующій, чѣмъ Парменидъ. Этимъ только, да еще рѣдкимъ

[1]) Мы это говоримъ, имѣя въ виду скептическое отношеніе къ монотеизму Эмпедокла Целлера, см. его Die philos. d. Gr. B. 1. p. 555—558.

[2]) Emp. carm. v 17—25

вдохновленнымъ краснорѣчіемъ объясняется то доходившее почти до боготворенія почитаніе, которое до конца жизни оказывали ему повсюду сограждане и соотечественники и которымъ онъ повидимому даже тяготился. Онъ самъ говоритъ, что сограждане обоего пола чтили его такъ, какъ будто онъ не простой смертный, а какой либо изъ боговъ, часто подносили ему вѣнки, повязки, и, окружая толпами, обращались со всяческими просьбами, одни, чтобъ далъ дѣловой совѣтъ, другіе, чтобъ полѣчилъ отъ такой или иной болѣзни, третьи, чтобъ предсказалъ будущее, но всѣ безъ исключенія желали одного—наслаждаться его мудрою—важною и доброю рѣчью [1]). Такую всеобщую и неизмѣнную благорасположенность и почтительность къ нему согражданъ нельзя объяснить однимъ тѣмъ, что онъ въ молодости не только отказался отъ предложеннаго ему престола, но еще самъ всячески способствовалъ утвержденію демократіи вмѣсто грозившей возобновиться тиранніи,—нельзя, потому что народныя толпы обыкновенно очень скоро забываютъ оказанныя ему гражданскія услуги, какъ-бы велики онѣ не были. Кромѣ обаянія нравственной личности, развѣ вотъ что еще могло отчасти усиливать и упрочивать благорасположеніе согражданъ: получивши послѣ отца огромное наслѣдство, онъ находилъ удовольствіе выдавать богатое приданое каждой гражданкѣ безприданницѣ [2]); а кромѣ того, можно полагать, и вообще часто бралъ изъ своихъ богатствъ щедрою рукою на вспомоществованія нуждающимся.

Гераклитъ ефесскій частію вслѣдствіе своего меланхолическаго темперамента, частію по другимъ причинамъ имѣлъ такой мрачный, безотрадный взглядъ на вещи и людей въ особенности, что можетъ считаться первымъ представителемъ пессимизма въ греческой философіи. Ко всему, что люди высоко

---

[1]) Ibid v. 397—410.

[2]) Diog. Laert. VIII 2 ἔτι δε πολλὰς τῶν πολιτίδων ἀπροίκους ὑπαρχούσας οὗτὸν προικίσαι διὰ τὸν παρόντα πλοῦτον

цѣнятъ и чего усиленно добиваются, онъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ. Происходя изъ рода Кодридовъ, онъ имѣлъ почетный титулъ василевса, но отрекся отъ него въ пользу своего младшаго брата. Ефесянъ онъ возненавидѣлъ за то, что они изгнали знатнѣйшаго и отличнѣйшаго изъ гражданъ—его друга Гермодора и вообще за то, что ихъ демократическій нивелирующій строй жизни враждебенъ всякому, выдающемуся изъ ряда другихъ своими талантами. Поэтому, когда сдѣлано было ему почетное предложеніе пересмотрѣть старое законодательство, или исправить его, или издать новое уложеніе, — онъ рѣшительно отклонилъ его замѣчаніемъ, что никакое законодательство не исправитъ всего того зла и безобразія, которое пустило глубокіе корни въ государственномъ организмѣ. Мало по малу онъ дошелъ до такой мизантропіи (καί τελος μισανθρωπήσας), что наконецъ совсѣмъ покинулъ городъ, и чтобъ не имѣть никакихъ соотношеній съ людьми, и даже не видѣть ихъ, поселился въ горахъ въ пещерѣ, гдѣ и жилъ, питаясь дикими плодами, травами и кореньями. Лишь когда поразила его тяжкая болѣзнь (водянка), онъ явился на нѣкоторое время въ городъ для совѣта съ врачами, но не получивъ отъ нихъ никакой помощи, опять ушелъ въ свою пещеру и вскорѣ затѣмъ скончался. Уже современники и ближайшіе потомки называли или прозывали его темнымъ, мрачнымъ (σκοτεινὸς) отчасти за темноту его метафизическаго ученія, но гораздо болѣе, можно думать, за мрачность его духа и взгляда на вещи. Сказаніе же, что онъ никогда не смѣялся, но очень часто плакалъ, выражаетъ, какъ намъ кажется, тоже самое, что разумѣемъ мы, когда говоримъ или слышимъ о комъ либо, что онъ полонъ, живетъ и терзается міровою скорбію [1]). Послѣ этого, не удивительно что

[1]) Такъ можно думать, слѣдуя Лукіану V, 14, вложившему въ уста Гераклита такую фразу: ἡγέομαι τὰ ἀνθρώπινα πρήγματα ὀίζυρά καὶ δακρυώδεα καὶ οὐδεν αὐτέων ὅτι μὴ ἐπιχήριον.

сохранившіяся до насъ его немногія нравственныя изреченія имѣютъ почти исключительно только обличительный и отрицательный характеръ, а не положительный—наставительный. А между тѣмъ его философія, которую Гегель готовъ признать и принять для себя цѣликомъ во всѣхъ ея главныхъ положеніяхъ, содержитъ немало и такихъ элементовъ, изъ которыхъ могла быть построена и положительная мораль. Изъ самаго главнаго и основного ея положенія, по смыслу котораго все подобно быстрому потоку непрерывно течетъ и всячески ежечасно измѣняется, конечно, слѣдовала прямо только отрицательная мораль, требующая если не пренебрежительнаго, то по крайней мѣрѣ индифферентнаго отношенія ко всему чувственному, мимолетному, не имѣющему никакой вѣчной или истинной цѣнности, и Гераклитъ въ самомъ дѣлѣ не скупится на жалобы и упреки, что у большинства людей не достаетъ смысла уразумѣть это, а при варварскихъ, т. е. необразованныхъ душахъ, глаза и уши, вообще всѣ внѣшнія чувства, оказываются плохими свидѣтелями истины, такъ что они глядя не видятъ и слушая не слышатъ [1]), и вотъ почему хорошихъ людей вездѣ очень мало, всѣ же остальные дурны и живутъ не столько человѣческою, сколько скотскою жизнію [2]), руководясь не общими какими нибудь для всѣхъ обязательными понятіями, правилами, принципами, а каждый—своими особыми личными мнѣніями, стремленіями, интересами [3]). Но всѣмъ ходомъ измѣнчивыхъ явленій во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ управляетъ нѣкая неизмѣнная распредѣ-

[1]) Κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισι ὀφθαλμοὶ καὶ ὦτα βαρβάρους ψυχὰς ἐχόντων,—ἀξύνετοι ἀκούσαντες κωφοῖς ἐοίκασι, φάτις αὐτοῖσι μαρτυρεῖ παρώντας ἀπεῖναι.

[2]) Ὀλίγοι ἀγαθοί, πολλοὶ δὲ κακοί, ἀξύνετοι γίγνονται, κεκόρηνται ὁκώσπερ κλήνεα, καὶ παῖδας καταλείπουσιμόρων γενέσθαι.

[3]) Δεῖ ἕπεσθαι τῷ ξυνῷ, τοῦ λόγου δὲ ἐόντος ξυνοῦ, ζώουσι οἱ πολλοὶ ὡς ἰδίαν ἔχοντες φρόνησιν.

ляющая и уряжающая необходимость (ἀνάγκη, εἱμαδμένη), нѣкая разумная правда (δίκη, γνώμη, φρόνησις), нѣкій божественный законъ (ζεῖος νόμος), нѣкій внутренній смыслъ, или разумъ (λόγος). Этому всеобъемлющему принципу міробытія стоило только усвоить, кромѣ космическаго, еще и этическій смыслъ, чтобъ изъ него получилась цѣлая группа нравственныхъ правилъ; но Гераклитъ, къ сожалѣнію, и тутъ только негодуетъ на то, что люди живутъ какъ будто и не подозрѣвая этой міровой правды, этого божественнаго, неизмѣннаго закона и разума вещей, что если они и имѣютъ законы, то только плохіе, не основанные всецѣло на принципѣ разума и правды [1]); да и эти постоянно нарушаютъ и измѣняютъ, забывая, что хорошіе устойчивые законы обезпечиваютъ покой и благосостояніе государствъ гораздо надежнѣе, чѣмъ крѣпостныя стѣны [2]); одною изъ причинъ беззаконія и неустройства въ государствахъ слѣдуетъ считать излюбленную демократическую форму правленія, т. е. раздѣленіе власти между всѣми;—порядокъ и благоустройство возможны лишь тамъ, гдѣ всѣ повинуются единому закону и единоличной власти [3]).— Изъ положенія, что всякая жизнь въ мірѣ, не исключая и человѣческой, поддерживается только непрерывною борьбою противоположностей, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и основою гармоніи, тоже можно было сдѣлать многостороннее нравственное примѣненіе, но и по этому пункту не осталось для насъ отъ Гераклита никакихъ изреченій, кромѣ одного самого общаго, совѣтующаго все, что вноситъ въ жизнь разладъ, безпорядокъ, тушить скорѣе и усерднѣе, чѣмъ пожаръ [4]). Еще

---

[1]) Νόμον γὰρ ἔθεσαν ἄνθρωποι αὐτοὶ ἑωντοῖσι οὐ γιγνώσκοντες περὶ ὧν ἔθεσαν, καὶ τά μεν ὧν ἔθεσαν οὐδέποτε κατὰ τοῦτον ἔχει οὔτε τά ὀρθά οὔτε τά μή ὀρθά, δκόσα δὲ θεοὶ ἔθεσαν, οἱ εἰ ὀρθῶς ἔχει.

[2]) Μάχεσθαι χρὴ τὸν δῆμον ὑπὲρ νόμον ὅκως ὑπὲρ τείχεος.

[3]) Νόμος καὶ βουλὴ πείθεσθαι ἑνός.

[4]) Ὕβριν χρὴ σβεννύειν μᾶλλον ἢ πυρκαίην.

болѣе важно для морали его положеніе, что мы люди не что иное, какъ смертные боги, ибо раждаемся смертію боговъ и умираемъ ихъ жизнію [1]), выражающее ту мысль, что божественное начало нашей природы, воплощаясь въ тѣлѣ, eo ipso какъ бы тутъ же умираетъ, но потомъ, особенно къ концу жизни или ко времени смерти, вновь оживаетъ, во всей своей полнотѣ и красотѣ. Спрашивается, у всѣхъ ли, и если не у всѣхъ, то у кого именно и какимъ образомъ? У того, отвѣчаетъ Гераклитъ, кто, подобно ему, уразумѣвъ всю божественную глубину дельфійской надписи γνῶθι σαυτόν, серьезно займется самопознаніемъ и самоиспытаніемъ, которое само собою научитъ и покажетъ, какова должна быть жизнь человѣка, сообразная съ его высшею божественною природою [2]). Фактическое же осуществленіе такого идеала жизни, обращеніе его въ постоянный нравъ и характеръ, равносильно появленію внутри насъ самихъ божества, или перерожденію нашему изъ человѣка въ божество. Такой приблизительно смыслъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, лаконическое изреченіе Гераклита ἦθος ἀνθρώπῳ δαίμων. Когда же божественное становится въ человѣкѣ его собственнымъ нравомъ, его постояннымъ внутреннимъ руководителемъ, тогда онъ слушается этого своего руководителя во всемъ, какъ добрый юноша—опытнаго мужа (ἀνὴρ νήπιος ἤκουσε πρὸς δαίμονος ὁκώσπερ παῖς πρὸς ἀνδρός).

Сверхъ всякаго ожиданія, отъ Демокрита изъ Абдеры—атомиста и матеріалиста сохранилось до насъ изреченій нравственнаго содержанія гораздо больше, чѣмъ отъ всѣхъ философовъ этой группы взятыхъ вмѣстѣ. Мало того, — содержащаяся въ нихъ его мораль чистотою своею почти не усту-

[1]) Ἄνθρωποι—θεοὶ θνητοί, θεοὶ τ' ἄνθρωποι ἀθάνατοι ζῶντες τῶν ἐκείνων θάνατον, θνήσκοντες τὴν ἐκείνων ζωήν... καὶ ἡμεῖς ζῶμεν τὸν ἐκείνων θάνατον, τεθνήκαμεν δὲ τὸν ἐκείνων βίον.

[2]) Ἐδιζησάμην ἐμεωυτὸν καὶ τῶν ἐν Δελφοῖς γραμμάτων θειότατον ἐδόκει τὸ γνῶθι σαυτόν.

паетъ морали любого идеалиста,—лучшее доказательство того, что добрая нравственность требуется необходимо всякою философіею, заслуживающею этого имени, при всемъ различіи философскихъ системъ во всѣхъ другихъ доктринахъ. Въ строго-послѣдовательномъ матеріализмѣ не можетъ быть, казалось бы, никакихъ основаній и мотивовъ для признанія въ человѣческой природѣ кромѣ тѣла еще чего-то другого называемаго душею, а между тѣмъ Демокритъ дѣлаетъ это признаніе со всею прямотою, безъ всякаго колебанія. Правда, что душа, по его ученію, имѣетъ тоже свой матеріальный субстратъ въ самыхъ тончайшихъ и подвижнѣйшихъ круглыхъ огненныхъ атомахъ, однакоже она радикально отлична отъ тѣла: тѣло есть только органъ, орудіе души, которымъ она владѣетъ и распоряжается, какъ владычица, собственною мыслію и властью [1]). Поэтому, все достоинство человѣка заключается въ его душѣ, а не въ тѣлѣ, самая большая красота и сила тѣлесная, сама по себѣ, не освѣщаемая и не управляемая разумомъ, есть нѣчто только животенное (σώματος κάλλος ζωῶδες, εἰ μὴ νόος ὑπείη), не тѣло, а душа бываетъ жилищемъ божества (ψυχὴ δ' οἰκητήριον δαίμονος), т. е. не тѣломъ, а лишь душею и ея возможнымъ усовершенствованіемъ человѣкъ можетъ проявить въ себѣ нѣчто, уподобляющее его Божеству. По этой же причинѣ не въ тѣлесныхъ, вещественныхъ благахъ, каковы золото, имѣнья, стада, заключается благополучіе человѣка, а въ такихъ духовныхъ, какъ правота жизни и простирающееся на всѣ вещи любомудріе [2]), ибо съ ними только водворяется во всемъ строѣ жизни мѣрность и гармонія, а съ ними въ свою оче-

---

[1]) Ἀνθρώποισι ἁρμόδιον ψυχῆς μᾶλλον ἢ σώματος ποιέεσθαι λόγον, ψυχὴ μὲν γὰρ τελειοτάτη σκήνεος μοχθηρίην ὀρθοῖ, σκήνεος δὲ ἰσχύος ἄνευ λογισμοῦ ψυχὴν οὐδέν τι ἀμείνω τίθησι.

[2]) Οὔτε σώμασιν, οὔτε χρήμασι καὶ βοσκήμασιν εὐδαιμονοῦσι ἄνθρωποι, ἀλλ' ὀρθοσύνῃ καὶ πολυφροσύνῃ.

редь соединяется спокойствіе и благодушіе [1]). Истинныя блага только тѣ, которыя для всѣхъ служатъ предметомъ одобренія и уваженія, а таковы только добро и истина, что же касается того, что пріятно, или что нравится, то въ этомъ ничего нѣтъ общепризнаннаго, но одному пріятно и нравится одно, другому другое [2]). На исканіе чувственныхъ благъ не слѣдуетъ класть много души еще и потому, что они не прочны, судьба ненадежна и измѣнчива [3]), а жизнь наша коротка и потому должна быть похожа на посѣщеніе театра,—пришелъ ты сюда, насмотрѣлся и ушелъ (ὁ κόσμος σκηνή, ὁ βίος πάροδος,—ἦλθες, εἶδες, ἀπῆλθες).—Какимъ же образомъ, спрашивается, могутъ быть достигаемы истинныя духовныя блага—мудрость, истина, правста духа?—Самое первое, что для этого нужно сдѣлать,—это, слѣдуя наставленію все той же дельфійской надписи войти въ самого себя и подвергнуть себя тщательному и безпристрастному испытанію. Когда же ты это сдѣлаешь, когда откроешь свое внутреннее и пристально въ него вглядишься, то увидишь тутъ цѣлую сокровищницу, цѣлый складъ самыхъ разнообразныхъ золъ, страстей, недуговъ,—притомъ такихъ, которые не отъинуду сюда привошли, а имѣютъ свой источникъ и корень здѣсь же—въ тебѣ самомъ, въ твоей собственной внутренней испорченности, которая ихъ родила и размножила [4]). Быть не можетъ, чтобы при этомъ печальномъ

---

[1]) Τὴν δὲ εὐθυμίην καὶ εὐεστώ, καὶ ἀρμονίην, ξυμμετρίαν τε καὶ ἀταραξίαν καλεῖ.

[2]) Ἀνθρώποισι πᾶσι σεσαστά ἐστι τὸ ἀγαθὸν κἀληθὲς, ἡδὺ δὲ ἄλλῳ ἄλλο.

[3]) Τύχη μεγαλόδωρος, ἀλλ' ἀβέβαος.. γιγνώσκειν χρεὼν ἀνθρωπίνην βιοτὴν ἀφαυρήν τε ἐοῦσαν καὶ ὀλιγοχρόνιον πολλῇσί τε κηρσὶ συμπεφορμένην καὶ ἀμηχανίῃσι...

[4]) Ἂν δὲ σαυτὸν ἔνδοθεν ἀνοίξῃς, ποικίλον τι καὶ πολυπαθὲς κακῶν ταμεῖον εὑρήσεις καὶ θησαύρισμα οὐκ ἔξωθεν ἐπιῤῥεόντων, ἀλλ' ὥσπερ ἐγγείους καὶ αὐτόχθονας πηγὰς ἐχόντων, ἃς ἀνίησιν ἡ κακία, πολύχυτος καὶ δαψιλὴς οὖσα τοῖς πάθεσιν.

открытіи не явилось у человѣка чувство недовольства собою, раскаянія, а коль скоро оно явилось, то ему есть уже и надежда на спасеніе (μεταμελίη ἐπ' αἰσχροῖσι ἔργμασι βίον σωτηρία), ибо изъ живого, глубокаго раскаянія сама собою должна родиться рѣшимость, если не произвести радикальное очищеніе своей внутренней сокровищницы отъ наполняющихъ ее золъ, то по крайней мѣрѣ пріостановить накопленіе въ ней новыхъ,—рѣшимость подавлять всякое новое дурное чувство, желаніе, намѣреніе, обуздывать гнѣвъ и всякую другую страсть, чтобы такимъ образомъ постепенно достигнуть полной побѣды и власти надъ ними. Это, конечно, весьма трудно, но не невозможно [1]). Чѣмъ дальше, тѣмъ легче тебѣ будетъ удерживаться отъ зла и въ дѣлѣ и въ словѣ, особенно если ты будешь больше чѣмъ людей бояться и чтить того нелицепріятнаго судію, который всегда внутри тебя самого находится — въ твоей собственной совѣсти [2]); тогда уже не страхъ наказанія, а чувство долга будетъ удерживать тебя отъ всего дурного (μὴ διὰ φόβον, ἀλλὰ διὰ τὸ δέον χρεὼν απεχεσθαι ἁμαρτημάτων). Но мало еще только избѣгать зла,—нужно еще стараться дѣлать доброе и самому быть добрымъ, добродѣтельнымъ. Тутъ дѣло доброй нравственности облегчается отчасти тѣмъ, что всегда можно встрѣтить между людьми образцы достойные подражанія (ἀγαθὸν ἤ εἶναι χρεὼν ἤ μιμέεσθαι,—χαλεπὸν τοὺς ἀγαθοὺς μὴ μιμέεσθαι), съ которыми и слѣдуетъ имѣть возможно частое и близкое общеніе, отъ развращающаго же сообщества злыхъ и порочныхъ всячески удаляться (φαύλων ὁμιλίη

---

[1]) Ανδρεῖος οὐχ ὁ τῶν πολεμίων κρατέων μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἡδονεών κρέσσων,—τὸ νικᾶν αὐτὸν ἑαυτόν πασῶν νικῶν πρώτη καὶ ἀρίστη, τό δὲ ἡττᾶσθαι αὐτὸν ὑφ' ἑαυτοῦ ἀισχιστόν τε καὶ κάκιστον.

[2]) Μηδὲν τι μᾶλλον τοὺς ἀνθρώπους ἀιδέεσθαι ἑωυτοῦ, μηδέ τι μᾶλλον ἐξεργάζεσθαι κακόν, εἰ μέλλει μηδεὶς εἰδήσειν. ἤ εἰ πάντες ἄνθρωποι, ἀλλ' ἑωυτὸν μάλιστα αἰδέεσθαι καὶ τοῦτον νόμον τῇ ψοχῇ κατιστάναι, ὥστε μηδὲν ποιέειν μὴ ἐπιτήδειον... Φαῦλον, κἂν μόνος ᾖς, μήτε λέξῃς μήτε ἐργάσῃ, μάθε δὲ πολὺ μᾶλλον τῶν ἄλλων σεωυτὸν αἰσχύνεσθαι.

ξυνεχής ἕξιν κακίης αὔξει). Не на словахъ только, а самымъ дѣломъ слѣдуетъ быть ревнителемъ всякой добродѣтели (ἔργα καί πρήξιας ἀρετῆς, οὐ λόγους ζηλεύειν χρεών); одно красноглаголаніе о добродѣтели, не выражаемое и не подтверждаемое дѣломъ, есть лишь лукавое лицемѣріе и фарисейство (κίβδηλοι καί ἀγαθοφανέες οἱ λόγῳ μέν ἅπαντα, ἔργῳ δέ οὐδέν ἔρδοντες). Мало еще не причинять обиды другому,—даже желать этого не слѣдуетъ (ἀγαθόν οὐ τό μή ἀδικέειν, ἀλλά τό μηδέ ἐθέλειν)[1]), да и всякаго другого готоваго нанести кому-либо обиду отъ этого удерживать (καλόν τόν ἀδικέοντα καλύειν), а подвергающихся обидамъ всячески защищать (ἀδικεομένοισι τιμωρέειν κατά δύναμιν χρή καί μή παριέναι), самому же претерпѣваемыя обиды терпѣливо переносить и великодушно прощать (μεγαλοψυχίη τό φέρειν πραέως πλημμελείην, ὁ ἀδικέων τοῦ ἀδικεομένου κακοδαιμονέστερος). Можно и должно быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ обращеніи съ людьми (μή πᾶσι, ἀλλά δοκίμοισι πιστεύειν), но не слѣдуетъ быть ко всѣмъ подозрительнымъ (μή ὕποπτος πρός ἅπαντας, ἀλλ' εὐλαβής γίνευ καί ἀσφαλής), а также завистливымъ (ὁ φθονέων ἑωυτόν ὡς ἐχθρόν λυπέει); лишь въ добродѣтели умѣстно и полезно соревнованіе (ἡ τῶν ἀγαθῶν ἔρις ὠφελεῖ τόν ζηλοῦντα, μή βλάπτουσα τόν ζηλούμενον), а всякое другое соперничество вредно (φιλονεικίη πᾶσα ἀνόητος, τό γάρ κατά τοῦ δυσμενέος βλαβερόν θεωρεῦσα τό ἴδιον ξυμφέρον οὐ βλέπει); не должно хвалить дурныхъ и глупыхъ, ибо такая похвала, будучи коварною лестью, пагубна для нихъ (εὐλογέειν ἐπί καλοῖσι ἔργμασι καλόν, τό γάρ ἐπί φλαύροισι κιβδήλου καί ἀπατεῶντος), но и становиться ихъ судьею и обличителемъ тоже не подобаетъ,—чѣмъ другихъ, прежде всего самого себя суди и обличай (κρέσσον τά οἰκεῖα ἁμαρτήματα ἐλέγχειν ἤ τά ὀθνεῖα); сочувствіе ближнему въ постигающихъ его несчастіяхъ такъ естественно (ἄξιον ἀνθρώπους ἐόντας ἐπ ἀνθρώπων ξυμφορῇσι μή γελᾶν ἀλλ' ὀλοφύρεσθαι), злорадство же въ подобномъ случаѣ сколько

---

[1]) Ἐχθρός οὐκ ἀδικέων, ἀλλά καί ὁ βουλόμενος. Δόκιμος ἀνήρ καί ἀδόκιμος οὐκ ἐκ τῶν πρήσσει μόνον, ἀλλά καί ἐκ τῶν βούλεται.

неестественно, столько же и глупо [1]); если хочешь быть любимымъ, самъ люби другихъ, ибо никѣмъ не любимъ бываетъ всегда только тотъ, кто самъ никого не любитъ (οὐδ' ὑπ' ἐνὸς φιλέεσθαι δοκεῖ μοι ὁ φιλέων οὐδένα), а безъ любви и дружбы сама жизнь теряетъ всякую цѣнность (ζῆν οὐκ ἄξιος, ὅτῳ μηδεὶς ἐστι χρηστὸς φίλος); если можешь удѣлять нуждающимся, благодѣтельствуй безъ всякаго разсчета на воздаяніе, единственно по любви къ доброму дѣлу (δυνάμενος χαρίζεσθαι δίδου μὴ βλέπων πρὸς τὴν ἀμοιβήν, ἀλλ' εὖ δρᾶν προῃρημένος), притомъ дѣлай это во время, не откладывая (μὴ βράδυνε ἐπιστάμενος μὴ εἶναι τὰ πράγματα μονιμα), самъ же, пользуясь услугами и благодѣяніями другихъ, старайся возблагодарить сторицею (χάριτος δέχεσθαι χρεὼν προσκοπευόμενον χρέσσονας αὐτέων ἀμοιβὰς ἀποδοῦναι), въ особенности же будь сострадателенъ и милостивъ къ странникамъ и бѣднымъ (ξένοισι μεταδίδου καὶ τοῖσι δεομένοισι ἐκ τῶν ἐόντων, ὁ γὰρ μὴ δίδους δεομένῳ οὐδὲ αὐτὸς λήψεται δεόμενος). Кромѣ всего этого, будь благочестивъ, притомъ не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, т. е. безпорочною богоугодною жизнію, зная, что Богу угоденъ лишь тотъ, кто удаляется всякой неправды (μοῦνοι θεοφιλέες ὅσοισι ἐχθρὸν τὸ ἀδικεῖν), и благочестія своего не стыдись, не скрывай, напротивъ, показывай какъ самую лучшую свою красоту, равно и истину всегда и предъ всѣми смѣло и мужественно отстаивай (χρὴ τὴν μὲν αὐσέβειαν φανερῶς ἐνδείκνυσθαι, τῆς δὲ ἀληθείας θαῤῥόντως προίστασθαι). Вотъ какимъ образомъ достигается внутреннее довольство собою и истинное счастіе, ибо кто всѣ усилія свои прилагаетъ къ тому, чтобы всѣ поступки его были сообразны съ требованіями закона и справедливости, тотъ и бодрствуя и спя радуется, всегда здоровъ и безпечаленъ духомъ, а кто ни справедливости не наблюдаетъ, ни предписываемаго долгомъ не выполняетъ, тому все непріятно и тягостно отъ сознанія опущеній и нарушеній

[1]) Οἷσι ἡδονὴν ἔχουσι αἱ τῶν πέλας ξυμφοραὶ, οὐ ξυνιᾶσι μὲν ὡς τὰ τῆς τύχης κοινὰ πᾶσι, ἀπορέουσι δὲ οἰκηίης χαρᾶς.

долга, тому приходится постоянно порицать себя то за одно, то за другое и жить подъ гнетомъ опасеній и страховъ [1]); да и во всѣхъ такъ называемыхъ внѣшнихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ люди большею частію сами виноваты [2]). Одна изъ главныхъ причинъ, по которой люди предпочитаютъ зло добру, порокъ добродѣтели, а затѣмъ бываютъ внутренно несчастны, да и всякія внѣшнія бѣды терпятъ,—это невѣжество (ἁμαρτίης αἰτίη ἡ ἀμαθίη τοῦ κρέσσονος). Поэтому, серьезное, основательное образованіе и хорошее воспитаніе молодого поколѣнія должно составлять главнѣйшій предметъ всяческихъ заботъ и старапій прежде всего для самихъ родителей, а затѣмъ и для государства, ибо и для государства важно, чтобъ оно имѣло какъ можно больше хорошихъ гражданъ, особенно же отличныхъ мудростію и опытомъ правителей (φύσι τό ἄρχεον οἰκήιον τῷ κρέσσονι) [3]). Демокритъ самъ, кажется, „не былъ женатъ главнымъ образомъ вслѣдствіе сознанія всей трудности дать хорошее воспитаніе дѣтямъ [4]) и изъ боязни, что многосложныя заботы по воспита-

---

[1]) Ὁ μέν εὔθυμος εἰς ἔργα ἐπιφερόμενος δίκαια καί νόμιμα καὶ ὅπαρ καὶ ὄναρ χαίρει τε καὶ ἔῤῥωσται καί ἀνακηδής ἐστι, ὅς δ' ἄν δίκης ἀλογέῃ καὶ τὰ χρηέοντα μὴ ἔρδῃ, τούτῳ πάντα τὰ τοιάδε ἀτερπέα ἔστι ὅταν τευ ἀναμνησθῇ, καὶ δέδοικε καὶ ἑωυτόν κακίζει. Δίκης κῦδος γνώμης θάρσος καὶ ἀθαμβίη, ἀδικίης δέ δεῖμα ξυμφορῆς τέρμα. Τοῖς ὁ τρόπος ἐστί εὔτακτος τουτέοισι καὶ βιος ξυντέτακται.

[2]) Οἱ θεοί τοῖσι ἀνθρώποισι διδοῦσι τἀγαθά πάντα πάλαι καὶ νῦν, πλήν ὅποσα κακὰ καὶ βλαβερὰ καὶ ἀνωφελέα, τάδε οὐ θεοὶ δωρέοντα, ἀλλ' αὐτοί ἄνθρωποι τοῖσδε ἐμπελάζουσι διὰ νόου τυφλότητα καὶ ἀγνωμοσύνην, τύχης δὲ εἴδωλον ἐπλάσαντο προφασίν ἰδίης ἀβουλίης.

[3]) Οἱ κακοί ἰόντες εἰς τὰς ὁμὰς ὁκόσῳ ἄν μᾶλλον ἀνάξιοι ἐόντες ἴωσι, τοσούτῳ μᾶλλον ἀνακηδέες γίνονται καί ἀφροσύνης καί θράσεος πίμπλανται.

[4]) Δημόκριτος γάμον καὶ τεκνοποιίαν παραιτεῖται διὰ τὰς πολλὰς ἐξ αὐτῶν ἀηδίας τε καὶ ἀφολκὰς ἀπὸ τῶν ἀναγκαιοτέρων. Τεκνοτροφίη σφαλερόν, τὴν μὲν γὰρ ἐπιτυχίην ἀγῶνος μεστὴν καὶ φροντίδος κέκτηται, τὴν δὲ ἀποτυχίην ἀνοπέρθετον ἑτέρην ὀδύνην

нію дѣтей не оставятъ ему свободы и досуга для ученыхъ занятій, но на супружество, а за тѣмъ на дѣторожденіе и воспитаніе онъ смотрѣлъ не только какъ на естественное требованіе самой природы, общее у человѣка со всѣми высшими животными [1]), но и какъ на нѣчто священно-обязательное, такъ что даже бездѣтнымъ состоятельнымъ супружествамъ совѣтовалъ усыновлять чужихъ дѣтей и затѣмъ радѣть о нихъ и воспитывать какъ собственныхъ [2]). Что касается образованія, или обученія, то оно, по убѣжденію Демокрита, должно имѣть своею задачею не набиваніе головы всевозможными свѣдѣніями, но главнымъ образомъ — возможно полное развитіе умственныхъ способностей путемъ возбужденія собственной самостоятельной мыслительности учащихся (πολυνοίην οὐ πολυμαθίην ἀσκέειν χρὴ,—πολλοί γάρ πολυμαθέες νόον οὐκ ἔχουσι), что же касается воспитанія, то оно должно быть серьезнымъ и строгимъ, чуждымъ всякихъ попущеній, поблажекъ, баловства, имѣющихъ всегда не укрѣпляющее и благовоспитывающее, а разслабляющее и развращающее вліяніе (πάντων κάκιστον ἡ εὐπετείη παιδεῦσαι τὴν νεότητα, αὕτη γάρ ἐστι, ἡ τέκτεί τὰς ἡδυνάς ταύτας, ἐκ τῶν ἡ κακότης γίνεται).

Такова въ главныхъ и общихъ чертахъ мораль Демокрита. Трудно что либо серьезное возразить противъ ея дѣльности. Къ сожалѣнію, творецъ ея и носитель былъ, повидимому, въ такой же степени пессимистъ, какъ и Гераклитъ, только иного типа: если о Гераклитѣ древніе свидѣтельствуютъ,

---

1) Ἀνθρώποισι τῶν ἀναγκαίων δοκέει εἶναι παῖδας κτήσασθαι ἀπό φύσιος καὶ καταστάσιός τινος ἀρχαίης. Δῆλον δὲ καὶ τοῖσι ἄλλοισι ζώοισι, πάντα γάρ ἔγκονα κτᾶται κατὰ φυσιν, ἐπωφελείης γε οὐδεμιῆς εἵνεκα. ἀλλ' ὅταν γένηται ταλαιπωρέει καὶ τρεφει ἕκαστον. Τῷ δὲ δή ἀνθρώπῳ νόμιμον ἤδη πεποίηται, ὥστε καί ἐπαύρεσίν τινα γίγνεσθαι ἀπό τοῦ ἐγκόνου.

2) Ὅτῳ χρήματά ἐστι, παῖδα ποιήσασθαι ἐκ τῶν φίλων ἐμοὶ δοκέει ἄμεινον εἶναι, καὶ τῷ μὲν παῖς ἔσται τοιοῦτος οἷον ἂν βούληται.

что онъ скорбѣлъ, терзался, плакалъ надъ недугами, пороками и бѣдами человѣческими, то о Демокритѣ,—что онъ смѣялся, т. е. относился ко всему этому съ холодной, насмѣшливой ироніей (τοῖς δέ σοφοῖς ἀντί ὀργῆς Ἡρακλείτῳ μὲν δάκρυα, Δημοκρίτῳ δὲ γέλως ἐπῆει). За это онъ дорого поплатился. Это былъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, за что уже у современниковъ получилъ прозвище Σοφία,—почти соотвѣтствующее нашей кличкѣ живой, ходячей энциклопедіи. Еще въ молодости пожертвовавъ большую часть своего огромнаго состоянія на нужды государства, остальную часть его онъ употребилъ на путешествія и экскурсіи съ ученою цѣлію. Онъ не довольствовался только отвлеченнымъ философскимъ умозрѣніемъ для пониманія и изъясненія всего существующаго, но занимался также чисто-опытными, строго-научными изслѣдованіями и изысканіями его анатоміи и физіологіи животныхъ и растеній, и въ другихъ областяхъ естествознанія. Самъ Аристотель считалъ его великимъ ученымъ и философомъ. Вдобавокъ къ этому,—нѣтъ никакого основанія думать, что изложенныя сейчасъ его прекрасныя нравственныя изреченія не были прежде всего постоянными руководящими правилами его собственной жизни. Все это, однако, не спасло его. Оказывается, что съ глубокою тоскою и тяжкою скорбію въ сердцѣ о неправдѣ и злобѣ людской, объ упадкѣ и растлѣніи нравовъ въ окружающей средѣ и т. п. можно еще кое какъ нести бремя нерадостной жизни до естественнаго конца ея, а съ холоднымъ сердцемъ, которое не можетъ ни любить, ни ненавидѣть и негодовать, а способно лишь на сухую иронію и равнодушную насмѣшку, даже при огромномъ умѣ и громадной учености,—нельзя: Демокритъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ, чтобъ избавиться отъ болѣзненной и тягостной старости. Такъ поступилъ тотъ, кто иронизировалъ, что большинство людей изживаютъ жизнь въ удовольствіяхъ и, боясь смерти, тѣмъ скорѣе настигаютъ свою смерть (ἀνοήμονας τὸν θανατον φεύγοντας διώκουσι). Конечно, жа-

лость, а пожалуй, и смѣхъ смотрѣть на такихъ людей; но когда видишь, что не глупецъ, а мудрецъ самъ добровольно настигаетъ свою смерть, однимъ ударомъ прекращаетъ свою жизнь и, зажмуря глаза, стремглавъ бросается въ ту область, которая неизвѣстна никому изъ мудрецовъ, то овладѣваетъ, кромѣ жалости и страха, еще и сомнѣніе, есть ли это мудрость, или скорѣе безуміе, величіе ли это духа, или скорѣе изнеможеніе и истощеніе...

IV. Намъ, людямъ школы, естественно удѣлить гораздо больше времени и вниманія тѣмъ философамъ, которые создали и послѣ себя оставили болѣе или менѣе значительныя школы съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ цикломъ и методомъ ученія, а также съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ направленіемъ, духомъ и строемъ жизни,—въ той мысли, что въ этомъ преданьи старины глубокой не все же одного полнаго забвенья заслуживаетъ, но нѣчто, быть можетъ, достойно и вниманья, если не подражанья.

Въ числѣ такихъ философовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Пиѳагоръ, который первый отклонилъ отъ себя претенціозное званіе мудреца и требовалъ, чтобъ его звали скромнымъ именемъ философа. Однако, нѣкоторые древніе ставили его въ числѣ мудрецовъ, и вполнѣ справедливо, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ въ своей замѣчательной личности соединялъ съ типомъ философа всѣ извѣстныя уже намъ черты мудреца [2]).

---

[1]) См. Труды Кіевской дух. Академіи. м. ноябрь 1897

[2]) Извѣстно и намъ, въ какой степени скептически новая критика относится къ дошедшимъ до насъ біографіямъ Пиѳагора (Діогена Лаэрція, Ямблиха и Порфирія). Но это не мѣшаетъ намъ пользоваться ими для нашей задачи. Всѣ они, конечно, очень поздніе, но писаны онѣ все же по довольно древнимъ источникамъ. Онѣ не скрываютъ разногласія этихъ источниковъ относительно датъ и разныхъ частныхъ, чисто внѣшнихъ фактовъ. Точно установить эти факты и ихъ даты на основаніи біографій, конечно, почти невозможно. Но для общей характеристики личности Пиѳагора и его школы эти біографіи вполнѣ годны, такъ какъ тутъ всѣ онѣ согласны между собою, какъ равно и тѣ источники, по которымъ онѣ составлены.

Онъ сидитъ на высокомъ сѣдалищѣ между наружными колоннами пантеона, потому что въ небольшомъ зданіи его не могли бы помѣститься даже прямые его ученики, не говоря о позднѣйшихъ послѣдователяхъ. Отецъ Пиѳагора Мнесархъ, самосскій художникъ и богатый коммерсантъ, построившій храмъ Аполлона пиѳійскаго (какъ разсказываютъ, именно въ ознаменованіе рожденія сына по предсказанію Пиѳіи, получившаго отсюда и имя свое), человѣкъ если не очень высокаго образованія, то очень глубокаго и живаго благочестія, не щадилъ средствъ, чтобы дать сыну возможно-лучшее воспитаніе и образованіе. Учителемъ Пиѳагора былъ сперва Ферекидъ сирскій, одинъ изъ 7 мудрецовъ, а послѣ его смерти—нѣкто Гермодамантъ. Послѣ смерти отца, надѣленный рѣдкими способностями Пиѳагоръ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду, уже самъ ничего не щадитъ и все дѣлаетъ для довершенія своего образованія: посѣщаетъ въ Пріонѣ Біаса, потомъ въ Милетѣ—Ѳалеса, а затѣмъ, по совѣту послѣдняго, предпринимаетъ далекое и долгое путешествіе по странамъ Востока, много лѣтъ проживаетъ въ Египтѣ при храмахъ и святилищахъ Мемфиса и Діосполиса, гдѣ, пользуясь благорасположеніемъ жрецовъ, знакомится съ уставомъ и духомъ ихъ жизни, съ обрядами культа, съ религіозными вѣрованіями, традиціями, доктринами, съ нравами и обычаями народа, съ писанными и неписанными законами, а кромѣ того и съ наукою, здѣсь же имѣвшею свой пріютъ, особенно—съ разными отраслями математики; если вѣрить позднѣйшимъ сказаніямъ, то онъ и этимъ не удовлетворяется, а еще въ Вавилонѣ у маговъ занимается тѣмъ же съ прибавкою астрономіи, а на возвратномъ пути заѣзжаетъ въ Критъ, Спарту и другія мѣста Еллады для ознакомленія на мѣстѣ съ различными политическими учрежденіями и законодательствами. Съ большею радостію и большими надеждами встрѣтили самосцы изъ далекихъ странъ возвратившагося Пиѳагора, и у него скоро образовалась многолюдная школа, собиравшаяся въ большомъ полукругломъ зданіи, которое поз-

днѣе обращено было въ мѣсто народныхъ собраній, между тѣмъ какъ для себя лично онъ устроилъ, такъ сказать, ученый кабинетъ въ маленькомъ домикѣ за городомъ. Слава о его учености, мудрости и о его школѣ распространилась скоро по всей Греціи, и къ нему стали притекать изъ разныхъ мѣстъ все новые и новые слушатели, а между тѣмъ самосцы все чаще и чаще стали его привлекать къ руководительному участію во всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ, которое, можно полагать, не всегда обходилось для него мирно, безъ столкновеній. По этой-ли причинѣ, или вслѣдствіе настоятельныхъ вызововъ со стороны, но только онъ покинулъ свою самосскую школу, конечно, съ увѣренностію, что она и безъ него можетъ существовать подъ руководствомъ хорошо подготовленныхъ учителей, и отправился въ Италію, точнѣе, въ такъ называемую великую Грецію, и прежде всего въ Кротону. Громкая слава, задолго предупредившая его прибытіе, была причиною того, что его первыя же вдохновенныя рѣчи здѣсь на площади и въ гимназіи произвели огромное впечатлѣніе и дѣйствіе: мужья, выслушавъ, что для нихъ, поведшихъ отъ алтаря женъ послѣ данной клятвы, супружеская вѣрность должна составлять священную обязанность, которая не должна быть нарушаема даже въ такомъ случаѣ, какой былъ у Одиссея съ нимфой Калипсо, т. е. даже при искушеніи обѣщаніемъ безсмертія, рѣшили разстаться съ своими любовницами; жены, выслушавъ, что родители, отдѣляя ихъ отъ себя и отдавая изъ своего дома мужьямъ, тѣмъ самымъ показали, что мужья для нихъ должны быть почтеннѣе, дороже и любимѣе отца и матери, и что прелюбодѣяніе жены, даже при невѣрности мужа, есть послѣдній позоръ и страшный непростительный грѣхъ, тоже образумились и рѣшили впредь быть честными, мужьямъ своимъ вѣрными; женщины всякихъ возрастовъ и дѣвушки, выслушавъ, что ихъ прекрасному и нѣжному полу, называемому въ разныхъ положеніяхъ именами божествъ—Корой въ состояніи дѣвушки, Нимфой—

замужней, Матерью—дѣтей родившей, Майей—бабушки, болѣе всего подобаютъ благочестіе и набожность, выражаемыя посредствомъ молитвъ и рукодѣлій для украшенія святыни, а затѣмъ — скромность во всемъ, не исключая и одѣянія, что общее у всѣхъ ихъ страстное желаніе перещеголять другъ дружку нарядами есть выраженіе пустой суетности, нескромности и расточительности,—стали одѣваться проще и беззатѣйливѣе, а давнѣе нашитыя пышныя златотканныя одежды сносить тысячами въ храмъ Геры; молодые люди обоего пола, выслушавъ, что при невѣжествѣ человѣкъ не выше и не лучше животнаго, превосходства же надъ животными и благополучія въ жизни можетъ достигнуть не иначе, какъ путемъ старательнаго ученія, хорошаго воспитанія и солиднаго образованія, вдругъ захотѣли учиться и стали просить своихъ отцовъ позаботиться объ этомъ, а отцы, въ удовлетвореніе ихъ просьбъ, въ народномъ собраніи постановили, чтобъ всѣ желающіе учиться у Пиѳагора юноши собирались въ святилищѣ Аполлона пиѳійскаго, а дѣвушки—во святилищѣ Геры; позднѣе же спеціально для этой цѣли построенъ былъ новый храмъ, посвященный музамъ.

Образовалась ли на самомъ дѣлѣ женская школа при храмѣ Геры, и если да, то кѣмъ и какъ велось тутъ ученіе,—объ этомъ не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній, но мужская школа довольно многолюдная быстро образовалась, скоро расцвѣла и дала богатые плоды. Въ этой школѣ, конечно, на первомъ мѣстѣ стояло обученіе, т. е. преподаваніе различныхъ дисциплинъ отъ элементарныхъ для начинающихъ до спекулятивной философіи включительно, съ музыкою, математикою, физикою, теологіею и политикою въ срединѣ. Но не это было здѣсь самымъ главнымъ и существеннымъ. Дѣло въ томъ, что школа Пиѳагора не была похожа ни на одну изъ нашихъ среднихъ или высшихъ школъ, составляющихся изъ абитуріентовъ, и лишь отчасти была похожа на наши такъ называемыя закрытыя школы съ интернатами. Школа его, названная

Ямблихомъ киновіей, скорѣе похожа была на какой либо изъ католическихъ религіозныхъ орденовъ. Поэтому, здѣсь главнымъ и существеннымъ былъ особый внутренній духъ или нравъ школы, такъ сказать, сердечный пульсъ ея, опредѣлявшійся своеобразнымъ нравственнымъ кодексомъ и выражавшійся въ своеобразномъ строѣ и характерѣ всего поведенія.

Вотъ какія нравственныя заповѣди должны были знать, всегда въ сердцѣ своемъ носить и выполнять ученики Пиѳагоровой школы: 1) должно вѣровать въ Бога, который есть творецъ міра и отецъ всѣхъ существъ, духъ, дающій жизнь всему, единый вѣчный, незыблемый, неизмѣнный, высочайшій, всегда себѣ равный, верховный властитель и вождь всего, всеблагій промыслитель о мірѣ, особенно же о человѣкѣ [1]), и сообразно съ этою вѣрою почитать его, но почитать достойно, именно—не столько жертвами, возліяніями или даже многоглаголивыми прославленіями и моленіями, вообще внѣшними обрядностями культа [2]), сколько внутреннимъ духовнымъ образомъ: самая лучшая жертва Богу—это благочестивое расположеніе духа (θυσία τῷ θεῷ γνόμη ἀγαθή), лучшій храмъ для него—душа благоговѣйная, лучшій жертвенникъ—сердце чистое, не загрязненное грѣхомъ (ψυχῆς ἁγνῆς τοπον οἰκειότερον

---

1) Ἔστι γὰρ ὁ θεὸς εἷς ἀεὶ ἐών, μίνιμος, ἀκίνατος, αὐτὸς ὅμοιος, ἀγεμὼν καὶ ἄρχων ἁπάντων.. Ὁμὲν μὲν θεός εἷς, αὐτὸς δέ οὐχ ὥς τινες ὑπονοοῦσιν, ἐκτὸς τᾶς διακοσμήσιος, ἀλλ' ἐν ἑαυτῷ ὅλος ἐν ὅλῳ τῷ κύκλῳ ἐπισκοπῶν πάσας τὰς γενέσιάς ἐστι, κρᾶσις ἐὼν τῶν ὅλων αἰώνων καὶ ἐργάτας τῶν αὐτοῦ δυναμίων καὶ ἔργων, ἀρχή ἁπάντων, ἕν, ἐν οὐρανῷ φωστὴρ, καὶ πάντων πατὴρ, νοῦς καὶ ψύχωσις τῶν ὅλων, κόλων ἁπάντων κίνασις.

2) Δῶρα καὶ θυσίαι θεόν οὐ τιμῶσι, ἀναθήματα θεὸν οὐ κοσμεῖ, ἀλλα τό ἔνθεον φρόνημα διαρκῶς συνάπτει τῷ θεῷ... Θυηπολία ἀφρόνων πυρός τροφὴ, τὰ δ' αναθήματα ἱεροσύχων χορηγία. Γλώσσαλγος καὶ ἀμαθὴς εὐχόμενος καὶ θύων τὸ θεῖον μιαίνει.

ἐπὶ γῆς οὐκ ἔχει ὁ θεος)[1]; единственно-истинное Богу угодное и благоплодное почитаніе его есть то, когда человѣкъ, имѣя его постоянно въ сердцѣ своемъ, знаетъ и чувствуетъ, что находится всегда въ его присутствіи, предъ его очами, видящими не только всѣ дѣла его, но и всѣ помышленія[2]; другими словами—истинное почитаніе Бога должно состоять не въ ниомъ чемъ, какъ въ дѣятельномъ слѣдованіи, подражаніи и уподобленіи ему[3]. 2) Такое постоянное стремленіе къ внутреннѣйшему общенію и единенію съ Богомъ путемъ духовнаго уподобленія Ему есть сколько первѣйшая обязанность человѣка, столько же естественная и существенная потребность, вытекающая изъ первоначальнаго родства его духовной природы съ Божествомъ (συγγενὴς или ὁμογενὴς ὁ ἄνθρωπος πρὸς τοὺς θεούς). Богъ есть верховная причина и, такъ сказать, живой корень всѣхъ разумныхъ существъ—звѣздныхъ божествъ, демоновъ и душъ человѣческихъ, а потому всѣмъ имъ естественно, а человѣку, кромѣ того, для своего же блага необходимо постоянно стремиться къ нему и всю духовную жизнь свою держать въ тѣсной связи съ этимъ своимъ корнемъ, чтобъ она не завяла и не засохла, какъ вѣтвь, оторванная отъ ствола[4]. Отсюда же само собою слѣдуетъ, что человѣкъ

---

[1]) Καὶ τὸν θεὸν σεβόμεθα κατὰ τρόπον, εἰ τὸν ἐν ἡμῖν νοῦν παρασκευάσαμεν πάσης κακίας ὥσπερ τινὸς κηλῖδος καθαρόν.

[2]) Ἐὰν ἀεὶ μνημονεύῃς, ὅτι ὅπου ἂν ᾖ ἡ ψυχή σου καὶ τὸ σῶμα ἔργον ἀποτελῇ, θεὸς ἐθέστηκεν ἔφορος, ἐν πάσαις σοῦ εὐχαῖς καὶ πράξεσιν, αἰδεσθήσῃ μὲν τοῦ θεωροῦ τὸ ἄληστον, ἕξεις δὲ τὸν θεὸν σύνοικον. Οὐδὲν ἐκφεύγει τὸν θεῖον, τοῦτο γιγνώσκειν τυ δεῖ, αὐτὸς ἐσθ' ἁμῶν ἐπόπτας, ἀδυνατεῖ δέ οὐδέν θεός.

[3]) Jambl. vita Pythag Ἅπ ντα ὅσα περὶ τοῦ πράττειν ἢ μὴ πράττειν διορίζουσι, ἐστόχασται τῆς πρὸς τὸ θεῖον ὁμιλίας, καὶ ἀρχὴ αὕτη ἐστὶ καὶ βίος ἅπας συντέταχται πρὸς τὸ ἀκολουθεῖν τῷ θεῷ.

[4]) Ῥιζωθέντες ἐκ θεοῦ καὶ φυέντες τῆς αὐτῶν ῥιζης ἐχώμεθα, καὶ γὰρ ὕδατος προχοαί, κας τὰ ἄλλα φυτά τῆς γῆς ῥίζης ἀποκοπέντα αὐαίνεται καὶ σήπεται... Ἄνθρωπος πάντων ξῶων σοφώτατος, ἐνεχάραξε γὰρ καὶ ἐπεσημήνατο τὸ θεῖον αὐτὸ τὸ τῶ παντὸς λόγω σύσταμα.

долженъ и самого себя уважать въ этой своей богоподобной природѣ, притомъ не словомъ только и горделивымъ самопревознощеніемъ, а самымъ дѣломъ, т. е. не только не долженъ извращать и искажать порочностію своей духовной природы, но, сохраняя ее чистою, неповрежденною, всячески развивать и усовершать ее для достиженія возможно болѣе близкаго и полнаго богоподобія (πάντων δὲ μάλιστ' αἰσχύνεο σαυτόν, πρῆσσε δὲ ταῦθ' ἅ σε μὴ βλάψει μήτε μετέπειτα ἀνιήσει, καὶ ὅ—τι τοι βελτερόν ἐστι). 3) И это требованіе тѣмъ болѣе неотразимо, что душа человѣческая вѣчна, безсмертна и кратковременная жизнь земная въ бренномъ тѣлѣ дается ей, съ одной стороны, въ наказаніе за грѣхи всѣхъ прежнихъ такихъ жизней, а съ другой—для такого полнаго исправленія, очищенія и усовершенія, послѣ котораго она достигла бы полнаго успокоенія въ вѣчной блаженной чисто-духовной жизни на небѣ, въ мірѣ безплотныхъ духовъ[1]). Изъ этихъ трехъ основныхъ правилъ, или догматовъ естественно вытекаютъ всѣ остальныя главнѣйшія правила нравственности. 4) Если душа по природѣ богоподобна и устремлена къ божественному, то, значитъ, собственно въ тѣлѣ—въ этой темницѣ души, въ этомъ, такъ сказать, курганѣ (σῆμα), насыпанномъ надъ погребенною подъ нимъ душею, лежитъ источникъ всякаго зла—въ его низменныхъ потребностяхъ, влеченіяхъ, страстяхъ. Поэтому, добродѣтельная жизнь возможна лишь подъ условіемъ постояннаго и неослабнаго ограниченія даже потребностей естественныхъ, въ нравственномъ отношеніи безразличныхъ, и всяческаго подавленія влеченій нечистыхъ и порочныхъ, особенно же страстей (διὰ ταῦτα ἀοινία καὶ ὀλιγοσιτία παὶ ὀλιγοὐπνία, δόξης τε καὶ πλούτου καί τῶν ὁμοίων ἀνεπιτήδευτος καταρρόνησις, V, J. p. 74). Въ ѣдѣ, питьѣ, снѣ и во всемъ подобномъ излишекъ прямо или косвенно

---

[1]) Κυριώτατον δέ—ῥύσασθαι καὶ ἐλευθερῶσαι τῶν τοιούτων εἱργμῶν καὶ συνδέσεων τὸν κατεχόμενον ἐκ βρεφῶν νοῦν... Εὐσεβής νόῳ πεφυκώς οὐ πάθας κ' οὐδὲν κακὸν κατθανών, ὄνω το πνεῦμα διαμενεῖ κατ' οὐρανόν,—ἀπῆλθεν ὅθεν ἦλθε γᾶ μὲν εἰς γᾶν. πνεῦμα δ' ἄνω.

ведетъ къ грѣху; во всемъ этомъ мѣра—самое лучшее (μέτρον δ'ἐπί πᾶσιν ἄριστον), потому что въ какой степени невоздержность въ этомъ разслабляетъ и подавляетъ энергію и свободу духа, въ такой же степени *умѣренность* ее возстановляетъ и поднимаетъ [1]); да и въ одеждѣ, домашней обстановкѣ и проч. должна быть наблюдаема мѣра, или средина между двумя крайностями — скаредствомъ и роскошью,—все должно быть опрятно и чисто, но чуждо изысканности, роскоши, щеголь-ства (εἰθίζου δὲ δίαιταν ἔχειν καθάρειον ἄθρυπτον). А это значитъ, что добродѣтель умѣренности и самоограниченія необходима по отношенію ко всѣмъ, такъ называемымъ, внѣшнимъ благамъ, каковы: богатство и все, что за него пріобрѣтается, а также почести, власть и т. п.; благами этими, если они есть, конечно, можно пользоваться во благо свое и другихъ, но къ нимъ пристращаться не слѣдуетъ не потому только, что они ненадежны [2]) но еще болѣе потому, что пристрастіе къ нимъ почти равносильно отреченію отъ добродѣтели и наклоненію къ жизни порочной [3]). 5) При умѣренности желаній, можно быть счастливымъ и не имѣя этихъ благъ, но лишеніе ихъ послѣ обладанія есть уже несчастье. „Многія бѣды смертныхъ родъ постигаютъ и по божьимъ судьбамъ“, но еще больше

---

[1]) Ὅσα πάθη ψυχῆς, τοσοῦτοι καὶ ὑμοί δεσπόται Οὐδεὶς ἐλ ὑθερος ἑαυτοῦ μὴ κρατῶν. Ῥώμη ψυχῆς σωφροσόνη αὕτη γὰρ ψυχῆς ἀπάθοῦς φῶς ἐστι, τεθνάναι δὲ πολλῷ κρεῖττον κρειττον ἤ δι' ἀκρασίας σώματος τὴν ψυχὴν ἀμαυρῶσαι

[2]) Πλοῦτος ἀσθενής ἄγκυρα, δόξα ἔτι ἀσθενεστέρα, τὸ σῶμα ὁμοίως, αἱ ἀρχαὶ, αἱ τιμαὶ, πάντα ταῦτα ἀσθενῆ καὶ αδύνατα. Τινες οὖν ἄγκυραι δυναται,—φρόνησις, μεγαλοψυχία, ἀνδρεῖα. ταῦτας οὐδεὶς χειμών σαλεύει. Οὗτο. θεοῦ νόμος, ἀρετὴν εἶνι τὸ ἰσχυρὸν καὶ βέβαιον μόνον τά δ' ἄλλα λῆρον.

[3]) Φιλήδονον καί φιλοσωματον καὶ φιλοχρήματον καὶ φιλόθεον τὸν αὐτὸν ἀδύνατον εἶναι, ὁ γὰρ φιλήδονος καὶ φιλοδώματος ὁ δέ φιλοσωματος καί φιλοχρήματος, ὁ δε φιλοχρήματος ἐξ ὀνάγκης ἄδικος, ὁ δέ ἄδικος εἰς θεὸς ἀνόσιος, εἰς δὲ ἀνθρώπους παρανομος.

всякихъ невзгодъ люди терпятъ вслѣдствіе своего неумѣнья, неразумія, невѣжества (οἱ μὲν ξένοι ἐν ταῖς ὁδοῖς, οἱ δὲ ἀπαίδευτοι ἐν τοῖς πράγμασι πλανῶνται, οὐθ' οἱ ἀμουσοι τοῖς ὀργάνοις, οὐθ' οἱ ἀπαίδευτοι τῇ εὐτυχίᾳ καὶ ταῖς ἀτυχίαις δύνανται συναρμόσασθαι). Уже это одно можетъ и должно служить для человѣка сильнымъ стимуломъ всяческой заботливости объ образованіи: кто не можетъ самъ до всего додуматься и тому или другому научиться, тому слѣдуетъ учиться у знающихъ [1]). Лучше всего, если ученіе не прекращается на половинѣ дороги, а доходитъ до своего естественнаго конца, заканчивается и завершается философіей—изслѣдованіемъ и познаніемъ истиннаго существа вещей: причинъ, законовъ и взаимоотношеній всего существующаго. Философія не только служитъ источникомъ самаго чистаго наслажденія истиной теоретическаго знанія [2]), но также незамѣнимой помощницей въ достиженіи возможнаго благополучія на землѣ. Она-то, между прочимъ, и говоритъ человѣку, что постигающія его здѣсь бѣды божьими судьбами опредѣлены ему въ наказаніе за грѣхи его прежней жизни для вразумленія и исправленія и учитъ переносить ихъ безъ ропота, съ благодушною покорностію (ὅσσα τε δαιμονίησι τύχαις βροτοὶ ἄλγε' ἔχουσιν. ὧν ἄν μοῖραν ἔχῃς, πράως φέρε, μηδ' ἀγανάκτει, ἰᾶσθαι δὲ πρέπει καθόσον δύνῃ), вообще, внушаетъ самообладаніе и нравственное мужество (ἀνδρεία). 6) Да и вообще она служитъ мудрою на-

---

[1]) Ἀναγκαῖον ἔστι τῷ μὲν ἀνεπιστήμονι μανθάνειν, τῷ δὲ μανθάνοντι προσέχειν τῇ τοῦ ἐπισταμένου τε καὶ διδάξαι δυναμένου ὑπολήψει τε καὶ δόξῃ. καθόλου δὲ εἰπεῖν ἀναγκαῖον τοὺς σωθησομένους τῶν νέων προσέχειν ταῖς τῶν πρεσβυτέρων τε καὶ καλῶς βεβιωκότων ὑπολήψεσι τε καὶ δόξαις.

[2]) Τῶν κατὰ σοφίαν θεωρημάτων ἀπολαυστέον ἐφ' ὅσον οἷόν τε καθάπερ ἀμβροσίας καὶ νέκταρος, ἀκήρατόν τε γάρ τὸ ἀπ' αὐτῶν ἡδὺ καὶ τὸ θεῖον τὸ μεγαλοψυχον δύναταί τὲ ποιεῖν, καὶ εἰ μὴ ἀιδίους ἀιδίων γέ επιστήμονα

ставницею и руководительницею во всемъ поведеніи, во всѣхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, постоянно напоминая, что они должны всегда сообразоваться съ разумомъ, а разуму въ свою очередь внушая память, недремлющій надзоръ и контроль надъ ними (ἄγρυπνος ἔσο κατά νοῦν, ἡνιοχον γνώμην στήσας καθύπερθεν ἀρίσην); философія для правоты нравственной жизни—тоже самое, что медицина для здоровья тѣла[1]). Другими словами, истинная живая философія захватываетъ не одну только теоретическую, но также и практическую или этическую область и раждаетъ, кромѣ теоретической истины, этическую добродѣтель мудрости, или разсудительности[2]). 7) Мудрость же съ своей стороны научаетъ правильному, доброму поведенію не только въ отношеніи самого себя, но также по отношенію къ ближнимъ и такимъ образомъ раждаетъ изъ себя *справедливость* (εἶτα δεκαιοσύνην ἄσκει ἔργῳ τε λόγῳ τε)[3]), которая воспрещаетъ нарушеніе правъ ближняго, причиненіе ему обидъ и непріятностей и предписываетъ уваженіе къ его личности, правамъ и интересамъ, а кромѣ того—такую постоянную правоту въ дѣйствіяхъ и словахъ, которая, будучи для другихъ

---

[1]) Κενὸς ἐικείνου φιλοσόφυ λόγος, ὑφ' οὗ μηδὲν ἀνθρώπου πάθος θεραπεύεται ὥσπερ γὰρ ἰατρικὴς οὐκ ὄφελος μή τὰς νόσους ἐκβαλλοόσης ἀπὸ τῶν σωμάτων, οὕτως οὐδὲ φιλοσοφίας, εἰ μή τὸ τῆς ψυχῆς ἐκβάλλοι.

[2]) Ὁ ἐκ θιλοσοφίας νοῦς ἔοικεν ἡνιόχῳ, περίεστι γὰρ τῶν ἐν ἡμῖν ἐπιθυμιῶν, αεὶ μετάγων αὐτὰς εἰς τὸ καλόν. Ει εὐκτὸν εὐαισθησία, μᾶλλον σπουδαστὸν ἡ φρόνησις, ἔστι γὰρ τοῦ ἐν ἡμῖν πρακτικοῦ νοῦ οἱονεί τις εὐαισθησία, δι' ἣν μέν γάρ ἐν οἷς πάσχομεν οὐ παραισθανόμεθα, δι' ἣν δὲ ἐν οἷς πρᾶττομεν οὐ παραλογιζόμεθα. Φεύγειν μὲν τὸ κακὸν, ἰχνεῦσαι δὲ καὶ ἑλεῖν τὸ πάντων ἄριστον καὶ ἑλόντα αὖ κοινῇ συνοικεῖν τὸν ἐπίλοιμον βίον, τοῦτο δὲ οὐδὲν ἄλλο ἐστὶν ἢ δε ὄντως φιλοσοφεῖν.

[3]) Δοκεῖ μοι τῶν ανδρῶν τάν δικαοσύναν ματέρα τε καὶ τιθαναν τᾶν ἀλλᾶν ἀρετᾶν προσείπὲν, ἄτερ γαρ ταύτας οὔτε σώφρονα, οὔτε ἀνδρῆον, οὔτε φρόνιμον οἷον τέ ἦμεν, ἁρμονία γαρ ἐντι καί εἰράνα τᾶς ὅλας ψυχᾶς μετ' εὐρυθμίας.

извѣстною и несомнѣнною, не требовала бы для своего подтвержденія предъ ними никакихъ особыхъ увѣреній и сама не чувствовала въ этомъ никакой надобности [1]). 8) Но одной справедливости недостаточно въ жизни среди людей: къ болѣе близкимъ изъ нихъ, какъ-то: къ родителямъ, родственникамъ, друзьямъ, а равно къ отличающимся добродѣтелію и доблестію людямъ естественно и обязательно питать любовь, требующую дѣлать гораздо болѣе того, что предписываетъ строгая и холодная справедливость (τούς τε γονεῖς τίμα, τούς τ' ἄγχιστ' ἐκγεγεγαῶτας, τῶν δ' ἄλλων ἀρετῇ ποιεῦ φίλον, ὅστις ἄριστος). Но и ко всѣмъ людямъ, во имя присущаго имъ общаго съ нами человѣческаго достоинства, должно питать благорасположеніе (εὔνοιαν, φιλίαν, φιλανθρωπίαν) [2]), выражаемое и положительно всяческими услугами, и отрицательно—уступчивостію ихъ требованіямъ, даже не вполнѣ справедливымъ, снисходительностію къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ [3]), благодушнымъ перенесеніемъ укоровъ отъ нихъ [4]), непріятностей, даже явныхъ и значительныхъ несправедливостей и обидъ [5]). Такимъ же образомъ, если благочестіе есть начало и какъ бы сѣмя всѣхъ добродѣтелей, то любовь, человѣколюбіе есть завершеніе и спѣлый плодъ ихъ [6]); средину же между этими

---

1) Μή ὀμνύναι θεούς, ἀσκεῖν γὰρ αὐτὸν δεῖν ἀξιόπιστον παρὲχειν.

2) Αλλήλοις ὁμιλεῖν ὡς τούς μὲν φίλους ἐχθρούς μὴ ποιῆσαι, τούς δ'ἐχθρούς φίλους ἐργάσασθαι, καί μελετᾶν ἐν μὲν τῇ πρός τούς πρεσβυτέρους εὐκοσμίᾳ τὴν πρὸς τούς ἄλλους φιλανθρωπίαν.

3) Καὶ θυμοῦ κρατεῖν... ψεῦδος δ' ἤνπερ τι λεγηται,—πρὰως εἶχε.

4) Πραέσι δ' εἶχε λόγοις ἔργοισί τ' ἐπωφελιμοισι, μηδ' ἔχθαιρε φίλον σόν ἁμαρτίδος εἵνεκα μικρῆς. Χαέρειν χρὴ τοῖς ἐλεγχουσιν, οὐ τοῖς κολακεύουσι, οἱ μέν γὰρ ἡμᾶς λυποῦντες διεγείρουσιν, οἵ δέ χαριζόμενοι εκλύουσι καί σκελίζουσι.

5) Τούς ἀδικήσαντας μή πρᾶττε δίκας, ἀρκεῖ γὰρ αὐτᾶς ὑπο τῆς ἰδίας ταπεινοῦσθαι κακίας.

6) Jerocles. comment. in aur. carm Καί ἔστιν ὁ τῆς εὐσεβείας λόγος σπέρμα τῶν ἀγαθῶν ἁπάντων ἡμῖν, ἡ δὲ τῆς φιλίας ἕξις ὁ τ λεώτατος

двумя крайними гранями занимаютъ умѣренность, мужество, справедливость и мудрость [1]). 9) Мудрость, или разсудительность вмѣстѣ со справедливостію опредѣляютъ затѣмъ поведеніе человѣка, какъ гражданина, внушаютъ ему долгъ гражданской доблести, которая для частнаго человѣка, какъ вѣрноподданнаго, заключается въ повиновеніи законамъ (νόμῳ πείθεσθαι — βοηθεῖν, ανομίᾳ πολεμεῖν) и ихъ блюстителямъ, а равно и всѣмъ установленнымъ властямъ (ἄρχοντι πλὴν ἐλευθερίας πάντα εἶκε), для облеченнаго тою или другою должностію—въ неукоснительномъ и точномъ выполненіи соединенныхъ съ должностію обязанностей, для правительства—въ томъ, чтобы оно, трактуя отечество со всѣми его учрежденіями, какъ ввѣренное его попеченію наслѣдство, старалось передать это наслѣдство потомкамъ не въ разоренномъ видѣ, а въ улучшенномъ и пріумноженномъ путемъ сообразнаго съ возможно лучшими законами управленія [2]), а для всѣхъ въ совокупности—въ единомысліи и согласномъ для общаго блага взаимодѣйствіи, потому что въ человѣческомъ мірѣ гармоническая закономѣрность, согласованность всѣхъ частей и элементовъ въ служеніи благобытію всего единаго цѣлаго столь же, если не болѣе еще, необходима, какъ и въ мірѣ физическомъ [3]). 10) Нако-

---

τῶν ἀρετῶν καρπός... Οὕτω καὶ τῆς φιλίας ἀντεχεσθαι δεῖ τοῦτ' ἔστι τῆς φιλανθρωπίας τῆς πρός ἅπαντας, οἱ τοῦ γένους ἡμῖν κοινονοῦσιν.

[1]) Эту шестерицу (а въ соединеніи съ гражданскою доблестію седмерицу добродѣтелей пиѳагорейцы, изъ благоговѣнія къ тетрактису, сводили къ четверицѣ: умѣренность, мужество, мудрость, справедливость; причемъ, въ двѣ послѣднія входили, какъ ихъ виды, благочестіе и человѣколюбіе. См. Ierocl. comm in aur. carm.

[2]) Iabml. vita Pyth. Ἔπειτα ὑπολαμβάνειν αὐτοὺς ἔφη δεῖν, κοινὴν παρακαταθήκην ἔχειν τὴν πατρίδα παρὰ τοῦ πλήθους τῶν πολιτῶν, δεῖν οὖν ταύτην οἰκείαν οὕτως, ὡς μέλλου ι τὴν πιστιν παραδόσιμον τοῖς ἐξ αὐτῶν ποεῖν.

[3]) Stob. Ecl. phys. 13. p. 32. Всѣ члены и части тѣла соединяетъ жизнь, основа которой—душа, всѣ части міра соединяетъ гармонія, основа которой—Богъ, дома и семейства объединяются въ государство единомысліемъ (ὁμόνοια), основа котораго законъ—νόμος. Archyt. fragm. Νόμος ποτ' ἀνθρώπω ψυχάν τε καὶ βίον ὅπερ ἁρμονία ποτ' ακοὰν τὲ καὶ φωνήν

нецъ,—если трудно сдѣлаться хорошимъ (χαλεπὸν ἄνδρα ἀγαθὸν ἁλαθέως γενέσθαι), то не менѣе трудно всегда быть, оставаться таковымъ (χαλεπὸν ἐσθλὸν ἔμμεναι). Поэтому, ставши добродѣтельнымъ, должно утверждаться въ добродѣтели и всячески оберегать ее и отстаивать и предъ другими и предъ самимъ собою. Искушенію отвнѣ подвергается добродѣтель, когда кто либо насъ на зло склоняетъ льстивыми, сладкими рѣчами, или напротивъ суровыми угрозами, ласковыми обѣщаніями и дарами, или напротивъ лишеніями и насиліями: первое слѣдуетъ отвергать съ негодованіемъ, зная, что нѣтъ блага выше добродѣтели, а противъ второго должно вооружаться мужествомъ и рѣшимостію, скорѣе подвергнуться смерти тѣлесной отъ человѣческаго насилія, чѣмъ смерти духовной отъ собственнаго грѣха и преступленія [1]). Искушенію внутреннему добродѣтель подвергается еще чаще отъ присущаго въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ людямъ снисходительнаго отношенія къ себѣ, или пристрастія, все дурное смягчающаго и уменьшающаго, а все хорошее преувеличивающаго. Чтобъ выйти побѣдителемъ изъ такого искушенія, слѣдуетъ возможно чаще, а то и ежедневно подвергать свое поведеніе строгому испытанію и сужденію, которое всегда откроетъ въ немъ такія или иныя погрѣшности, опущенія, недосмотры, если не явные грѣхи, и укажетъ, что слѣдуетъ исправить, что восполнить и довершить [2]). Только такимъ путемъ постояннаго самоисправленія и нравственнаго совершенствованія, не озирающагося назадъ, идущаго все впередъ, впередъ, можно надѣ-

---

[1]) Μηδεὶς μήτε λόγῳ σε παρειπῃ, μήτε τι ἔργῳ πρῆξαι, μηδ' εἰπεῖν, ὅ-τι τοι μὴ βέλτερόν ἐστι. См. комментарій къ этимъ стихамъ Іерокла.

[2]) Μηδ' ὕπνον μαλακοῖσι ἐπ' ὄμμασι προσδέξασθαι πρὶν τῶν ἡμερινῶν ἔργων λογίσασθαι ἕκαστον· τῇ παρέβην; τί ῥεξα; τί μοι δέον οὐκ ἐτελέσθη; ἀρξάμενος δ' ἀπὸ πρώτου ἐπεξιθι. καὶ μετέπειτα δειλὰ μὲν ἐκπρήξας ἐπιπλήσσεο, χρηστὰ δε τέρπευ. Ταῦτα πόνει, ταῦτ' ἐκμελέτα, τούτων χρὴ ἐράν σε, ταῦτά σε τῆς θείης ἀρετῆς εἰς ἴχνια θήσει.

яться достигнуть его конечной цѣли—доходящей до богоподобной нравственной чистоты и полноты. Когда же доведешь ты до этого предѣла свое самовоспитаніе изъ звѣря въ человѣка, изъ человѣка въ Божество (ἐκ θηρίου εἰς ἄνθρωπον, ἐξ ἀνθρώπου εἰς θεον),

Этимъ себя возведешь на стези добродѣтели божьей,
душу свою исцѣлишь отъ скорбей всѣхъ, спасешься,
съ тѣломъ своимъ разлучившись, въ эѳиръ вознесешься свободный,
будешь безсмертенъ какъ богъ, уже смерти и тлѣнію чуждый.

Вотъ какія вѣрованія, убѣжденія, правила Пиѳагоръ внушалъ своимъ ученикамъ, или точнѣе, какъ бы вливалъ со всею теплою жизненностію въ сердца ихъ и прилагалъ всяческія заботы, чтобъ онѣ, обратившись въ ихъ плоть и кровь, были постоянными руководящими нормами, какъ бы сокровенными пружинами всей ихъ духовной жизни.

Съ этими правилами былъ до извѣстной степени сообразованъ и внѣшній порядокъ или строй жизни въ его школѣ—нѣчто похожее на то, что мы называемъ режимомъ, или дисциплиной. Въ школу его могъ поступить всякій желающій, но не всѣ могли оставаться въ ней, такъ сказать, до окончанія курса, а только тѣ, которые выдерживали искусъ, простиравшійся отчасти на умственную сторону испытуемаго,—на степень его любознательности, воспріимчивости, памятливости, старательности и т. п., но главнымъ образомъ на его темпераментъ, склонности, предрасположенія, привычки, словомъ на весь складъ его внутренней духовной жизни. Для нѣкоторыхъ этотъ искусъ продолжался цѣлыхъ три года, и если и послѣ этого кто либо изъ таковыхъ оказывался вносящимъ разладъ въ строй школы, то исключался изъ нея, а въ память его пребыванія здѣсь, говорятъ, насыпался курганчикъ въ знакъ того, что таковой есть умершій не только для школы, но и для самого себя, какъ неспособный вести жизнь истинно-

человѣческую. Тѣ, которые всецѣло отдавали себя школѣ, приносили сюда все, или часть своего имущества, и такимъ образомъ составлялась общая казна, изъ которой всѣ таковые получали полное содержаніе—одежду и продовольствіе за общимъ столомъ; другіе не дѣлали этого и продовольствовались дома. Требовалось, чтобъ тѣ и другіе, въ знакъ принадлежности къ школѣ, носили одинаковую верхнюю бѣлую одежду. Столъ въ сисситіяхъ былъ самый простой, но не для всѣхъ одинаковый: новаціаты, да и всѣ младшіе могли ѣсть рыбу, даже мясо животныхъ,—запрещалось только ѣсть нѣкоторые органы—сердце, печень, утробу и т. п.,—а чѣмъ кто былъ старше и стоялъ на высшей ступени мудрости и добродѣтели, тѣмъ скуднѣе и, такъ сказать, постнѣе была его пища—ячменная похлебка, вареный рисъ, плоды, овощи, соты и т. п.; вино пить всѣмъ было запрещено, даже тѣмъ, которые продовольствовались дома. Порядокъ дневной жизни былъ такой: вставали съ восходомъ солнца и, совершивъ молитву, каждый особнякомъ дѣлалъ прогулку въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ—въ саду, въ рощѣ, чтобъ сосредоточиться духомъ и собраться съ мыслями, а затѣмъ всѣ собирались въ опредѣленномъ мѣстѣ, большею частію около какого нибудь святилища, и начинались утренніе часы ученья. Отъ ученика, въ первые пять лѣтъ требовалось молчаніе, конечно, не въ прямомъ и точномъ смыслѣ полнаго безмолвія, нѣмоты, а въ смыслѣ запрещенія неумѣстнаго совопросничества, прегенціознаго резонерства, и требованія безпрекословнаго повиновенія учителямъ. Послѣ ученія слѣдовали гимнастическія упражненія въ гимназіяхъ и палестрахъ, чаще въ садахъ и рощахъ: одни бѣгали въ перегонку, другіе вступали въ борьбу и кулачный бой, третьи состязались въ бросаніи шаровъ и дисковъ и т. п. Затѣмъ киновиты садились обѣдать по 10 за каждую трапезу, а остальные расходились для того же по домамъ. Послѣ обѣда опять всѣ собирались, и опять шли учебныя

занятія, только болѣе легкія въ сравненіи съ утренними; въ старшихъ классахъ предметомъ ихъ была политика. Въ это же, по всей вѣроятности, время занимались музыкой, которой Пиѳагоръ усвоялъ великое воспитательное значеніе, почему или самъ же и сочинялъ, или тщательно подбиралъ, сообразно съ случаемъ, пьесы такого содержанія и такой композиціи, которыя, по его мнѣнію, наиболѣе способны были оказать желаемое дѣйствіе на душу—утишить печаль и скорбь, успокоить гнѣвъ, охладить страстность, вызвать благоговѣйное умиленіе, мужественное воодушевленіе, теплое состраданіе и т. п. Подъ вечеръ опять совершали прогулку, но уже не по одиночкѣ, а по двое, по трое съ тѣмъ, чтобъ совмѣстно собща съ большею точностію воспроизвести и лучше уяснить себѣ слышанное на урокахъ, или читанное. Послѣ прогулки и омовеній, слѣдовалъ ужинъ, которому предшествовали и за которымъ слѣдовали молитвы, возліянія, куренія, часто музыкальное и вокальное исполненіе лучшихъ избранныхъ пьесъ, а также нравственно-назидательное чтеніе. Позднѣе, уже послѣ смерти Пиѳагора, во время ужиновъ и обѣдовъ въ сисситіяхъ читались, такъ называемые, *„золотые стихи“*, или заповѣди, содержащія вкратцѣ все вѣроученіе и нравоученіе пиѳагореизма, съ тѣмъ, чтобы онѣ никогда не забывались, а все глубже и тверже запечатлѣвались въ сердцахъ его послѣдователей. При всемъ этомъ требовалось и настаивалось, чтобъ всѣ принадлежавшіе къ школѣ жили между собою въ мірѣ, согласіи и любви, трактуя себя взаимно ученики, какъ друзей и братьевъ, а учителей своихъ, какъ отцовъ[1]).

Вдобавокъ къ этому, основатель школы и первый въ ней учитель Пиѳагоръ самъ свою собственную жизнь въ точности

---

[1]) Παραγγέλλον γὰρ ἐκ φιλίας ἀληθηνῆς ἐξαιρεῖν ἀγῶνά τε καὶ φιλονεικίαν, μηδέποτε δὲ ἐξαιρεῖν πίστιν,—φιλίαν μὴ ἀπογιγνώσκειν ατυχίας ἕνεκα ἢ ἄλλης τινός ἀδυναμίας .. καὶ μελετᾶν ἐν μὲν τῇ πρὸς τοὺς πρεσβυτέρους εὐκοσμία τὴν πρὸς τοὺς πατέρας ἔυνοιαν, ἐν δὲ τῇ πρὸς ἄλλους φιλανθρωπία τὴν πρὸς ἀδελφοὺς κοινωνίαν. Iambl. vita Pythag.

согласовалъ со своимъ нравоученіемъ (σύμφονον ἑαυτοῦ τὸν βίον τοῖς λόγοις ἐπιδεικνύων) и въ своей личности служилъ для учениковъ живымъ примѣромъ убѣжденнаго неуклоннаго выполненія его. Въ самомъ дѣлѣ,—это была личность и по своимъ дарованіямъ и по своему неустанному трудолюбію и по всему своему нравственному облику рѣдкая, необыкновенная. Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій по преподаванію въ школѣ и хлопотъ по ея управленію, уменьшившихся лишь послѣ того, какъ были имъ подготовлены хорошіе учителя изъ учениковъ, онъ находилъ еще время работать въ своемъ кабинетѣ, много читать, дѣлать самостоятельныя изслѣдованія и открытія въ области музыки и геометріи, заниматься астрономическими наблюденіями и вычисленіями. По признанію Эмпедокла[1]), который, кажется, нѣкоторое время былъ его ученикомъ, и даже, по созпанію мрачнаго и скептическаго Гераклита[2]), это былъ человѣкъ, превосходившій всѣхъ своею многостороннею ученостію. При этомъ онъ велъ жизнь строгую, почти аскетическую: носилъ онъ, какъ и его ученики, верхнюю одежду бѣлую, даже не шерстяную, а льняную, столовыя и постельныя вещи употреблялъ тоже только льняныя, столъ имѣлъ самый простой и скудный, вина никогда не пилъ, ни мяса, ни рыбы не ѣлъ, употреблялъ лишь одну растительную пищу и то съ крайнею умѣренностію. Отвергая кровавыя жертвы, онъ ежедневно и по нѣсколько разъ совершалъ религіозныя возліянія и куренія и молился, мысленно бесѣдовалъ съ богомъ въ каждую свободную минуту, даже во время ѣды. Будучи строгъ къ самому себѣ, онъ былъ

---

[1]) Онъ, говорятъ, написалъ такую эпитафію Пиѳагору: ἦν δέ τις ἐν κείνοισιν ἀνὴρ περιώσια εἰδὼς, ὃς δέ μήκιστον π απιδων ἐκτήσατο πλοῦτον, παντοίων τε μάλιστα σοφῶν ἐπιήρανος ἔργων, ὁππότε γὰρ πάσαισιν ὀρέξαιτο πραπίδεσσιν ῥεῖα γε τῶν ὄντων πάντων λεύσεσσκεν ἕκαστον, καί τε δέκ᾽ ἀνθρώπων καὶ τ᾽ εἴκοσιν αἰώνεσσι.

[2]) Πυθαγόρης Μνησάρχου ἱστορίην ἤσκησε ἀνθρώπων μάλιστα πὰ των

требовательнъ и взыскательнъ и по отношенію къ ученикамъ, но его строгія внушенія, увѣщанія, наставленія, истекавшія изъ отеческой попечительной любви, были всегда согрѣты такою сердечною теплотою, что еще болѣе привлекали къ нему молодыя сердца. Всѣмъ этимъ онъ производилъ на учениковъ неотразимое обаяніе и пользовался у нихъ почитаніемъ, почти доходившимъ до обожанія; во всѣхъ ихъ недоразумѣніяхъ и спорахъ о теоретической ли истинѣ, или о житейской правдѣ, его слово, отъ него ли самого услышанное, или кѣмъ-либо отъ лица его спорящимъ переданное—αὐτὸς ἔφα имѣло всегда послѣдній рѣшающій, неоспоримый, безапелляціонный авторитетъ. Въ толпѣ же легковѣрной и суевѣрной, мало знавшей его, но много о немъ наслышанной, никакъ не могли допустить, что онъ простой, только лучшій изъ людей, и одни толковали, что это самъ Аполлонъ, если не пиѳійскій, то гиперборейскій, другіе, что это Пэонъ, третьи, что это, вѣроятнѣе всего, одинъ изъ обитающихъ на лунѣ демоновъ, посланный воплотиться и жить среди людей для избавленія ихъ отъ всяческихъ золъ, для наученія ихъ истинѣ и правдѣ и устроенія лучшихъ порядковъ жизни[1]). Неудивительно, поэтому, что изъ учениковъ Пиѳагора нерѣдко образовывались и выходили люди если не совсѣмъ такіе, какъ онъ, то очень на него похожіе,—люди широкаго ума и благороднаго характера, съ большою эрудиціей, съ значительною опытностію, а главное, съ серьезною и превосходною нравственною выправкою, люди годные служить обществу и государству не въ одной только школѣ, но и на другихъ поприщахъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались на своей родинѣ такимъ же почитаніемъ, какое они сами воздавали своему учителю, и прославились какъ мудрые номоѳеты, какъ напр., Харондъ[2]) въ Ка-

[1]) Iambl. vita Pythag. VI. 30.

[2]) Интересно, что Харондъ первую страницу своего законодательства началъ первымъ догматомъ Пиѳагорова вѣроученія и нравоученія: τῶς βουλευ-

ганѣ, Залевкъ[1]) и Тимарисъ у локровъ, Фитій, Θеоклесъ и Алкеонъ въ Регинѣ и др. Уже вскорѣ послѣ появленія пиѳагорейцевъ въ великой Греціи, благодаря ихъ косвенному вліянію, во всѣхъ почти городахъ ея радикально измѣнился политическій бытъ, именно вездѣ были уничтожены тиранніи и замѣнены аристократіей, или демократіей. Еще сильнѣе и прямѣе было вліяніе ихъ въ самой Кротонѣ, такъ сказать, первой по времени столицѣ пиѳагореизма, гдѣ, не безъ прямого ихъ участія, вмѣсто тиранніи, установлено было аристо кратическое правленіе со строгимъ режимомъ на дорическихъ началахъ. Естественно, что они же были тутъ самыми зоркими и ревностными блюстителями этихъ началъ. Но, не любя строгихъ порядковъ, къ какимъ-бы благимъ цѣлямъ они ни клонились, люди обыкновенно не любятъ и тѣхъ, которые прямо или косвенно участвовали во введеніи этихъ порядковъ, или даже сочувственно и одобрительно къ нимъ относятся: считая пиѳагорейцевъ если не главными виновниками, то явными сторонниками этихъ порядковъ, кротонцы рѣшили избавиться отъ своихъ мнимыхъ притѣснителей, и избавились, именно, по одной редакціи разсказа, зажгли со всѣхъ сторонъ

μένως καὶ πράττοντας τί ἀπὸ θεῶν ἄρχεσθαι χρὴ, τὸ γὰρ ἄριστον, ὥσπερ ἀ παροιμία φατί τὸν θεὸν ἥμεν πάντων τουτων. ἔτι δὲ φυλων πράξεων ἀπέχεσθαι καὶ μάλιστα διά τάν προς τὸν θεὸν ξυμβουλίαν, οὐδενος γὰρ ἀδίκου θεόν κοινονεῖν. Εστω δὲ μέγιστον ἀδίκημα θεῶν καταφρόνισις. Stob. Flor. 44. 40.

[1]) Точно такъ и Залевкъ: τούς κατοικοῦντας τὴν πόλιν πάντας πρῶτον πεπεῖσθαι χρὴ καὶ νομζειν θεούς εἶναι, καὶ ἀναβλέποντας εἰς οὐρανον καὶ τὸν κόσμον καὶ ἐν αὐτοῖς διακοσμήσιν καὶ ταξιν, οὐ γάρ τύχης εἶναι δημιούργημα, σεβεσθαι δὲ τούτους καὶ τιμᾶν, ὡς αἰτίους ὄντας ἁπάντων ἡμῖν ἀγα ῶν. Οὐ τιμᾶται θεός ὑπ' ἀνθρώπου φαύλου, οὐδὲ θεραπεύεται δαπάναις οὐδὲ τραγωδιαις τῶν ἀναλισκομὲνων καθάπερ μοχθηρός ἄνθρωπος, ἀλλ' ἀρετῇ καὶ προαιρέσει τῶν καλῶν ἔργων καὶ δικαίων, διὸ ἕκαστον δεῖ εἰς δύναμιν ἀγαθὸν εἶναι καὶ πράξει καὶ προαιρέσει τὸν μέλλοντα ἕσεσθαι θεοφιλῆ... Ὧδ' ἡμῖν παρηγγέλθω, μεμνῆσθαι θεῶν ὡς ὄντων καὶ δικας ἐπιπεμπόντων τοῖς ἀδίκοις. Ibid. 44. 20.

домъ, въ которомъ они въ числѣ сорока собрались для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, такъ что они всѣ тутъ и сгорѣли, за исключеніемъ двухъ вырвавшихся изъ пламени и спасшихся—Архиппа и Лизида, а по другой, менѣе принятой, взвели на нихъ формальное обвиненіе въ разныхъ винахъ и противозаконіяхъ, подкупили ораторовъ и достигли того, что всѣ пиѳагорейцы осуждены были на изгнаніе. Нѣчто подобное, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого случилось и въ другихъ городахъ великой Греціи, потому что бывшіе и тутъ немногіе пиѳагорейцы всѣ покинули Италію и разсѣялись въ разныя стороны. Но пиѳагореизмъ имѣлъ въ себѣ достаточно здоровыхъ элементовъ и внутренней живучести, чтобъ уцѣлѣть отъ этой, постигшей его незаслуженно въ самой юности катастрофы и продолжать свое существованіе такъ долго, какъ ни одна изъ древнихъ философскихъ школъ и доктринъ,—вплоть до нашей эры, да еще пять, если не болѣе вѣковъ нашей эры; въ этомъ отношеніи развѣ только одинъ платонизмъ можетъ съ нимъ поспорить, если не ставить въ счетъ, что и самъ онъ ему многимъ обязанъ. Такъ какъ пиѳагорейская философія въ теоретической части сложилась изъ многихъ и разнородныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ восточныхъ, а кромѣ того состояла изъ многихъ дисциплинъ, то въ этой части или точнѣе частяхъ ея съ теченіемъ времени происходили разныя измѣненія болѣе или менѣе важныя и радикальныя; но мораль ея, представляющая собою какъ-бы одинъ цѣльный монолитъ геніальнаго ума и преисполненнаго любовію къ истинному человѣчеству сердца Пиѳагора, оставалась все время въ главныхъ и существенныхъ чертахъ своихъ все тою-же, неизмѣнною, и она-то главнымъ образомъ служила центромъ притяженія, привлекавшимъ къ себѣ все новыхъ и новыхъ послѣдователей, изъ нея то преимущественно и истекало въ продолженіе столь долгаго времени благотворное, образующее и облагораживающее вліяніе на всѣхъ, кто не просто только знакомился съ нею изъ любопытства, а

умѣль прочувствовать и уразумѣть всю глубину и высоту ея внутренняго смысла и строя.

V) Второе по времени мѣсто въ ряду философовъ, имѣвшихъ значительныя школы, занимаетъ Сократъ. Онъ тоже не внутри пантеона, потому что даже первое поколѣніе его учениковъ не могло-бы вмѣститься здѣсь, не говоря о второмъ, третьемъ и далѣе.

Сократъ родился въ Аѳинахъ—въ столицѣ, или точнѣе, высшемъ центрѣ еллинской образованности, въ послѣдніе годы знаменательной эпохи персидскихъ войнъ, такъ что въ юности былъ свидѣтелемъ высшаго расцвѣта всѣхъ сторонъ греческой жизни и младшимъ современникомъ тѣхъ славныхъ мужей, которые составляли украшеніе и гордость Периклова вѣка. Сынъ ваятеля Софрониска и Фенареты, бывшей въ старости повивальной бабкой, онъ избралъ своимъ призваніемъ соединенное искусство матери и отца, но только примѣнялъ и практиковалъ его въ совсѣмъ иной области—въ сверхчувственной области духа, всячески возбуждая его таинственное, очами не зримое, плодородіе—и неусыпно наблюдая за правильнымъ ходомъ пластическаго формированія всего имъ производимаго. Это искусство, называемое просвѣщеніемъ и образованіемъ, важнѣйшее и труднѣйшее всѣхъ искусствъ, требуетъ наиболѣе серьезной подготовки научной, вообще моральной. Сократъ пріобрѣлъ эту подготовку нѣсколько иначе, чѣмъ большинство предшествовавшихъ ему философовъ: онъ не предпринималъ для этой цѣли никакихъ ученыхъ путешествій ни по далекимъ странамъ Востока, ни даже по близкимъ и сосѣднимъ землямъ и городамъ Еллады, такъ какъ въ это время Аѳины были притягательнымъ центромъ и для обладавшихъ высшимъ образованіемъ и для желавшихъ получить таковое, а кромѣ того сюда же главнымъ образомъ стекались и книжныя сокровища, то онъ всю жизнь прожилъ тутъ безвыѣздно и почти безвыходно; общеніе съ образованнѣйшими людьми, постоянно или только временно жившими

въ столицѣ, внимательное чтеніе и тщательное изученіе лучшихъ произведеній греческой литературы, особенно философской, широкая и зоркая наблюдательность надъ человѣческою жизнію во всѣхъ ея слояхъ, теченіяхъ, формаціяхъ, провѣрка этихъ наблюденій глубокимъ самоиспытаніемъ, тонкимъ и строгимъ анализомъ всего таящагося въ собственномъ духѣ,— вотъ и всѣ тѣ источники, изъ которыхъ черпалъ обладавшій великимъ природнымъ умомъ Сократъ и теоретическія познанія и житейскую мудрость. По достиженіи зрѣлаго возраста, онъ съ полною готовностію, съ примѣрною добросовѣстностію, иногда даже съ опасностію жизни, выполнялъ разныя службы, на которыя его призывали распоряженія властей [1]), но самъ не имѣлъ никакого желанія и не дѣлалъ никогда никакой попытки достигнуть какого-либо оффиціальнаго положенія въ государствѣ, занять такую или иную должность, такъ какъ и прежде всякой пробы предвидѣлъ, а послѣ нѣсколькихъ личныхъ горькихъ опытовъ воочію убѣдился, что, при

---

[1]) Такъ, онъ, въ качествѣ рядового солдата, участвовалъ въ трехъ битвахъ—при Потидеѣ (между 429 и 432 г.), гдѣ спасъ жизнь Алкивіаду, вынесши его раненаго изъ строя на плечахъ своихъ, при Деліѣ (424), гдѣ среди общаго бѣгства одинъ остановился и стоялъ не трогаясь съ мѣста, надѣясь примѣромъ своего безстрашія остановить и другихъ, и при Амфиполисѣ (422). Присутствовалъ онъ и въ сенатѣ и однажды, въ качествѣ эпистата сенаторовъ своей филы Антіохиды по дѣлу о девяти стратегахъ, обвинявшихся за непогребеніе павшихъ воиновъ при Аргенузіяхъ, высказалъ рѣдкое гражданское мужество, рѣшительно возставши противъ общаго требованія осудить всѣхъ этихъ стратеговъ однимъ голосованіемъ. За это риторы готовы были его самого обвинить и отдать подъ стражу, весь сенатъ тоже негодовалъ, шумѣлъ и кричалъ; онъ же, по его словамъ, нимало не смутился, ибо предпочелъ узы и смерть за правду и соблюденіе закона жизни съ неправдою и беззаконіемъ. Такую же стойкость за правду и законъ показалъ Сократъ и другой разъ уже во время террора 30 олигарховъ: онъ одинъ изъ пяти призванныхъ въ круглую палату и назначенныхъ для поимки и доставленія изъ Сахалина нѣкоего Льва, добровольно бѣжавшаго отъ ужасовъ олигархіи,—отказался исполнить это унизительное и противозаконное порученіе, за что, конечно, дорого бы поплатился, вѣроятнѣе всего, самою жизнію, еслибы эта жестокая тиранніи уже въ это время не сознавала своего упадка и безсилія и не предчувствовала своего близкаго конца.

царившемъ во всѣхъ учрежденіяхъ пренебреженіи къ законности и справедливости, служить человѣку неподкупной честности и строгой правды значило вызывать противъ себя общую вражду и вести борьбу со всѣми вмѣстѣ и съ каждымъ порознь. Онъ не хуже насъ зналъ, что одинъ въ полѣ противъ цѣлаго войска—не воинъ и что вступать одному съ нимъ въ борьбу значитъ обречь себя на скорую неминуемую гибель, а равно и то, что избрать иную тактику—пытаться просвѣтить лучшими идеями давно ослѣпшихъ, однако же мнящихъ себя большими умниками, даже прозорливцами, наставить на путь правды привыкшихъ на каждомъ шагу попирать ее и однако себя однихъ считающихъ правыми во всемъ, не исключая и вопіющихъ неправдъ,—означило бы обречь себя на работу столь же тяжкую, безконечную и безцѣльную, какъ Сизифово нескончаемое вскатываніе громаднаго камня на высокую гору, каждый разъ, по достиженіи вершины ея, скатывающагося опять къ самому ея подножію. Иное дѣло—поколѣнье новое, молодое, свѣжее, еще нетронутое зломъ и неправдою жизни; однако, и ему уцѣлѣть, остаться здоровымъ и неиспорченнымъ среди окружающей порчи почти столь же трудно, какъ трудно исправить себя и сдѣлать лучшимъ поколѣнію предшествующему, стоящему теперь у самаго кормила жизни, занимающему самое срединное русло ея теченія. При демократическомъ, близкомъ къ охлократическому, строѣ, жизнь эта похожа не на скрытую подъ землею, незримую для глаза систему ручьевъ и потоковъ, несущихъ тихо, подобно кровеноснымъ сосудамъ организма, чистыя жизнепитательныя воды, а на бурный водоворотъ, который открыто на глазахъ всѣхъ катитъ свои мутныя волны, несетъ въ нихъ и поднимаемую съ собственнаго дна грязь и всякій попадающій въ него отовсюду соръ, и всякаго, близко къ нему подходящаго, окатываетъ брызгами своей грязной пѣны: неустанная борьба всѣхъ изъ-за власти и выгодныхъ мѣстъ, не брезгающая для достиженія цѣли никакими средствами,

иногда даже позорными и преступными, вражда партій, изъ коихъ каждая подкапывается подъ каждую другую всяческими интригами и кознями, уголовные и скандалезные процессы, жалобы, тяжбы, иски всякаго рода, и тутъ же ораторы, чуть ли не болѣе другихъ во всемъ этомъ заинтересованные и потому меньше всего заботящіеся о правдѣ и законности, когда нужно, явныя преступленія и неправды краснорѣчиво защищающіе и обѣляющіе, а правду, невинность, даже доблесть отрицающіе, искажающіе и обвиняющіе,—и все это на виду у всѣхъ шумитъ и бурлитъ въ этомъ водоворотѣ, или пеклѣ жизни. Все это такъ не поучительно, а юность такъ любопытна, такъ чутка и воспріимчива ко всему происходящему въ окружающей средѣ... [1]) Кто могъ-бы это прекрасное чистое юношество охранить отъ зараженія, порчи, развращенія, наставляя его на лучшій путь добра и правды и ведя его по этому пути мощною и твердою рукою? Ужъ не софисты ли, изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ Еллады пріѣзжавшіе въ Аѳины, поселявшіеся здѣсь часто на всю жизнь въ качествѣ учителей или профессоровъ и наживавшіе здѣсь на этой профессіи иногда очень значительныя состоянія? Эти люди могли быть и были не дурными, иногда даже очень опытными и искусными обучателями разнымъ спеціальнымъ

---

[1]) Въ народномъ ли собраніи, въ судилищахъ, въ военномъ лагерѣ,—вездѣ, говоритъ Платонъ, всегда обыкновенно съ великимъ шумомъ одно восхваляется, другое порицается и осуждается, причемъ то и другое сопровождается или криками негодованія, или рукоплесканіями, въ знакъ одобренія, словно въ театрѣ. Въ такихъ сборищахъ чему доброму можетъ научиться юноша, и какое частное воспитаніе можетъ быть настолько сильнымъ и твердымъ, чтобы этотъ бурный потокъ похвалъ и порицаній не вовлекъ всю его душу въ свое теченіе? Развѣ можно ожидать, что питомецъ не станетъ называть похвальнымъ и постыднымъ оже самое, что они, что онъ не станетъ заниматься тѣмъ же, чѣмъ они, не сдѣлается во всемъ такимъ же, какъ они? Госуд. VI, 402. Когда, вдобавокъ, къ дурному темпераменту, окружающая общественная среда дурна, когда государственныя учрежденія плохи, а органы ихъ и того хуже, да еще говорятся приватно и публично дурныя рѣчи, а между тѣмъ никѣмъ не принимается заботы о хорошемъ воспитаніи и образованіи, тогда людямъ приходится быть дурными по тѣмъ причинамъ, которыя отъ ихъ воли совсѣмъ и не зависятъ. Тимэй p. 87, 13.

дисциплинамъ, искусствамъ, умѣньямъ (какъ то,—гимнастикѣ, фехтованью, стратегикѣ, грамматикѣ и лингвистикѣ, политикѣ или юриспруденціи, въ смыслѣ знанія криминалистической, тяжебной и канцелярской техники,—риторикѣ или ораторству—въ смыслѣ умѣнья краснорѣчиво и убѣдительно доказывать всякое положеніе, независимо отъ степени его истинности, даже этикѣ въ смыслѣ знанія существующихъ обычаевъ, принятыхъ въ обществѣ приличій и перечня въ извѣстномъ порядкѣ правилъ поведенія), но они не могли быть и не были учителями, наставниками, воспитателями въ высшемъ истинномъ смыслѣ больше всего потому, что для этого они не имѣли ни призванія, ни надлежащей подготовки, но отчасти также и потому, что имъ, какъ людямъ чужимъ пришлымъ не была въ желаемой степени внутренне близка и дорога нравственная участь обучаемыхъ. Они должны были сами зорко присматриваться и приноравливаться къ господствующему тону и характеру столичной жизни, къ ея порядкамъ и пружинамъ, къ нравамъ, воззрѣніямъ, житейской тактикѣ господствующихъ и богатыхъ классовъ столичнаго общества, а затѣмъ главныя заботы на то полагать, чтобъ ко всему и ко всѣмъ, особенно же къ сильнымъ и властнымъ, примѣниться, никого противъ себя не возстановить, всѣмъ, напротивъ, всячески угодить, всѣхъ къ себѣ найлучше расположить[1]). А потому, если справедливо, что они своимъ уче-

[1]) Наемные учители, говоритъ Платонъ, называемые софистами, могутъ преподавать и преподаютъ лишь ученіе толпы, какъ оно выражается въ рѣчахъ, произносимыхъ въ ея собраніяхъ, и это ученіе ихъ похоже на то, какъ еслибы кто изучалъ наклонности и пожеланія огромнаго и сильнаго откормленнаго звѣря, чтобъ знать, какъ подходить къ нему и прикасаться, когда и отъ чего онъ бываетъ раздражителенъ и кротокъ, какіе въ томъ и другомъ состояніи издаетъ звуки, отъ какихъ звуковъ и словъ самъ онъ становится кротокъ, или, напротивъ, свирѣпѣетъ,—изучивъ же все это чрезъ обхожденіе съ нимъ и долгій опытъ, назвалъ бы свое знаніе мудростію, составилъ бы руководство къ нему и сталъ преподавать его въ школѣ Понятно, что такой учитель вовсе не могъ бы знать, что въ этихъ расположеніяхъ, желаніяхъ, требованіяхъ похвально или

никамъ—сыновьямъ большею частію богатыхъ и знатныхъ родителей ничего больше не сообщали, кромѣ чисто-внѣшней выучки, выправки и полировки, то за это ихъ строго винить нельзя тѣмъ болѣе, что иныхъ высшихъ требованій къ нимъ никто и не предъявлялъ, имъ же самимъ задаваться серьезно такими требованіями было совсѣмъ нерасчетливо, пожалуй, даже не безопасно. Такимъ-то образомъ въ столицѣ государства оставалось не занятымъ лишь одно мѣсто, котораго, повидимому, никто не желалъ и не искалъ,—мѣсто учителя и воспитателя юношества, и Сократъ рѣшился занять его безъ всякаго со стороны предложенія, безъ оффиціальнаго свыше разрѣшенія, или опредѣленія, но за то и безъ всякаго вознагражденія не только государственнаго, но и частнаго. Трудны были первые шаги его на этомъ поприщѣ: недовѣріе и недоумѣніе, если не что-либо худшее повсюду встрѣчало его, но онъ, слѣдуя внушенію своего добраго генія, не унывалъ, шелъ бодро впередъ и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что самъ ничуть не ошибся, а какъ-разъ угадалъ и нашелъ свое истинное призваніе, что трудится не даромъ, дѣлаетъ дѣло не пустое, а великое и важное. Когда же и дельфійскій оракулъ признавъ его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ эллиновъ, тѣмъ самымъ одобрилъ и освятилъ его дѣятельность, онъ послѣ этого уже ни на минуту не сомнѣвался въ ея обязательности для себя и благотворности для другихъ и отдавался ей съ еще большимъ рвеніемъ, дошедшимъ, наконецъ, до полнаго забвенія о собственномъ домѣ, семействѣ, о скудости своихъ

постыдно, что въ нихъ хорошо или дурно, что справедливо и несправедливо такъ какъ все это онъ опредѣлялъ бы лишь мнѣніями этого огромнаго животнаго, признавая добрымъ всегда лишь то, что ему найболѣе пріятно, и зломъ, то, что ему больше всего не нравится и его злитъ.. А между тѣмъ, не много нужно ума, чтобъ знать, что толпа вся не бываетъ и не можетъ быть философствующею, посему на судъ и мнѣнія ея можетъ полагаться развѣ тотъ, кого заставляетъ самая крайняя, такъ называемая, Діомедова необходимость... Госуд. 493 А—Д. Подобнымъ образомъ выражается Платонъ о софистахъ и ихъ ученіи и въ Горгіѣ—р. 518. 522.

жизненныхъ средствъ, обо всѣхъ вообще своихъ личныхъ потребностяхъ и интересахъ. Придя постепенно къ тому убѣжденію, что въ ней онъ и несетъ самую важную службу государству тѣмъ, что, работая надъ умственнымъ развитіемъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ учениковъ, приготовляетъ этимъ изъ нихъ добрыхъ, честныхъ, полезныхъ гражданъ и будущихъ слугъ государства, и совершаетъ угодное служеніе Богу, такъ какъ духовное совершенствованіе себя и другихъ есть вѣрнѣйшій путь приближенія къ Божеству и уподобленія ему,—онъ ни на одинъ день, даже часъ не пріостанавливалъ этого своего высокаго и священнаго служенія: ежедневно съ зарею онъ появлялся то на площадяхъ и гульбищахъ, то въ садахъ и рощахъ, то въ гимназіяхъ и палестрахъ, то въ мастерскихъ и харчевняхъ, словомъ вездѣ, гдѣ, полагалъ онъ, ждутъ его желающіе его слушать, съ нимъ бесѣдовать, безъ различія возраста, званія, состоянія, національности, возвращался же домой почти всегда уже позднимъ вечеромъ. И ничто уже не въ силахъ было оторвать его и отвратить отъ этого служенія: одинъ изъ 30 представителей страшной олигархической тиранніи Критій вызвалъ было его однажды къ себѣ для объясненій и, подъ угрозой наказанія, потребовалъ прекратить учительствованіе, но онъ этимъ нисколько не смутился и по прежнему продолжалъ свое дѣло, и только сталъ осторожнѣе выражаться по жгучимъ и щекотливымъ вопросамъ дня; да и предъ цѣлымъ собраніемъ суда, надѣявшагося, что онъ, для избѣжанія осужденія, отречется отъ своего дѣла и пообѣщаетъ совсѣмъ прекратить его, онъ, вмѣсто отреченія, вотъ что сказалъ „я питаю къ вамъ, судьи, самую полную любовь и преданность, но повиноваться я долженъ Богу больше, чѣмъ вамъ, а потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и учить добродѣтели, ибо такова воля Божія,—лучше уже умереть и не одинъ, а много разъ, чѣмъ поступить иначе. Нѣтъ и не можетъ быть болѣе глубокаго убѣжденія въ правотѣ дѣла и болѣе

твердаго исповѣданія вѣры, чѣмъ то, котораго не въ состояніи ни сломить, ни даже поколебать сама смерть".

Когда молва объ учительствѣ Сократа распространилась между аѳинянами, то чуть ли не большинство ихъ, и уже навѣрное почти всѣ юноши стали притекать къ нему и вступать съ нимъ въ бесѣду. Однако, далеко не всѣ приходившіе оставались на болѣе или менѣе продолжительное время постоянными его собесѣдниками, или учениками, а только тѣ, которые, такъ сказать, выдерживали предварительное испытаніе. На этомъ испытаніи Сократъ прежде всего вывѣдывалъ, чего собственно хочетъ и ищетъ каждый къ нему обращающійся, и если оказывалось, что тотъ или другой ищетъ какого-либо спеціальнаго и профессіональнаго обученія, то такого онъ тотчасъ отсылалъ къ такому или иному лицу, занимающемуся искомымъ обученіемъ (Memorab. IV, 7. 1), оставлялъ же при себѣ лишь тѣхъ, которые выражали и фактически доказывали искреннее желаніе быть философами въ классическомъ смыслѣ слова, т. е. тѣ, у которыхъ главною и существенною была забота о возможно полномъ развитіи ума и возможно лучшемъ образованіи сердца, или нрава. Съ такими онъ начиналъ ученіе, но и этихъ онъ ничѣмъ не стѣснялъ: приходили они къ нему, когда была охота и досугъ, оставались его учениками столько времени, сколько хотѣли, могли покинуть его, когда вздумается. Показаніе Ксенофонта на первыхъ же страницахъ его воспоминаній, будто Сократъ на своихъ урокахъ, или въ бесѣдахъ совсѣмъ обходилъ науку, и философію и занимался лишь одними практическими вопросами, слѣдуетъ принимать съ большими ограниченіями, тѣмъ болѣе, что у того же Ксенофонта самъ Сократъ о себѣ и о своей школѣ говоритъ совсѣмъ противное: „да и тѣ сокровища, которыя древнѣйшіе мудрые мужи оставили намъ въ наслѣдство въ своихъ книгахъ, я разворачиваю и вмѣстѣ съ моими друзьями, т. е. съ учениками перечитываю и разбираю (καί τοὺς θησαυροὺς τῶν πάλαι σοφῶν

ἀνδρῶν, οὓς ἐκεῖνοι κατέλιπον ἐν βιβλίοις γράψαντες, ἀνελίττων κοινῇ σύν τοῖς φίλοις διέρχομαι). Что это за книги,—намъ тоже извѣстно,—это—лучшія произведенія извѣстнѣйшихъ поэтовъ, ораторовъ или политиковъ (Apolog. 24. 25), но, конечно, главнымъ образомъ произведенія философовъ (Phaed. 96-98). Можно думать только, что Сократъ и при изученіи философіи съ учениками выдвигалъ на первый планъ не теоретическій и спекулятивный, а практическій или этическій въ ней элементъ: главное, что имѣлъ онъ въ виду при чтеніи и разборѣ философской-ли-то, или другой книги, это извлечь изъ нея то доброе и цѣнное, которымъ можно и должно воспользоваться для собственнаго нравственнаго улучшенія (καί ἄν τι ὁρῶμεν ἀγαθόν, ἐκλεγόμεθα καί μέγα νομίζομεν κέρδος, ἐάν ἀλλήλοις ὠφέλμαος γιγνώμεθα, Memorab. 1, 6, 14). Этика же, которую Сократъ составилъ себѣ частію путемъ чтенія, а гораздо больше путемъ собственнаго размышленія и изслѣдованія и которою онъ наставлялъ учениковъ своихъ, можетъ быть представлена въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ:

1) Не для одного только сердца человѣческаго составляетъ существенную потребность вѣровать въ Бога—существо абсолютное, совершеннѣйшее, но и для разума составляетъ философскую необходимость признавать бытіе такого существа. Что не служитъ никакой цѣли, или никакому и ничьему благу, то, пожалуй, еще можно было-бы разсматривать какъ слѣдствіе простого случая, но что явно сообразовано съ опредѣленною цѣлію и служитъ извѣстному благу, то должно быть разсматриваемо уже какъ результатъ мыслящаго предусмотрѣнія (γνώμης), ибо какъ немыслимо, чтобъ въ нашихъ дѣйствіяхъ выходило что-либо толковое и дѣльное безъ опредѣленнаго намѣренія и знанія средствъ его выполненія, такъ и вообще это немыслимо и невозможно. На этомъ основаніи никто здравомыслящій не сочтетъ дѣломъ чистаго случая ни поэмы Гомера, ни дифирамбическія пѣсни

Меланиппода, ни трагедіи Софокла, ни статуи Поликлета, ни картины Зевксиса, напротивъ, всѣ эти вещи служатъ предметомъ всеобщаго восхищенія и удивленія именно какъ глубоко-обдуманныя и тщательно выполненныя произведенія геніальнаго человѣческаго ума. Но въ мірѣ даже поверхностное наблюденіе открываетъ гораздо еще болѣе обдуманную, планомѣрную и искусную обработку веществъ, чѣмъ человѣческія статуи или картины, а кромѣ того находитъ въ немъ неподражаемые ни для какого человѣческаго искусства, дивно устроенные, организмы живыхъ существъ, которымъ вдобавокъ все напередъ заготовлено для ихъ существованія, наконецъ, находитъ дивное, никоимъ образомъ изъ однихъ чистофизическихъ силъ и причинъ непзъяснимое существо человѣческаго разумнаго духа;—не признавать всѣми силами ума причиной всего этого верховнаго всеобъемлющаго Божественнаго разума значило-бы ни болѣе ни менѣе, какъ отречься отъ самыхъ основныхъ началъ мышленія, а вмѣстѣ съ ними и отъ самаго разума [3]). Правда, Божество недоступно нашему чувственному воспріятію и созерцанію, но и собственная душа наша—точно также, изъ чего однако никто здравомыслящій не дѣлаетъ заключенія, что души у насъ нѣтъ совсѣмъ, такъ какъ мы ея не видимъ и видѣть не можемъ. Божество должно быть мыслимо именно какъ совершеннѣйшій духъ и отношеніе его къ міру—по аналогіи дѣйствія нашей души въ тѣлѣ: какъ душа наша, обладающая разумомъ, рас-

---

[3]) Ксенофонтъ, утверждая, что Сократъ отстранялъ отъ себя всякіе метафизическіе вопросы и изслѣдованія, какъ будто не подозрѣваетъ, что записанныя имъ двѣ довольно длинныя бесѣды (Memor. 1, 4; IV, 3), изъ которыхъ мы извлекли эти главныя положенія, представляютъ собою первый въ исторіи философіи опытъ цѣльнаго, стройнаго и даже на фактахъ обоснованнаго, такъ называемаго, теологическаго доказательства бытія Божія. Позднѣйшія доказательства такого же рода, наприм., Самуила Кларка (a demonstration of the being and attributes of God.), или Еп. Буттлера (Analogie of religion to the constitution and course of nature) только фактами обильнѣе, но по существу нисколько не выше этого перваго опыта.

поряжается и управляетъ всѣми движеніями тѣла, такъ и божественный разумъ въ созданномъ имъ мірѣ всѣмъ распоряжается, съ тѣмъ лишь различіемъ, что если нашъ глазъ не способенъ ясно различать предметы уже на разстояніи нѣсколькихъ стадій, то Божество обозрѣваетъ сразу всю вселенную, и если мы не можемъ дѣлать двухъ дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ, то Божество во всѣхъ мѣстахъ вселенной одновременно присутствуетъ, все зритъ, все слышитъ, обо всемъ печется (τὸ θεῖον τοσοῦτον καί τοιοῦτόν ἐστι ὡσθ' ἅμα πάντα ὁρᾷν, καί πάντα ἀκούειν, καί πανταχοῦ παρεῖναι, καί ἅμα πάντων ἐπιμελεῖσθαι).

2) Послѣ того, какъ познаніе міра осмыслено признаніемъ въ Божествѣ его творца и промыслителя, философское любомудріе должно сосредоточиться на человѣческомъ духѣ и во имя повиновенія заповѣди дельфійской надписи (Memor. IV, 2), и въ силу логической послѣдовательности, и въ силу неотвратимой нравственной потребности и чрезвычайной важности; тщательнѣе всего прочаго философъ долженъ изслѣдовать, что такое есть самъ онъ, вообще человѣкъ,—звѣрь ли это есть стольже, если не болѣе, многосложный и яростный, какъ Тифонъ, или же это есть существо гораздо болѣе простое, кроткое, ручное и содержащее въ себѣ нѣкую долю божественнаго (Phaedr. 230, A). Это изслѣдованіе откроетъ въ человѣческой природѣ и то и другое, именно,—божественное откроетъ въ томъ самомъ разумномъ и безсмертномъ духѣ человѣческомъ (Memor. IV, 3, 14), который, именно благодаря своему родству съ Божествомъ, повсюду—во всѣхъ странахъ и націяхъ признаетъ его, вѣруетъ въ него и почитаетъ его,—откроетъ тѣмъ болѣе, что тутъ же въ глубинѣ этого духа найдетъ нѣкіе такіе самоочевидные неописанные законы (ἄγραφα δόγματα) [1]), которые невольно всѣми

[1]) Это признаніе, начертанныхъ въ духѣ, написанныхъ божественныхъ законовъ не ново. Его могъ Сократъ вычитать у Архата пивагорейца (πονηρῶν ἀθέων νόμοις νόμοι θεῶν ἄγραφοι ἀντινομζόμενοι πονηρὰν μοι-

людьми признаются и которые поэтому никоимъ образомъ не могутъ быть приняты за плодъ человѣческаго измѣнчиваго соглашенія и установленія, подобно законамъ писаннымъ—гражданскимъ, но должны быть признаваемы и принимаемы какъ божественные, самимъ Богомъ изначала начертанные и выражающіе сколько волю Божества, столько же и внутреннюю природу, сокровенный укладъ самого духа нашего или, точнѣе, нравственнаго разума,—вдобавокъ такіе, за нарушеніе которыхъ всегда и необходимо слѣдуетъ естественное наказаніе (Memor. 14, 4). Эти два положенія, взятыя вмѣстѣ и въ связи, составляютъ краеугольный камень, на которомъ можетъ быть твердо обоснована и прямо построена вся нравственная жизнь человѣка. Божественное происхожденіе нравственнаго закона сообщаетъ ему метафизическій абсолютный, непреложный авторитетъ. Прирожденность его человѣческому разуму обусловливаетъ его внутреннюю психологическую обязательность и вмѣстѣ удобоисполнимость, ибо что разумъ извлекаетъ изъ самаго себя, какъ свое собственное убѣжденное требованіе, то ео ipso онъ необходимо долженъ признавать для себя не только обязательнымъ, но и исполнимымъ: развѣ возможно, спрашиваетъ Сократъ, чтобъ кто-либо, бывъ убѣжденъ, что такъ-то слѣдуетъ поступать, въ то же самое время думалъ, что не слѣдуетъ такъ поступать и поступалъ-бы совсѣмъ иначе (εἰδότας δὲ ἃ δεῖ ποιεῖν οἴει τινὰς οἴεσθαι δεῖν μὴ ποιεῖν ταῦτα; οἶδας δέ τίνας ἄλλα

ραν καὶ ζαμίαν, τῷ μὴ πειθομένῳ διδόντες—πατέρες καὶ ἀγεμόνες τῶν γεγραμμένων νόμων καὶ δογμάτων ἀνθρώποις τεθέντων. Fragm. philos I. 559), который считаетъ эти законы прародителями и регуляторами всѣхъ писанныхъ человѣческихъ законодательствъ, а еще ближе у Софокла, который объ этихъ написанныхъ законахъ (νόμοι ἄγραπτοι, νόμιμα ἄγραπτα), говоритъ, что они не сегодня и не вчера стали извѣстны, но всегда были, неизвѣстно откуда произойдя (οὐδεὶς οἶδεν ἐξ ὅτου φάνη), но вѣроятнѣе всего—изъ небеснаго эѳира, или изъ Олимпа, т. е. отъ Бога, почему они не могутъ ни исчезнуть, ни быть отмѣнены, ни забыты. Antig. 455 и Oedip. R. 863.

ποιοῦντας ἢ ἃ οἴονται δεῖν; Memor. IV 6)? Это, очевидно, почти тоже самое, что Кантовскій категорическій императивъ, который гласитъ: коль скоро твой разумъ признаетъ что-либо за свой естественный законъ, то и дѣлать ты это долженъ безусловно, а если долженъ, то и можешь. Наконецъ, богоподобіе и безсмертіе человѣческаго духа (Memor. 1, 2, 53) тутъ тѣмъ важно, что отстраняетъ всякое сомнѣніе въ цѣлесообразности и благоплодности нравственнаго подвига, оживляетъ и облегчаетъ его присоединеніемъ надежды и упованія на достиженіе въ вѣчности того, что не достигнуто въ земной жизни (Phaed. 84. 107 и дал.). Изъ этихъ двухъ основоположеній естественно затѣмъ вытекаютъ всѣ главнѣйшія заповѣди неписаннаго божественнаго закона, т. е. истинно-нравственныя обязанности.

3) Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ заповѣдь благочестія, или обязанность, вслѣдъ за вѣрою въ Бога, почитать его достойнымъ образомъ (Memor. 1, 4, 16). Съ двухъ сторонъ одинаково и равномѣрно требуется, чтобъ богопочитаніе выражаемо было, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе внутреннимъ благочестіемъ, чѣмъ совершеніемъ внѣшнихъ обрядностей, ибо, съ одной стороны, Божество, будучи вездѣсущимъ и всевѣдущимъ, зритъ всѣ дѣла наши и оцѣниваетъ ихъ не столько по внѣшности, сколько по сокровеннымъ помышленіямъ и расположеніямъ сердца (Memor. 1, 2, 19), а съ другой, и нашъ разумъ усвояетъ истинную цѣну лишь тому, что истекаетъ изъ его духовной богоподобной природы, ее выражаетъ и осуществляетъ. Короче,—истинное богопочитаніе, или благочестіе, можетъ состоять не въ иномъ чемъ, какъ въ дѣятельномъ непрерывномъ воздѣлываніи и развитіи всѣхъ лучшихъ задатковъ нашего богоподобнаго духа, или, что тоже, въ дѣятельномъ подражаніи Божеству, въ богоуподобленіи. Можно, конечно, даже должно чествовать Божество и внѣшнимъ образомъ жертвоприношеніями и другими обрядами культа, (καθάπαξ δ'

ἔρδειν ἱερ' ἀθανάτοισι θεοῖσι), но не слѣдуетъ забывать, что достоинство такого богопочтенія опредѣляется всецѣло соединяемымъ съ нимъ внутреннимъ расположеніемъ духа и что Божеству самыя малыя и бѣдныя жертвы отъ добрыхъ угодны, отъ злыхъ же самыя богатыя не угодны (Mem. 1, 3).

4) Но въ человѣкѣ, кромѣ божественнаго, есть и нѣчто такое Тифоновское, заключающееся въ его низшей тѣлесной природѣ, которое на всякомъ шагу тормозитъ, затрудняетъ духовное совершенствованіе (Memor. 1, 2, 20—23). Поэтому, разумъ предписываетъ такую энергическую, неослабную борьбу съ этимъ врагомъ, которая должна непремѣнно кончиться полнымъ подчиненіемъ его своей власти. Это—добродѣтель самоограниченія, или воздержанія (ἐγκράτεια), точнѣе, полнаго нравственнаго самообладанія, полной свободы духа для себя и полнаго господства надъ тѣломъ. Эта добродѣтель—краеугольный камень нравственности (τὴν ἐγκράτειαν ἀρετῆς εἶναι κρηπῖδα), важная и для всякаго человѣка при исполненіи всякихъ обязанностей и порученій (Mem. 1, 5), особенно же для несущаго государственную службу (Mem. 11, 1), тѣмъ болѣе необходима для философа, такъ какъ она только можетъ дать ему ту полную свободу духа, при которой ему гораздо легче отдаваться всецѣло философіи, т. е. неустанному исканію истины и добра (Mem. IV, 5). Впрочемъ, истинный философъ ставитъ себѣ еще болѣе высокія требованія: для него мало ограничивать только всячески плотскія пожеланія,—онъ хочетъ совсѣмъ отъ нихъ очиститься, подавляя и какъ-бы совсѣмъ умерщвляя ихъ, такъ что вся жизнь его есть какъ-бы непрерывное умираніе для тѣла и всего тѣлеснаго ради болѣе полной жизни духомъ для Бога и въ Богѣ (Phaed. 69. C; 64 A).

5) Изъ всѣхъ этихъ положеній, взятыхъ вмѣстѣ, вытекаетъ и то, какимъ должно быть поведеніе человѣка по отношенію къ ближнимъ. Тѣмъ, которые, давши намъ жизнь, денно и нощно во время перваго дѣтства и болѣзней бодр-

ствовали надъ сохраненіемъ ея, а потомъ неклись о первомъ нашемъ воспитаніи, съ забвеніемъ о самихъ себѣ удовлетворяли всѣ наши жизненныя потребности—нашимъ отцамъ и того болѣе матерямъ должно оказывать, кромѣ любви, еще почитаніе и повиновеніе (Mem. 11, 2); братья и сестры должны любить другъ друга и жить въ такомъ тѣсномъ союзѣ взаимопомощи и услужливости, какъ два глаза и уха, двѣ руки и ноги (Mem. II, 3). Да и по отношенію ко всѣмъ неродным поведеніе наше должно управляться не одною только справедливостію, запрещающею правонарушенія и обиды (IV, 4), но также должно быть чуждо завистливости (III, 9, 8) и фальшивости (II, 6, 36), основано на сочувствіи и благорасположенности (II, 7 и 8), полно снисходительности, предпочитающей полученіе обидъ нанесенію ихъ, или мщенію (Crit. 48, 49) и предупредительной услужливости, которая раньше или позже, въ такой или иной мѣрѣ обратно къ намъ возвратится, намъ взаимно оказана будетъ (II, 5, 6). Такъ слѣдуетъ поступать человѣку частному, но не иначе и облеченному въ государствѣ тою или иною властію: не удивительно, что Периклъ пріобрѣлъ всеобщее расположеніе народа, съ ногъ до головы какъ бы обвѣсивъ его всяческими благодѣяніями своего мудраго управленія; того же самого можетъ достигнуть и всякій правитель, но не иначе, а только точно такимъ же способомъ (II, 6); напротивъ, когда граждане подвергаются всякимъ притѣсненіямъ, несправедливымъ преслѣдованіямъ и за неумѣнье сносить ихъ цѣлыми сотнями истребляются, какъ это было во время правленія 30, то это явный знакъ небрежности и негодности правителей, которая, конечно, гораздо преступнѣе, чѣмъ небрежность пастуха, не умѣющаго сберечь въ цѣлости ввѣренное ему стадо (1, 2, 32). Въ человѣческомъ общежитіи есть, съ одной стороны, нѣчто, влекущее людей къ единенію и любви—это общность духовной природы и безсиліе каждаго особо самому удовлетворить всѣ свои потребности, необходимость сторонняго вспомоществованія, а съ

другой, есть нѣчто и разъединяющее—это стоящее почти у всѣхъ на первомъ планѣ исканіе тѣхъ внѣшнихъ благъ, которыхъ не хватаетъ для всѣхъ ни въ избыткѣ, ни даже въ достаточномъ количествѣ, и вотъ изъ-за нихъ то возникаетъ зависть, вражда, соперничество, борьба (II, 6, 21). Слѣдуетъ только уразумѣть людямъ всю нравственную ничтожность или по крайней мѣрѣ малоцѣнность этихъ благъ, чтобъ эта вражда и борьба уступила мѣсто миру, согласію, взаимному благорасположенію.

6) Но вся бѣда въ томъ, что люди никакъ не хотятъ этого уразумѣть и понять, что истинное благополучіе достигается не случайной удачей въ достиженіи возможно-большаго количества этихъ благъ (εὐτυχία), а единственно только добрымъ нравственнымъ поступаніемъ εὐπραξία (III, 9, 14), что истинныя блага не отъ случая зависятъ, а совмѣстно отъ нашей доброй воли и отъ Бога, который всегда готовъ намъ давать ихъ, но не иначе, какъ за нравственный подвигъ и добродѣтель (τῶν πόνων πωλοῦσι ἡμῖν πάντα τἀγάθ' οἱ θεοὶ II, 1, 20; 6, 39), и вотъ почему они большею частію и несчастны и дурны, дурны, конечно, больше невольно по невѣдѣнію (ἄκοντες ἄδικοι), ибо едвали можно допустить, чтобъ кто-либо, зная истинное благо, предпочиталъ ему мнимое, ложное и, отдаваясь всецѣло исканію его, становился бы отъ этого самого и злымъ намѣренно и добровольно. Отъ такого заблужденія и невѣжества, влекущаго за собою неизбѣжно порочность и несчастіе, единственное спасеніе—философія, т. е. основательное образованіе ума и правильное воспитаніе всей души (IV, 1). Не въ одной только частной жизни, но и въ государствахъ, при низкомъ уровнѣ или упадкѣ просвѣщенія, обыкновенно низко падаетъ и уровень гражданской доблести и уровень общаго благоденствія (III, 5).

Впрочемъ, тайна благотворнаго образовательнаго дѣйствія этого нравоученія лежала не столько въ немъ самомъ, сколько въ томъ особомъ способѣ сообщенія и примѣненія

его къ дѣлу, который практиковалъ Сократъ съ искусствомъ и совершенствомъ неподражаемаго образца. Самъ Сократъ называлъ этотъ свой способъ или методъ во всей цѣлости повивательнымъ, но въ немъ можно различать два вида и въ каждомъ изъ нихъ по два момента. Въ примѣненіи къ теоретическому ученію, методъ Сократа можетъ быть охарактеризованъ такъ, какъ критическій и эвристическій, или эпагогическій. Сократъ никакой дисциплины не преподавалъ катехетически и догматически, но всегда велъ съ ученикомъ въ эротематической формѣ бесѣду, стараясь прежде всего выспросить у него все, что онъ знаетъ и думаетъ по тому или другому вопросу, и вслѣдъ затѣмъ подвергалъ критикѣ его знаніе (Memor. IV, 1, 2, 6), указывалъ или его неполноту и неточность, или его поверхностность, логическую шаткость, безсвязность, противорѣчивость и т. п. и этимъ приведя ученика къ сознанію своего незнанія, eo ipso возбуждалъ въ немъ жажду знанія болѣе основательнаго и совершеннаго, которое, однако, онъ самъ же долженъ былъ добывать путемъ ли чтенія, или самостоятельнаго разсужденія и изслѣдованія, Сократъ же новою бесѣдою обыкновенно старался только поставить его умъ на правый путь, навести на такія болѣе правильныя мысли, сужденія, заключенія, выводы, обобщенія, которыя бы послужили основами надлежащаго пониманія и знанія въ той или другой области познаваемаго. Нечего и говорить много о благоплодности этого метода при искусномъ его примѣненіи: это, такъ сказать, постоянное копанье учителя въ головахъ учениковъ, сопровождаемое извлеченіемъ оттуда всякаго сора, а затѣмъ это постоянное, такъ сказать, подталкиваніе, стимулированіе ихъ умовъ къ обстановкѣ и рѣшенію все новыхъ и новыхъ проблемъ заставляло ихъ и во время уроковъ или бесѣдъ напрягать всѣ силы ума, и дома работать много самостоятельно и сосредоточенно. Но, кромѣ головы и ума, Сократъ тоже самое дѣлалъ и съ сердцемъ, или нравомъ своихъ учениковъ, и тутъ даже съ еще большею заботливостію и внимательно-

стію. Тутъ его методъ тоже имѣлъ два момента—наблюденіе или испытаніе, и увѣщаніе, или побужденіе, и можетъ быть характеризованъ, какъ діагностическій и протрептическій. Считая хорошій нравъ (καλοκἀγαθίαν) еще болѣе цѣннымъ украшеніемъ человѣка, чѣмъ ученость или мудрость, Сократъ всѣ заботы прилагалъ объ образованіи у своихъ учениковъ такого нрава. Для этого, когда кто-либо новый заявлялъ желаніе поступить въ число ихъ, онъ не только экзаменовалъ его голову, но также испытывалъ всю его душу, старался распознать главныя основы и внутреннія пружины всего его нрава, такъ сказать, исповѣдывалъ (Memor. IV, 3, 1). Этотъ экзаменъ и еще болѣе эта исповѣдь для людей съ большимъ самолюбіемъ и самомнѣніемъ, особенно же для „душъ маленькихъ, не выросшихъ и искривленныхъ“ были настоящимъ камнемъ преткновенія,—такіе, словно псы или волки, готовы были искусать, словно ослы, ногами избить и истоптать Сократа, и съ злобнымъ разочарованіемъ удалялись отъ него послѣ первой же бесѣды. Но тѣхъ, которые серьезно желали образовать свой умъ, довоспитать, или перевоспитать свой нравъ, подобныя рѣчи Сократа не отталкивали отъ него ни въ началѣ, ни во все время общенія съ нимъ, ибо онъ не прекращалъ своего наблюденія и надъ тѣми изъ учениковъ, которые долго оставались при немъ, зорко слѣдилъ не столько за ихъ внѣшнимъ поведеніемъ, сколько за тѣмъ, изъ какихъ элементовъ и какъ, хорошо или дурно слагается нравственный характеръ каждаго изъ нихъ, и если замѣчалъ въ комъ что-либо противное началамъ доброй нравственности, дурное предрасположеніе, склонность, страсть, не чистые мотивы поступковъ и т. п., то не обинуясь указывалъ, поучалъ, отечески укорялъ (Memor. 1, 2, 24, 57; 1, 3, 8; 11, 3 и др.),—а всѣхъ и всегда наставлялъ и всячески подбодрялъ постоянно и непрерывно совершенствовать не одинъ только умъ, но всего внутренняго духовнаго человѣка. Какое дѣйствіе на учениковъ производили иногда подобныя наставленія Сократа, — объ этомъ можно

судить по признанію извѣстнаго Алкивіада (Sympos. 215. 216), который, сравнивая своего учителя въ этомъ отношеніи съ Марсіемъ и ученикомъ его Олимпомъ, пѣснями своими всѣхъ приводившими въ восхищеніе и изступленіе, о себѣ лично говоритъ: „даже рѣчи такихъ великихъ ораторовъ, какъ Перикл ъ, не производили на меня никогда такого дѣйствія, какъ рѣчи Сократа; трудно и выразить, что чувствовалъ и чувствую я, когда онъ говоритъ, но сердце у меня всегда бьется сильнѣе, чѣмъ у корибантовъ, а иногда даже текутъ изъ очей слезы, что случалось и бываетъ и со многими другими; слушая этого Марсія, я чувствую стыдъ предъ кѣмъ-то и за что-то и мнѣ иногда кажется, что и жить совсѣмъ не стоитъ въ такомъ рабствѣ, какъ я живу; да и для всякаго другого, кто искренно и серьезно желаетъ сдѣлаться лучшимъ, нѣтъ и не можетъ быть друга, руководителя и помощника надежнѣе и лучше, чѣмъ онъ". Послѣ всего этого нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать преувеличеніемъ ни свидѣтельство Ксенофонта—что у Сократа его ученики теряли свои дурныя склонности, привычки, нравы и становились добродѣтельными (Memor. 1, 2, 64 —φανερὸς ἦν τῶν συνόντων τοὺς πονηρὰς ἐπιθυμίας ἔχοντας τούτων μὲν πάθων, τῆς δὲ καλλίστης καὶ μεγαλοπρεπεστάτης ἀρετῆς, ἣ πόλεις τε καὶ οἴκοι εὖ οἰκοῦσι, προτρέπων ἐπιθυμεῖν), ни такое же убѣжденіе самого Сократа, которое онъ питалъ во все время своего учительства (IV, 8 καὶ οὐ μόνον ἐγὼ, ἀλλὰ καὶ οἱ ἐμοὶ φίλοι οὕτως ἔχοντες περὶ ἐμοῦ διατελοῦσιν οὐ διὰ τό φιλεῖν ἐμὲ, ἀλλὰ διόπερ καὶ αὐτοὶ ἂν οἴονται ἐμοί συνόντες βέλτιστοι γίγνεσθαι) и открыто исповѣдалъ на судѣ своемъ предъ аѳинскимъ правительствомъ и обществомъ. Этого мало,—нельзя считать преувеличеніемъ и то, тутъ же дерзновенно высказанное Сократомъ, его убѣжденіе, что морализующее вліяніе его учительства не ограничивалось тѣснымъ, такъ сказать, семейнымъ кружкомъ учениковъ и послѣдователей, но простиралось также отчасти на все общество столицы государства, не исключая и самого правительства: „аѳиняне, говорилъ онъ,

если вы меня казните, то едва-ли между вами найдется другой такой же, какъ я, ибо, сколь ни дикимъ покажется вамъ, но то истинная правда, что Богъ, помѣстивъ меня въ вашемъ городѣ, словно посадилъ на огромнаго и благороднаго коня, но по причинѣ самой огромности своей неповоротливаго и лѣниваго для того, чтобы я почаще давалъ ему шпоры, что я и дѣлалъ всегда, вездѣ, по цѣлымъ днямъ, будя васъ, убѣждая, всячески вамъ докучая... Но, очевидно, вы рѣшились осудить меня на смерть, чтобъ избавиться отъ моихъ укоровъ, обличеній. Такъ знайте же, что выйдетъ совсѣмъ напротивъ, что, вмѣсто меня одного, появится между вами много обличителей, которыхъ я доселѣ удерживалъ, а вы не замѣчали, и они станутъ злословить и поносить васъ тѣмъ съ большею дерзостію и неотвязчивостію, чѣмъ сами моложе; если вы думаете, что казнію людей можете спастись отъ укоровъ за всѣ неправды, то знайте, что такое спасеніе ненадежно уже потому, что безнравственно и преступно“ (Apolog. 31. 39).

Въ такой же мѣрѣ вліяніе Сократа на нравы учениковъ зависѣло и отъ того, что у него самого никогда не было разногласія между словомъ и дѣломъ, между ученіемъ о долгѣ и выполненіемъ его, между нравоученіемъ и поведеніемъ: тутъ онъ еще болѣе, чѣмъ въ наукѣ и философіи, шелъ, такъ сказать, впереди всѣхъ, указывая имъ и облегчая путь правой и доброй жизни собственнымъ живымъ примѣромъ. Намъ нѣтъ надобности много работать надъ рисовкою нравственнаго характера Сократа, такъ какъ тотъ набросокъ типа философа, которымъ мы начали свою рѣчь, Платонъ, по всѣмъ соображеніямъ, почти цѣликомъ скопировалъ со своего незабвеннаго учителя, котораго считалъ если не самымъ совершеннымъ идеаломъ, то по крайней мѣрѣ лучшимъ, безупречно чистымъ типомъ истиннаго философа, почему свою глубокую къ нему любовь и высокое почитаніе благодарнаго ученика выразилъ, кромѣ этого, еще и тѣмъ, что во всѣхъ своихъ діалогахъ не въ свои, а въ его уста вложилъ всѣ свои самые возвышенные

и задушевные помыслы—всю свою и спекулятивную и нравственную философію. А потому, чтобъ своимъ неумѣлымъ мараньемъ не испортить мастерского Платоновскаго эскиза мы съ своей стороны позволимъ себѣ сдѣлать еще лишь нѣсколько штриховъ, и то позаимствовавъ ихъ частію у того же Платона, частію у Ксенофонта. По согласному свидѣтельству обоихъ этихъ учениковъ, Сократъ былъ убѣжденъ и ни предъ кѣмъ не скрывалъ своего убѣжденія, что въ немъ живетъ и ему вѣщаетъ демонъ, руководитъ его поступками не столько положительно, повелѣвая такое или иное доброе начинаніе, дѣло, сколько отрицательно, отклоняя отъ всего дурного и вреднаго. Нечего удивляться, что этотъ демонъ для большинства аѳинянъ былъ камнемъ соблазна и преткновенія;—надъ нимъ и ученые новаго времени немало задумывались и поломали перьевъ. Между тѣмъ, всякій еллинскій жрецъ не могъ не знать того пункта традиціонной, у всѣхъ почти народовъ встрѣчаемой, вѣры, по смыслу котораго каждый человѣкъ имѣетъ своего особаго демона—руководителя и наставника[1])—добраго, пока онъ повинуется добру, и злого, который тотчасъ занимаетъ мѣсто добраго, когда поведеніе человѣка становится дурнымъ, порочнымъ. Но это религіозное вѣрованіе уже поэтомъ Эпихармомъ (ὁ τρόπος ἀνθρώποισι δαίμων ἀγαθός, οἷσδε καὶ κακὸς), а потомъ философомъ Гераклитомъ переведенное на психологическій языкъ, превращено было въ положеніе, что и добрый и злой демонъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ—внутри его—въ его сложившемся преобладающемъ нравѣ добромъ или дурномъ—ἦθος ἀνθρώπῳ δαίμον. По смыслу этого положенія, какъ человѣкъ, имѣющій уже сложившійся и укоренившійся дурной нравъ, безсиленъ поступать вопреки ему, ибо всякій

[1]) Эта вѣра какъ задолго до Сократа существовала, такъ и послѣ него долго продолжала свое существованіе. Извѣстна она была гораздо позднѣе его комику Менандру, какъ показываетъ его изреченіе—ἅπαντι δαίμων ἀνδρί συμπαρίσταται εὐθύς γενομένῳ μυσταγωγός τοῦ βίου ἀγαθός.

разъ чувствуетъ, какъ онъ неотразимо влечетъ и клонитъ на все злое, словно какая неодолимая демоническая сила, такъ и, наоборотъ, съ человѣкомъ добраго нрава должно быть и бываетъ совсѣмъ противное этому: у кого правильно развитъ, зрѣлъ и крѣпокъ отъ упражненія и навыка нравственный разумъ или внутренній высшій духовный человѣкъ, тому онъ и вѣщаетъ всегда неложно, какъ слѣдуетъ поступать въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно же явственно, категорически—непреложно и сурово въ тѣхъ случаяхъ, когда низшій чувственный человѣкъ, движимый низменными влеченіями, пожеланіями, страстями, клонитъ дѣло въ свою совсѣмъ противоположную сторону, искушаетъ ради своего удовлетворенія нарушать нравственный законъ; такой человѣкъ почти безсиленъ поступать вопреки своему нраву, ибо при каждомъ такомъ искушеніи чувствуетъ, что онъ, какъ нѣкій высшій владычествующій духъ, держитъ въ своей власти его волю, наклоняетъ ее на обычный путь добра, всячески отклоняетъ отъ зла. Не иное что, какъ это, и разумѣлъ Сократъ, ни отъ кого не скрывая и даже на своемъ послѣднемъ судѣ не отрицая, что ему во всю жизнь былъ присущъ демонъ, одно позволявшій и повелѣвавшій, другое запрещавшій и отъ этого отклонявшій. И это была не горделивая претензія, а чистая правда, непонятная и сомнительная лишь для тѣхъ, которымъ совсѣмъ неизвѣстно, что такое есть трудный подвигъ нравственнаго совершенствованія, происходящій притомъ подъ постояннымъ контролемъ самонаблюденія и самоиспытанія. Что Сократъ думалъ и говорилъ лично о себѣ, то самое новѣйшій знаменитый философъ—моралистъ Фихте говоритъ вообще о чистомъ, совершенномъ нравственномъ характерѣ: когда человѣкъ до такой степени очистилъ и образовалъ свой духъ, что во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ словахъ и внутреннихъ расположеніяхъ ничего болѣе не выражаетъ кромѣ одной чистой нравственности, то онъ можетъ думать и вѣрить и часто вѣритъ, что въ немъ и чрезъ него говоритъ и дѣйствуетъ самъ Богъ. Да

и въ чемъ скорѣе всего мы можемъ признать истинное явленіе и выраженіе божественнаго на землѣ, если не въ духѣ сіяющемъ божественною красотою? А таковъ именно былъ духъ Сократа. Но все-же это былъ духъ въ бренномъ человѣческомъ тѣлѣ. Платонъ устами Алкивіада (Sympos. 215. 221) говоритъ, что „личность Сократа есть такая своеобразная и необычайная, что нельзя найти въ исторіи ни одной другой сколько нибудь похожей на него для сужденія по аналогіи и сравненію (τὸ δὲ μηδενὶ ἀνθρώπων ὅμοιον εἶναι, μήτε παλαιῶν μήτε τῶν νῦν ὄντων,—τοῦτο ἄξιον παντὸς θαύματος), почему его можно уподобить развѣ тѣмъ фавнамъ и силенамъ, которыхъ можно видѣть въ мастерскихъ художниковъ; сами эти силены имѣютъ некрасивыя сатирическія лица, но внутри ихъ помѣщаются прекрасные образы боговъ. Такую же противоположность внутренняго внѣшнему представляетъ и личность Сократа: по лицу и всей внѣшности онъ не красивѣе силена, а внутри великая и прекраснѣйшая душа, да и самыя рѣчи его по внѣшней своей оболочкѣ шероховаты, даже какъ будто нескладны и похожи на мохнатую кожу сатира; но кто умѣетъ сквозь эту шершавую оболочку проникнуть до самой сердцевины, тотъ найдетъ въ нихъ всегда глубокій смыслъ, увидитъ въ нихъ прекрасные образы добродѣтелей и все то божественное, которое долженъ созерцать человѣкъ, если желаетъ быть нравственно-добрымъ“. Нѣчто подобное читаемъ мы и у Ксенофонта, изображающаго внѣшнюю бѣдность Сократа совмѣстно съ внутреннимъ богатствомъ и совершеннымъ довольствомъ духа. Сократъ ничего не имѣлъ, кромѣ домика, въ которомъ за постояннымъ отсутствіемъ хозяина, все хозяйство вела бравая, энергичная супруга его Ксантиппа, да ветхаго плаща съ истоптанными сандаліями, и однакоже отъ этого онъ нисколько не унывалъ. Богачъ Алкивіадъ, разсказываютъ, предлагалъ было ему въ даръ кусокъ земли для постройки на ней большаго и лучшаго дома; но онъ сказалъ на это: „еслибъ у меня даже обуви не было, а ты предложилъ для нея

кожу, я и то не взялъ бы". Проходя между рядами съѣстныхъ припасовъ, онъ говаривалъ: „какое удивительное множество и разнообразіе, и какъ хорошо, что все это для меня не нужно", а въ виду магазиновъ съ дорогими вещами и одеждами декламировалъ ямбъ: „серебряныя украшенія и порфиры для трагическихъ развѣ актеровъ пригодны" (Diog. Laert. 11, 5, 9). Нѣкоего Антифона болѣе другихъ смущало то, что Сократъ не беретъ платы за ученіе не смотря на то, что самъ не имѣетъ средствъ жить прилично, питается чѣмъ попало, и то впроголодь, носитъ лѣтомъ и зимою одну и ту же ветхую одежду и обувь и т. п. Сократъ на его приставанья и совѣты отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ: меня моя скудная пища удовлетворяетъ нисколько не хуже, чѣмъ лакомца обильная и изысканная, моя ветхая одежда съ обувью—тоже, и при всей бѣдности моей, я никакому богачу не завидую, ибо всегда благодушествую въ той мысли, что не имѣть никакихъ нуждъ и потребностей свойственно вседовольному Божеству, а имѣть ихъ какъ можно меньше значитъ въ такой же степени быть близкимъ и подобнымъ Божеству. — Въ заключеніе, можно привести еще общее сужденіе о Сократѣ—Ксенофонта, который спустя много лѣтъ послѣ разлуки съ своимъ учителемъ и его смерти, послѣ собственныхъ многообразныхъ жизненныхъ странствованій, всяческихъ приключеній и превратностей, не забылъ о немъ, а написалъ цѣлую книгу дорогихъ воспоминаній, которую закончилъ такими словами: „не я одинъ, но и всѣ, знавшіе Сократа болѣе или менѣе близко, и донынѣ скорбятъ и тоскуютъ по немъ, и не удивительно, ибо это былъ человѣкъ до такой степени благочестивый, что ничего не предпринималъ и не дѣлалъ безъ изволенія и указанія Божія, до того справедливый, что никого ничѣмъ никогда не обидѣлъ, а напротивъ всячески старался быть полезнымъ кому чѣмъ могъ, такое самообладаніе всегда имѣлъ, что никогда не предпочиталъ пріятнаго полезному и должному, такою обладалъ мудростію и разсудительностію, что

никогда не погрѣшалъ въ избраніи лучшаго и отстраненіи худшаго, мало того, тутъ онъ настолько былъ силенъ, что и для другихъ могъ быть судьею, наставникомъ, руководителемъ, словомъ это былъ человѣкъ и самый прекрасный и въ то же время самый блаженный".

Этотъ прекраснѣйшій человѣкъ, несшій съ изумительнымъ рвеніемъ и самоотверженіемъ самую высокую и самую трудную службу обществу—уже 70-ти лѣтній старецъ не заслужилъ, однако, у своихъ согражданъ не только чего-либо лучшаго, но даже права умереть своею смертію. Послѣ строгаго внушенія и предупрежденія отъ давнишняго ученика своего Критія, Сократъ предусматривалъ не только то, что ему раньше или позже за свое учительство придется держать отвѣтъ на судѣ, но и то, что этотъ судъ будетъ для него роковымъ, такъ какъ будетъ похожъ на судъ любящихъ лакомства и сласти мальчугановъ, творящихъ расправу надъ врачемъ, предписывающимъ имъ отъ разныхъ недуговъ и болѣзней непріятныя горькія и кислыя лекарства, по обвиненію повара, считающаго все непріятное для вкуса нелѣпымъ и неумѣстнымъ съ точки зрѣнія своего кулинарнаго искусства (Gorg. 521. 522). Въ самомъ дѣлѣ, обвинителями Сократа явились одинъ любитель сластей въ видѣ всякихъ заискиваній, ухаживаній, льстиваго почета и угодничества—богатый и вліятельный въ правительственной сферѣ Анитъ и двое изготовителей всякаго рода лакомствъ и сластей для подобныхъ Аниту людей—риторъ или оффиціальный ораторъ Ликонъ и безвѣстный риѳмоплетъ Мелитъ,—сынъ поэта того же имени. И злоѫ посмѣялась надъ всѣми ими судьба, затмивъ ихъ слабые умы до такой степени, что они взвели на Сократа вины небывалыя, лишенныя всякаго основанія и смысла;—человѣка, всю жизнь свою посвятившаго на самое высокое и священное служеніе Богу и людямъ, провозвѣстника истиннаго богопочитанія, или благочестія обвиняли въ атеизмѣ, а ревностнѣйшаго образователя добрыхъ нравовъ молодого

поколѣнія, вдохновленнаго наставника добродѣтели—въ развращеніи юношества. Свидѣтелей, которые пожелали бы хотя посредствомъ лжи и клеветы подтвердить эти обвиненія, не оказалось; напротивъ, многіе изъ присутствовавшихъ въ залѣ суда готовы были рѣшительно отрицать его справедливость;—казалось, все обстояло хорошо для обвиняемаго, тѣмъ болѣе, что онъ, хотя не имѣлъ за что нанять для своей защиты искуснаго ритора, но и самъ умѣлъ говорить убѣдительныя рѣчи; обвинители его даже прямо высказывали опасеніе, что онъ всѣхъ ими обольститъ и очаруетъ... Но они ошиблись, не принявъ въ соображеніе, что аудиторія, предъ которою теперь приходилось говорить Сократу, совсѣмъ не похожа на ту, которая всегда хорошо понимала, правильно толковала его рѣчи и всегда выходила убѣжденною ими. Обычная неказистая силеническая оболочка его рѣчи полная ироніи, діалектической запутанности и парадоксальности сразу бросилась въ глаза судьямъ, прекрасная же внутренняя мысль ея и чистая, святая правда если и была ими смутно понята, то пробудила не хорошіе и благородные, а лишь дурные и низменные инстинкты и чувства: правда, ничтожнымъ большинствомъ всего трехъ голосовъ, но все же былъпризнанъ и объявленъ Сократъ виновнымъ въ обоихъ преступленіяхъ, взведенныхъ на него доносчиками. Послѣ этого наступилъ второй актъ тяжелой драмы. Подсудимый не могъ уже ничего подѣлать противъ состоявшагося по всей формѣ установленія виновности, и ему можно еще было только прибѣгнуть къ обычнымъ способамъ смягченія судей—къ поклонамъ, просьбамъ, слезамъ и т. п., чтобъ получить наказаніе возможно меньшее. Но это былъ совсѣмъ иного рода подсудимый. Судьи, говорилъ онъ, у меня нѣтъ безстыдства говорить и дѣлать то, что вамъ было бы пріятно,—выражать всячески свою скорбь, проливать слезы, униженно просить, умолять, приводить сюда своихъ дѣтей и родственниковъ, чтобъ и тѣ за меня то же самое дѣлали; ничего подобнаго рабскаго во всю свою жизнь я не дѣлалъ

и теперь не сдѣлаю,—все это недостойно ни меня, ни васъ, ибо и вы здѣсь засѣдаете не для того же, чтобъ дарить правду за просьбы, слезы и все тому подобное, а чтобы изслѣдовать ее, и согласно съ правдою творить судъ правый. По правому суду, мнѣ старику, столько лѣтъ несшему не маловажное и нелегкое служеніе Богу и государству, слѣдовало бы дать пропитаніе до конца дней въ Пританеѣ. Но разъ я признанъ виновнымъ, а виновнаго нельзя по закону оставлять безъ наказанія, то какому же меня вы подвергнете? Въ изгнаніе я не пойду, потому, что куда бы не удалился, вездѣ найдутся и станутъ ко мнѣ стекаться желающіе меня слушать и со мною бесѣдовать и, значитъ, вездѣ мнѣ грозитъ тоже самое, что постигло меня здѣсь, да и тутъ, у васъ, я не перестану этого дѣлать, ибо Богу слѣдуетъ больше повиноваться, чѣмъ вамъ. Остается только денежная пеня: самъ я кое-какъ могъ бы выплатить лишь одну мину серебра, но, надѣясь на ручательство за меня друзей, готовъ подвергнуться пенѣ въ 30 минъ. Понятно, какое дѣйствіе произвела эта рѣчь на „маленькія и кривыя души“ судей: ничтожная пеня показалась имъ злой шуткой, предъявленіе права на Пританей принято было разомъ и за высокомѣрную притязательность и за насмѣшливый укоръ себѣ въ неправдѣ произнесеннаго обвиненія, а отказъ отъ ссылки вмѣстѣ съ заявленіемъ, что учительство и въ Аѳинахъ не будетъ прекращено въ силу обязанности большаго повиновенія суду Божію, чѣмъ человѣческому, принятъ былъ какъ дерзкая и опасная угроза ихъ авторитету, и они, движимые сколько злобою, столько же и страхомъ, осудили его не на пеню и не на изгнаніе, а на смерть отъ яда, осудили уже такимъ огромнымъ большинствомъ (281), что на его сторонѣ оказалось лишь самое ничтожное число голосовъ.

Приговоръ этотъ, однако, былъ приведенъ въ исполненіе лишь 30 дней спустя вслѣдствіе того, что столько времени пришлось ожидать возвращенія изъ Делоса корабля со свя-

щеннымъ посольствомъ. Итакъ, Сократъ былъ отведенъ въ тюрьму. Тюрьма эта лишь на одной стѣнѣ высоко вверху имѣла отверстія для свѣта и воздуха, остальныя стѣны были глухія. Ноги и руки старика заклепали въ узы, и онъ послѣ этого долженъ былъ сидѣть неподвижно, имѣя предъ глазами со всѣхъ сторонъ глухія стѣны, потому что къ задней, въ которой были отверстія, поворачиваться не было никакой возможности [1]). Ужасное положеніе! И такъ цѣлыхъ 30 дней и ночей! А между тѣмъ эти 30 дней для Сократа и друзей его были, повидимому, самыми лучшими днями жизни. Сначала друзья и ученики, сговорившись между собою и условившись обо всемъ, хотѣли было устроить узнику тайный побѣгъ, но онъ рѣшительно отклонилъ ихъ предложеніе на томъ основаніи, что для всякаго гражданина, а для него въ особенности, отечество должно быть почтеннѣе и священнѣе всего—отца и матери, даже самой жизни и что, поэтому, онъ не можетъ взять на свою сѣдую голову позора бѣгства изъ тюрьмы и отечества ради спасенія отъ назначенной по отечественнымъ законамъ кары (весь Критонъ). Даже Ксантиппѣ, приходившей къ мужу съ малюткой на рукахъ и другими двумя мальчиками, для подкрѣпленія своихъ просьбъ, моленій, слезъ, заклинаній, не удалось смутить ясную душу и поколебать непреклонную волю философа. Несчастная женщина отъ этого въ неистовство приходила и однажды сказала: „да ты-то, упрямецъ, вижу, и умъ весь потерялъ, я своимъ малымъ женскимъ умомъ и то понимаю, что тебя осудили невиннаго несправедливо и безаконно“. На это философъ спокойно отвѣтилъ: „ну, да,—такъ, это-то и хорошо; иное дѣло, если бы осудили справедливо и законно, тогда было бы о чемъ сокрушаться и терзаться (Diog. Laert. II, 5, 35). И уходила всякій разъ бѣдная женщина ни съ чѣмъ, кромѣ смертной тоски и отчаянія въ душѣ. Съ друзьями же и учениками, навѣщавшими его ежедневно и

[1]) Такъ мы представляемъ себѣ тюрьму на основаніи Платоновскаго изображенія Resp. VII, 515. Правда, у Платона это поэтическій образъ; но въ немъ, нужно полагать, многія черты взяты изъ дѣйствительности.

просиживавшими у него съ утра до вечера, не смотря на то, что это было для нихъ небезопасно, онъ велъ бесѣды съ такимъ благодушіемъ, что и они и онъ самъ совсѣмъ забывали о грозномъ значеніи окружающей обстановки. Одинъ изъ нихъ объ этихъ прощальныхъ посѣщеніяхъ и бесѣдахъ говоритъ: „находясь подлѣ Сократа, мы какъ будто совсѣмъ не испытывали жалости и печали въ виду его близкой смерти, ибо онъ былъ всегда въ такомъ возвышенномъ, блаженномъ состояніи духа, какъ будто приближеніе смерти гораздо больше его радуетъ, чѣмъ смущаетъ; — его, очевидно, а за нимъ и насъ успокаивала та мысль, что его близкое отшествіе въ преисподнюю совершается не безъ Божіей воли и что онъ и тамъ будетъ блаженнѣе, чѣмъ всякій другой; потому-то душа наша всегда полна была какого-то особаго чуднаго, невыразимаго чувства, представляющаго смѣсь глубокой жгучей скорби съ высокою и чистою радостію (Phaed. 58. 59). Въ особенности такова была бесѣда Сократа о безсмертіи въ послѣдній день жизни—бесѣда, которую онъ самъ назвалъ своею послѣднею лебединою пѣснію. Эта бесѣда не на однихъ только тогдашнихъ собесѣдниковъ произвела описанное впечатлѣніе, но и нынѣ она вызываетъ тѣ же впечатлѣнія, мысли, чувства, во всякомъ, кто способенъ вдуматься въ неизмѣримо глубокій и высокій ея смыслъ и духъ: когда воочію видишь, какъ великій духъ мудреца, всю долгую жизнь неустанно работавшаго надъ своимъ совершенствованіемъ и очищеніемъ, достигъ въ самомъ дѣлѣ такой нравственной чистоты и мощи, такого полнаго отрѣшенія отъ всего земного, не исключая отсюда ни дружескихъ, ни супружескихъ, ни родительскихъ связей, что разстается со всѣмъ этимъ и съ самою жизнію земною безъ скорби и печали, идетъ на встрѣчу смерти безъ трепета и страха, съ благодушіемъ и радостнымъ упованіемъ, что за чертою земной жизни его ожидаетъ еще болѣе высокое и важное нравственное дѣланіе и лучшая блаженная

судьба,—то душею овладѣваетъ, кромѣ благоговѣнія къ величію и счастію такого духа, какое то особое глубокое волненіе, какое-то невыразимо смѣшанное чувство симпатіи и зависти, радости и печали: симпатіи и радости, что такой же, какъ у насъ, человѣческій духъ способенъ достигать такой высоты, мощи и чистоты, а зависти и печали, что мы-то сами такъ еще отъ этого далеки, что такъ еще не далеко ушли по тому пути, которымъ шествовать въ жизни долженъ мудрый человѣкъ. Но кончилась и эта дивная послѣдняя бесѣда. День клонился къ вечеру, солнце къ закату. Съ женой и дѣтьми давно уже распростился навѣки Сократъ. Съ него сняли кандалы, и въ то время, какъ растиралась въ ступкѣ цикута, онъ тщательно вымылся и какъ бы принарядился. Наконецъ, поднесена полная чаша съ ядомъ,—онъ взялъ ее не дрогнувъ, и выпилъ до дна не поморщившись, такъ хладнокровно, какъ будто это было хорошее вино. Тутъ только друзья и ученики не выдержали,—стали плакать навзрыдъ и метаться въ вопляхъ отчаянія. Сократъ же, утѣшая и успокоивая ихъ, самъ продолжалъ быстро ходить по комнатѣ для ускоренія дѣйствія яда, пока не почувствовалъ, что ни ходить, ни стоять больше не въ силахъ. Тогда онъ легъ на ложе и прикрылся своимъ ветхимъ плащемъ,—тѣло его стало быстро холодѣть и коченѣть. Послѣднія слова его были: не забудьте, друзья, принести обо мнѣ жертву. Критонъ закрылъ мертвецу глаза".

„Такъ-то, заключаетъ разсказчикъ, умеръ Сократъ—мудрѣйшій и справедливѣйшій изъ людей". Но мы не прочь усомниться въ этомъ, хотя это разсказъ очевидца, и спросить, да такъ ли, въ самомъ ли дѣлѣ умеръ Сократъ, когда онъ тѣмъ же друзьямъ и ученикамъ, испрашивавшимъ распоряженій относительно погребенія, сказалъ, что погребеніе касается только тѣла, но самъ онъ не останется въ могилѣ, а уйдетъ, и они поэтому не должны себѣ воображать, что положили, вынесли и погребли его (Phaed. 115. C)? А если такой вопросъ слишкомъ ужъ страненъ, то мы иначе его по-

ставимъ и спросимъ: куда же ушелъ душею своею Сократъ, неужели въ тотъ же самый бездонный никому невѣдомый Аидъ, въ который позднѣе сошли всѣ осудившіе его аѳиняне, въ который сходили и сходятъ милліоны людей всѣхъ странъ, оставляя послѣ себя слѣдъ не большій и не дольше, чѣмъ камень брошенный въ пучину океана?—Нѣтъ, онъ не сошелъ въ этотъ Аидъ, а остался жить на землѣ въ общеніи съ людьми, этого желающими и на это способными. Если вѣрить разсказу, то онъ скоро ожилъ, во всемъ своемъ величавомъ образѣ, даже въ душахъ казнившихъ его аѳинянъ, которые, опомнившись, придя въ раскаяніе, закрыли въ знакъ общественнаго горя гимназіи и палестры, невинно умерщвленному поставили мѣдную статую, а обвинителей его наказали изгнаніемъ (Diog. Laert. II, 5, 43). Но если все это не вполнѣ такъ было, какъ разсказывается, то уже никакому не подлежитъ сомнѣнію то, что Сократъ послѣ смерти не переставалъ жить въ общеніи съ Платономъ, Федономъ, Критономъ, Кебломъ, Симміасомъ, Ксенофонтомъ, словомъ, со всѣми своими учениками и послѣдователями, а потомъ и съ дальнѣйшими поколѣніями философовъ, начиная отъ Аристотеля и кончая Платономъ, Ямблихомъ, Порфиріемъ и др. Жилъ онъ въ продолженіе многихъ вѣковъ въ общеніи и съ новыми философами—съ Декартомъ, Спинозою, Лейбницемъ, Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ, Лотце и проч. и проч., а чрезъ нихъ оживалъ часто и въ цѣлыхъ ихъ аудиторіяхъ. Смѣю думать, что и здѣсь въ сіи минуты онъ присутствуетъ своимъ духомъ среди насъ и въ насъ.

Въ чемъ же, спрашивается, заключается причина, или право этой его жизни среди людей, продолжающейся уже двадцать три почти столѣтія? Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно признавать за нимъ это право: для историка Сократъ великъ и безсмертенъ, какъ крупная историческая личность своей эпохи,—для философа—это одно изъ самыхъ большихъ свѣтилъ вѣчной истины и мудрости, звѣзда первой величины

на философскомъ небосклонѣ, для поэта-трагика это—центральное лицо, колоссальный герой великой политической драмы; для психолога—это рѣдкій типъ великаго, строго-выдержаннаго, словно изъ стали выкованнаго, нравственнаго характера, типъ чрезвычайно сложный и трудно поддающійся точному анализу и ясному представленію, и т. п.; для насъ же—людей школы, притомъ такой, которая предназначена приготовлять учителей юношества, Сократъ великъ и безсмертенъ, какъ вѣчно-достойный подражанія учитель и воспитатель молодого поколѣнія. Въ чемъ же собственно заключается тайна этого его величія? Главныя основы истинно-великаго какъ вездѣ, такъ и здѣсь, поражаютъ своею непосредственностію и простотою. Учительство Сократа, кромѣ его научно-теоретической подготовленности и опытно-технической сноровки, утверждалось на двухъ главныхъ очень незамысловатыхъ, но за то самыхъ надежныхъ основахъ—на живой вѣрѣ въ Бога и на живой любви къ своимъ ученикамъ. Сократъ, какъ мы видѣли, былъ глубоко убѣжденъ, что его учительство есть сколько служеніе людямъ, столько же и даже болѣе—служеніе Богу; поэтому-то онъ старался совершать это служеніе съ возможною осмотрительностію и добросовѣстностію, съ задушевною искренностію и ревностію въ той мысли, что его дѣланіе на каждомъ шагу, въ каждую минуту и извнѣ и изнутри открыто предъ всевидящимъ окомъ Божества, которое не ослабно блюдетъ за всѣмъ, а особенно за столь великимъ и святымъ въ человѣчествѣ дѣломъ, какъ это. Онъ вѣровалъ, что каждую минуту можетъ дать за каждый шагъ своего дѣланія незазорный отвѣтъ даже предъ судомъ Божіимъ, не говоря уже о судѣ человѣческомъ, какъ бы онъ строгъ и требователенъ ни былъ. Это вѣрованіе и убѣжденіе всей своей жизни онъ твердо исповѣдалъ и предъ смертію на судѣ предъ многочисленнымъ собраніемъ аѳинской интеллигенціи. Тутъ же столь же твердо и неложно сдѣлалъ онъ и то другое признаніе, что учительство его было совершенно безкорыстно и

вытекало единственно изъ его отеческой любви къ ученикамъ, такъ что они были для него не чужими дѣтьми, а словно собственными родными сыновьями. Это значитъ, что Сократъ велъ дѣло ученія и воспитанія такъ, какъ велъ бы его, если бы оно простиралось не на чужихъ, а на своихъ кровныхъ дѣтей. Едвали человѣчество когда-либо придумаетъ что-либо лучшее и болѣе надежное, чѣмъ эта вторая основа и вмѣстѣ норма Сократова учительства. Таково уже мудрое устройство человѣческой природы, что всякій хорошій отецъ желаетъ въ своихъ дѣтяхъ видѣть не повтореніе только себя самого, но и возможное улучшеніе, почему, когда онъ самъ слѣдитъ за образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей, то всѣ заботы прилагаетъ, съ одной стороны, къ тому, чтобъ все лучшее въ нихъ до возможной степени развить, для ихъ же счастья и собственной радости, а съ другой, все дурное исправить, искоренить въ желаніи ихъ спасти отъ печальныхъ послѣдствій, а себя отъ стыда и тяжкихъ страданій. Воспитаніе умнаго и хорошаго отца одинаково далеко и отъ мягкосердаго попустительства, потворства, баловства, и отъ холоднаго, суроваго педантизма и ригоризма; отеческая любовь, которою оно управляется, въ такой же степени неуклонно всячески преслѣдуетъ и караетъ все дурное, въ какой ласкою, одобреніемъ поощряетъ все доброе.—Но правда ли, что учительство Сократа опиралось на этой именно основѣ и подчинено было этой нормѣ,—доказалъ ли онъ это чѣмъ нибудь? Доказалъ вотъ какъ. Вѣдь и онъ „не отъ дуба и не отъ камня родился“, но имѣлъ родителей въ свое время, а теперь свою семью—жену и троихъ мальчиковъ. Если что заботило его послѣ осужденія, то больше всего судьба дѣтей и мысль о возможно-лучшемъ ихъ воспитаніи. Эту свою озабоченность онъ тоже высказалъ уже послѣ произнесенія смертнаго приговора въ такомъ видѣ: „такъ какъ въ смерти, на которую вы меня осудили, я вижу для себя больше добро, чѣмъ зло, то быть можетъ вы пожелаете отмстить мою вину противъ

васъ еще и на дѣтяхъ моихъ; ихъ трое,—одинъ уже юноша, а двое еще маленькіе. Отплатите же, прошу и молю васъ вогъ чѣмъ: учите ихъ, или мучайте какъ разъ такъ, какъ я училъ или мучилъ вашихъ сыновей, и если замѣтите въ нихъ что-либо дурное, то не потворствуйте, а всячески укоряйте и исправляйте,—этимъ вы хоть отчасти загладите неправду моего осужденія". Едвали возможно доказательство еще болѣе убѣдительное, чѣмъ это: когда учитель и воспитатель, ввѣряя образованіе и воспитаніе своихъ родныхъ дѣтей бывшимъ своимъ ученикамъ и питомцамъ, проситъ и молитъ учить и воспитывать лишь не хуже и не иначе, а именно такъ, какъ самъ онъ ихъ училъ и воспитывалъ, то что иное это выражаетъ какъ не убѣжденіе, что его собственное учительство и воспитательство было самое ревностное и добросовѣстное, словомъ истинно-отеческое?

Повидимому, еще не наступило, но, быть можетъ, наступитъ время, когда не отдѣльныя только избранныя личности, а цѣлое сходящее со сцены поколѣніе учителей и воспитателей съ чистою совѣстію и несомнѣнною надеждою оставитъ точно такой же сократовскій завѣтъ относительно своихъ дѣтей новому смѣняющему его поколѣнію, тогда высокій идеалъ образованія и воспитанія можно будетъ считать близкимъ къ осуществленію, если уже не осуществленнымъ.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ